

Rowan Rust

*«В этой темноте
нет ничего страшнее
тебя самого»*

*Замедленное
паденье*

Альтернативная Европа начала XXI века. Эпидемия неизвестной болезни поставила население небольшого города под угрозу вымирания. Выжившие ведут себя очень «почеловечески»: вместо того чтобы сплотиться перед лицом смертельной угрозы, они уничтожают друг друга, подозревая в каждом встречном зараженного. Трое дезертиров из враждующих группировок объединяются, чтобы найти спасение для города в подземельях, откуда, по слухам, и пришел вирус. За благородной целью кроются глубоко личные мотивы: каждый из троих ищет избавления от теней своего прошлого. Но глупо прятаться от призраков в заброшенных усыпальницах...

I. ПОРОГ. 1.1

I. ПОРОГ

«But beware, secrets are secrets for a reason.»

Simon, Seeker of secrets

Bloodborne™ videogame, Old Hunters DLC

Из-за реки снова тянет дымом. Странно, но это кажется даже приятным, потому что резкий сырой ветер, треплющий полы плащей редких прохожих и шелестящий обрывками пакетов по узким улочкам, на этот раз доносит всего-навсего запахи горящих гнилых деревяшек и тряпья, а не омерзительную вонь обугленного мяса и паленой шерсти.

Эти запахи не перебить ничем. И повязка, пропитанная антисептиками, несколько не защищает от удушливых миазмов, намертво въедающихся не только в волосы и одежду (ничем не отмыть, не отстирать), но и, кажется, в сами легкие. И пора бы уже привыкнуть к отвратительному сочетанию аптечных запахов и теплой, тошнотворной вони горелой плоти, но как к такому привыкнешь?.. Как мутило пять лет назад, так мутит и сейчас.

Тяжело жить на свете с обостренным обонянием. В умирающем, насквозь пропитанном заразой городе — и вовсе невыносимо. Впрочем, в этом городе жить вообще невыносимо. Но — живут же как-то. Пока еще живут...

А обостренный нюх превращает каждый вдох в пытку. Бесчисленное множество запахов, даже таких слабых, которые обычный человек и не заметит, способно свести с ума. А уж такие сильные, как запахи далеких пожарищ и погребальных костров, становятся сущим кошмаром и преследуют даже во снах. Самые отвратительные сочетания — запахи дерьма и дешевого парфюма; крови и цветов; могильной земли и формалина. И, конечно, обугленного мяса и антисептика-деодоранта.

Люди, как могут, борются с всепроникающей вонью: повязки, маски, противогазы... У кого на что хватает средств. Но каждый из живых в этом городе уже насквозь пропитан этими запахами — запахами болезни, смерти и страха.

Ветер сегодня дует из-за реки. Горят старые строения. Странно... Неужели там еще осталось чему гореть?

***

Город, название которого было высечено на полукруглой каменной арке на въезде, но никем с начала эпидемии — а значит, с начала изоляции от остального мира — не называемый иначе как просто Город, давно уже умирал — и никак не мог умереть окончательно. Начавшаяся пять лет назад эпидемия неведомой болезни, получившей за набор жутких симптомов название «нейрочума», постепенно выкашивала население. И самым страшным в ней являлось то, что численность жителей сократилась за эти годы не так уж значительно — а вот число *людей* становилось все меньше и меньше.

Нейрочума поражала центральную нервную систему и давала огромное количество разнообразных симптомов — от полного паралича до легких нервных тиков. Поначалу это и помешало вовремя заметить начало эпидемии — просто участились случаи обращения к

невропатологам с различными жалобами, возросло количество рецептов на успокоительные... Люди думали, что просто переутомились, перенервничали. А потом...

А потом семью такого «утомившегося» клерка находили зверски убитой, буквально разорванной на куски, с четкими следами зубов отца семейства на коже.

И самого его — в углу супружеской спальни, с головы до ног покрытого кровью жены и детей, трясущегося от ужаса и ничего не помнящего...

Бедолагу запирали в лечебнице для душевнобольных, наблюдали, расспрашивали... Ничего не могли понять. Пациент оставался адекватным, искренне горевал о смерти близких, проклинал себя и порывался наложить на себя руки. В общем, вел себя как абсолютно нормальный человек!

До тех пор, пока его не находили в палате (камере?) с перегрызенными венами на обеих руках.

А потом проводивший вскрытие прозектор, который имел привычку работать без маски, без всяких видимых причин голыми руками душил ассистента, а затем разбивал себе голову о стену в коридоре морга.

И так далее и тому подобное... Конечно, закономерность была выявлена достаточно быстро. И вот тогда началась паника.

В том, что причиной происходящего является некий вирус, уже ни у кого не оставалось сомнений. Проблемой оказалось то, что обнаружить этот вирус в крови заболевших и умерших не удавалось.

Прошло полтора года. Врачи и ученые работали не покладая рук. Изобретались новые методы диагностики, приборы и реагенты для анализов крови. И строились новые лечебницы — с камерами, предназначенными для полного обездвиживания пациентов.

Странно, что Город не обезлюдел, не вымер до последнего жителя еще тогда. Стоило кому-то крикнуть чуть громче обычного, дернуться чуть резче — и перепуганные до полуобморока соседи, родные или просто прохожие немедленно сдавали его отрядам «специальной медицинской службы». А нервы у людей, само собой, были тогда на пределе. Так в лечебницах оказалась едва ли не половина населения Города. Это в конечном итоге и спасло от заражения тех, кто попал в изоляторы просто из-за своей нервозности и паники окружающих.

После — когда всё более-менее прояснилось — те, кто выжил и не заразился, потому что вовремя был заперт в изоляторе, даже стали чувствовать смутную благодарность к тем, кто сдал их патрулям. Но поначалу... Вышедшие из клиник здоровые люди, получившие почему-то в народе прозвище «марля», нередко находили доносчиков и расправлялись с ними. А это означало вновь продемонстрировать подозрительную нервозность и агрессию — и вернуться в не успевающую еще толком проветриться камеру с мягкими стенами и привинченным к полу прочным стулом с ремнями, надежно фиксирующими «пациента».

Через восемнадцать месяцев после того, как было официально признано, что в стране разразилась эпидемия, ученые наконец определили в крови зараженных вирус. Коварный, мутирующий быстрее, чем успевали совершенствовать методы диагностики. Абсолютно устойчивый ко всем известным противовирусным препаратам. Живучий, как сама смерть.

Казалось бы, перед лицом смертельной угрозы, видя перед собой общую цель, люди должны были бы объединиться, оберегать друг друга и единым фронтом противостоять опасности. Но горожане повели себя типичным для человечества образом. А именно — принялись исступленно истреблять друг друга в отчаянных поисках того, кто «виноват и

должен ответить за всё», превращая Город в пустынные, пропахшие обугленной плотью руины. Облегчая смертельной болезни её миссию.

Что сильнее — страх или жажда власти?

Спросите у «Луча».

Что сильнее — страх или потребность внушать страх другим?

Спросите у «Факельщиков».

Что сильнее — страх или научный фанатизм?

Лучше не спрашивайте. Особенно у «Святых».

***

Река, за извилистость русла предсказуемо получившая название Серпентайн, делила Город на две неравные части. На западном берегу к самой воде жались кварталы бедноты, прозванные в народе Ветошами. На северо-западе к реке спускались цеха фабрик и мелких заводиков, в былые времена снабжавших город всем необходимым — и нещадно отравлявших воздух разноцветными дымами из труб и извергавших в реку не менее вонючие едкие разноцветные жидкости.

На противоположном берегу реки напротив заводского квартала было пустынно — никто не хотел селиться там, даже самые бедные и опустившиеся, пришлые и потерявшие всё в этом городе предпочитали хотя бы даже и зубами выгрызть себе место выше по течению. В Ветошах избышки, сарайчики и хибары лепились одна к другой, наползали друг на друга, карабкались друг к другу на крыши, подпирали стены заваливающихся собратьев — в общем, ухитрялись посреди нищеты и хаоса по мере сил поддерживать и согревать соседей — как и их жители. Пожалуй, именно в Ветошах люди, как ни странно, в наибольшей степени остались людьми — даже тогда, когда Город наполнился чудовищами.

Восточный берег с самого начала застраивался по определенному принципу. Серпентайн своими изгибами образовывал что-то вроде схематичного рисунка человеческой глотки со свешивающимся сверху «язычком»: длинный полуостров, очерченный двумя бухтами, и две плавно изгибающихся впалых «щеки» справа и слева. Центральный полуостров занимали строения Церкви Священного Сосуда — собор, здания монастыря, хозяйственные постройки и жилища служителей. На правой «щеке» неподалеку от набережной расположились кварталы военного гарнизона, на левой — корпуса и студенческий городок медицинской академии. Жилые кварталы опоясывали группы зданий расходящимися кругами, по мере удаления от центра становясь все беднее и непригляднее.

До начала эпидемии Город насчитывал примерно двести тысяч жителей, сейчас же — около восьмидесяти. И несмотря на давящий страх, на ощущение дышащей в затылок смерти, на всеобщую подозрительность, Город продолжал жить. Сапожники шили обувь, столяры изготавливали мебель, булочники пекли хлеб, и люди на пропахших гарью и кровью улицах с удовольствием приючивались к ветерку, доносящему ранним утром аромат свежей выпечки. Аптекари продавали микстуры от кашля, акушерки принимали роды. Да-да, и страсть вспыхивала между людьми в больном городе, и новые жизни зарождались темными ночами под вой чудовищ, в комнатах за надежно запертыми дверями и ставнями, и появлялись дети, и учителя на дому собирали стайки ребятишек и обучали чтению и письму,

истории и математике. Люди хотели жить. И они жили — вопреки логике происходящего.

Что сильнее — страх или усталость?

Усталость, конечно. Люди просто устали испытывать страх.

***

Раннее утро принесло не только запах гари из Ветошей, но и донесение ночного наряда патруля о стычке с зараженными в районе городского универмага. Пауль, боец группировки «Луч», хмурясь, выслушал сообщение по устройству дальней связи, на жаргоне вояк называемому «треском» из-за постоянных специфических помех в эфире. На патрульных напала группа горожан, вооруженных не только выломанными из оград кольями и выдранными из мостовой булыжниками, но и огнестрельным оружием, что не могло не настораживать — оборот оружия и боеприпасов в Городе находился под строгим контролем Луча. Все прекрасно понимали, насколько зараженный с дробовиком опаснее зараженного с булыжником. А первоочередной задачей Луча — по крайней мере, изначальной целью его создания — была охрана здоровых от инфицированных.

Собственно, группировка «Луч» возникла на основе старых отрядов специальной медицинской службы, которые с самого начала эпидемии занимались «отловом» зараженных и препровождением их в лечебницы. Название «лечебницы» имело оттенок злой иронии: как известно, лечения от нейрочумы не существовало, и даже средства для облегчения симптомов действовали далеко не всегда, их эффект не подчинялся никаким закономерностям. Как результат — лечебницы давно превратились в то, чем и должны были стать по логике ситуации: в лаборатории, где над зараженными ставились опыты по испытанию новых лекарств и методов уничтожения вируса. Пока что, правда, уничтожать вирус удавалось только вместе с носителем.

Лучевики патрулировали Город днем и ночью, собирая заболевших и предположительно заразившихся и препровождая их в упомянутые «лечебницы» — и, естественно, не спрашивая их согласия. Здоровым людям предлагалось добровольно проследовать в закрытый лагерь Луча — с условием не покидать его до окончания эпидемии, что, скорее всего, означало по нынешним меркам «никогда». Тех, кто отказывался, лучевики отпускали с миром, предупреждая, однако, что при следующей встрече патруль может оказаться не столь дружелюбным.

С теми же, кто демонстрировал хотя бы малейший даже косвенный признак заражения, разговаривали совершенно по-другому. Точнее, не разговаривали вовсе.

Лучевиков в городе ненавидели и боялись: прошли те времена, когда «марли» чаще всего, проведя в зафиксированном положении время, в полтора раза превышающее инкубационный период заболевания, возвращались домой целыми и невредимыми. Теперь любой, кто попадал в «лечебницы» Луча, почти неминуемо становился подопытным, живым объектом для тестирования очередного препарата с побочными эффектами, которые зачастую умерщвляли пациента еще быстрее и мучительнее, чем сам вирус. Соппротивление при «госпитализации» расценивалось как крайнее проявление симптомов нейрочумы и часто заканчивалось расстрелом на месте.

Именно поэтому патрули Луча давно уже утратили репутацию «спасательно-эвакуационных отрядов», а патрульные постоянно рисковали получить пулю в спину или булыжник в затылок. На стороне лучевиков были городской арсенал, где хранилось всё огнестрельное оружие, на стороне горожан — численность и скрытность. В жилых

квартилах, поделенных на картах Луча на пронумерованные квадраты, велась настоящая тихая война.

Переключив канал на «треске», Пауль проговорил в пыльную черную решетку микрофона:

— Туша, на связи Штык. Ответьте.

— Хр-р-р... Ш-ш-ш... Штык, Туша на связи. Что там?

— Слышал доклад Вышки? В одиннадцатом квадрате столкновение.

— Да... Хр-р... Надцать наших... Тш-ш-ш-ш... Ник...

Пауль с раздражением покрутил туда-сюда регулятор настройки каналов.

— Туша! Плохая слышимость! Повтори последнее сообщение!

Голос напарника неожиданно зазвучал громко и чисто, будто Фредди, позывным которого было «Туша», стоял совсем рядом.

— Понял, повторяю. Только что получил на «доску» текстовое сообщение с Вышки. Патруль из пятнадцати человек столкнулся с группой зараженных человек в сорок. Потери с нашей стороны — пятеро. Еще трое ранены и предположительно заражены. Убито одиннадцать объектов, семеро захвачены, остальные разбежались. В одиннадцатый квадрат направлено подкрепление. Всем свободным от патрулирования приказано подойти к границам одиннадцатого квадрата для оказания помощи по необходимости.

— Понял, принял. Направляюсь к границе одиннадцатого квадрата через десятый, — Пауль с силой надавил на кнопку и отключил «треск». Ничего себе... Сорок штук. Да что за черт?.. Они ведь всё держали под контролем. Не могло набраться столько зараженных в одном квадрате! Пятеро патрульных погибли... Ну как же так...

Пауль помотал головой, пряча «треск» в сумку, прикрепленную к поясу комбинезона химзащиты. Полученные сведения никак не хотели укладываться в голове. Уже больше полугода при стычках патрулей с зараженными со стороны Луча не было смертельных случаев — ни одного! С десятков ранений, да и то скорее полученных по глупости и неопытности. А тут сразу пять трупов. Надо бы узнать, какой отряд попал в переделку...

Пауль быстрым шагом направился к границе одиннадцатого квадрата. Держа автомат наготове, он шел по краю тротуара одной из широких центральных улиц, на ходу цепким взглядом сканируя подворотни и переулки по обе стороны дороги. Сейчас была не его смена, но патрульный Луча — всегда патрульный Луча. Даже дома, за столом в кругу семьи.

Нет, Пауль не чувствовал печали, скорби или сожаления о погибших соратниках. У него не было друзей ни в Луче, ни среди простых горожан. Семьи у него тоже не было — четыре года назад мать и старшая сестра заразились и убили друг друга. После этого парень, чудом избежавший заражения и смерти от рук и зубов своих родных, сам попросился в патрульные Луча.

Паулю было тогда двадцать три. Он учился на стоматолога-протезиста, пока в медицинской академии окончательно не забросили занятия на факультетах, не имеющих отношения к вирусологии, фармакологии и биохимии. Все силы преподавателей были брошены на борьбу с эпидемией. А студентам оставалось либо проситься в помощники, либо... просто молиться о том, чтобы не оказаться в числе подопытных.

Когда через полтора года после начала эпидемии наконец-то был найден способ диагностики вируса в крови, и вскоре после этого разработана и выпущена первая партия портативных анализаторов, распространение заразы вроде бы удалось взять под

относительный контроль. Именно с этого момента Город начал возвращаться к некоему подобию нормальной жизни. Вновь открылись магазинчики, заработали мелкие фабрики и мастерские. Только заведениям общественного питания и бытового обслуживания, наподобие парикмахерских, было запрещено возобновлять работу ввиду повышенного риска передачи инфекции.

Еще через полгода выяснилось, что и с анализаторами не все так просто.

Вирус мутировал быстрее, чем к нему подбирались маркеры. В результате каждые пару недель возникали новые вспышки заболевания среди тех, кто вроде бы прошел тест, был признан здоровым и ограничил контакты с другими людьми. Город накрыла вторая волна паники.

И тогда на сцену выступила Церковь.

Людям, разочаровавшимся в науке и почти отчаявшимся, оставалось только верить — и молиться тем, в чью милость они так жаждали поверить.

Церковь Священного Сосуда в благополучные времена держалась в тени — государство было подчеркнуто мирским, и религиозная структура не имела ни малейшей возможности, ни желания вмешаться в политику или как-то влиять на общественную жизнь. Однако в бедственном положении те, кто формально оставался у власти, предпочли, склонив головы, уступить трибуны тем, кому было что сказать испуганным и обессиленным людям.

В один из оптимистично-солнечных весенних дней третьего года эпидемии Патриарх выступил перед горожанами на площади перед Собором. Своим глубоким и сильным, но мягким, как у детского врача, голосом он говорил о том, что у страха глаза велики, что вот уже почти полтора года число заболевших не возрастает в сколько-либо значительной прогрессии, что элементарные меры предосторожности оказались достаточно эффективными против угрозы заражения — и что в конечном итоге все, кто имеет возможность в этот миг слушать его, Патриарха, речь — счастливики, избежавшие смерти в самые черные дни. А значит, надо и впредь уповать на волю тех высших сил, что ниспослали Городу это испытание: раз уж упомянутые силы для чего-то оставили именно этих горожан в числе живых и здоровых, значит, для них уготована какая-то особая судьба, которую нужно принять с благодарностью и смирением.

Удивительно, но в Городе с этого дня стало намного спокойнее. А у Церкви закономерно прибавилось прихожан.

Что сильнее — страх или жажда чуда?

Ответ Патриарху был хорошо известен. Иначе он не был бы Патриархом.

***

По мере приближения к одиннадцатому квадрату улицу заволокло дымом. Да не таким, что «приятно» пахнет горящими прелыми тряпками и деревяшками, а удушливым плотным дымом с ядовитой вонью паленого мяса. Пауль, выругавшись, перешел на бег, на ходу доставая из сумки «треск». Проклятущие Факельщики уже здесь...

«Факельщиками» именовалась группировка, возникшая на базе расквартированной в Городе военной части. Несмотря на поведение, по своей жестокости немногим отличающееся от поведения потерявших рассудок зараженных, Факельщики ухитрились сохранить военную иерархическую структуру и некое подобие порядка в своих рядах.

Расположенная на правом полуострове военная база, в которой находилось убежище Факельщиков, именовалась у них Чистилищем. Члены этой группировки полагали, что единственный способ выжить — это уничтожить все возможные источники заражения, а попросту говоря — уничтожить всех людей. Нет переносчиков — нет заразы. Как следовало из названия, излюбленным методом «зачистки» у Факельщиков был огонь. Применяли все виды зажигательных смесей, бомбы, огнеметы. Группировка не имела в своих рядах врачей, раненых не лечили. «Если ты ранен, значит, ты заражён». Без промедления сжигали любого из своих, если тот демонстрировал хотя бы малейший признак болезни. И при всем этом Факельщики были самыми отъявленными и беспринципными мародёрами в Городе: вытаскивая жителей из квартир и устраивая костры из тел — хорошо если из предварительно умерщвленных — они не упускали возможности обшарить разоренные жилища и утащить на базу всё мало-мальски ценное. Тут, видимо, страх перед заразой давал сбой, уступая место алчности.

Естественно, такой подход не мог не поставить эту группировку вне закона. А закон в Городе с начала эпидемии представлял Луч. Причем лучевики еще и ухитрились разграбить оружейные склады военной базы, чем тоже не заслужили любви нынешних ее «квартирантов». И в столкновениях с Факельщиками патрульные Луча получали ранения и гибли гораздо чаще, чем в стычках с зараженными.

Что сильнее — страх перед чудовищами или страх перед людьми с фанатичным блеском в глазах?

Спросите у горожан — и они невольно покосятся в сторону величественных шпилей Собора.

***

Группа Факельщиков из восьми человек двигалась по одной из улиц. За ней тянулся дымный и зловонный след из полыхающих домов и догорающих тел. Не менее двух десятков горожан нашли сегодня смерть от рук карательного отряда. Заражены ли их жертвы, здоровы ли — полубезумных, опьяненных жадой убийства бандитов это не волновало. Тех людей, что могли передвигаться, грубо выталкивали наружу и там предавали огню. Ослабевших, стариков и детей сжигали в собственных квартирах.

Молодому парню, шедшему немного позади всей группы, до смерти надоело все это безумие... Огонь, человеческие крики, полные боли и отчаяния. Жар и... И отвратительный запах горящей плоти, от которого не спасала маска. Все это он видел каждый день наяву и

каждую ночь — во сне. Лица тех, кого он безжалостно убил, сжёг, уничтожил... Их крики, их слезы. Все это начинало сводить с ума. И начинало пугать — а где грань между первобытным, кровожадным упоением чужими смертями и безумием нейрочумы?..

Надо как-то вырваться, освободиться... Пока не поздно. Пока есть еще шанс умереть честной смертью.

А почему бы и не прямо сейчас?

Парень немного замедлил шаг, воровато покосившись на командира их отряда, матёрого головореза лет сорока пяти с уродливым шрамом через всё лицо, которого, впрочем, всё равно не было видно под защитной маской.

Да, почему бы и нет? Либо смерть, либо... Тоже смерть, но не такая грязная.

Отряд проходил мимо подворотни, из которой тянуло гнилью и сыростью. Парень чуть подотстал, сделав вид, что услышал какой-то шум. Командир оглянулся и нетерпеливо махнул рукой, на что парень в свою очередь отмахнулся — мол, не ждите, сейчас догоню! — и, держа наготове ручной огнемет, сунулся в арку, ведущую в темный двор.

Парень, которого звали Адам, родился и вырос в этом районе. И он, в отличие от командира, прекрасно знал, что этот двор — проходной.

Адам бежал, пытаясь не оглядываться, пытаясь экономить дыхание, закинув за спину мешающий огнемет. Бежал, потеряв счет времени и расстоянию, задыхаясь и боясь остановиться. Знакомые улицы родного пяти-шестиэтажного квартала давно сменились стеклом и бетоном многоэтажек делового центра. Время от времени на пути попадались спокойно прогуливающиеся горожане, которые в ужасе шарахались от бегущего вооруженного человека, черный огнеупорный плащ которого безошибочно выдавал в нем Факельщика.

В груди уже невыносимо жгло, дышать сквозь маску было все тяжелее и тяжелее, а снять ее Адам не решался: кругом было слишком много людей — потенциальных источников заразы. Выбежав из очередного переулочка, парень едва не налетел на патруль Луча и только чудом успел затормозить и скрыться за выступом здания, прежде чем его заметили.

Осторожно отступая вглубь двора, Адам с трудом переводил дыхание. Ему казалось, что воздух с оглушительным шипением вырывается из фильтра маски. Сейчас его обнаружат, и тогда... От Луча пощады ждать не приходилось. И не докажешь, что вот прямо сейчас решил завязать с разбойным прошлым и начать новую жизнь. Никто и слушать не станет. И правильно сделают. Не те сейчас времена. Сначала стреляй, потом спрашивай.

Перебежав ко входу в ближайший подъезд, Адам заглянул в дверной проем и прислушался. Дверь была сорвана с петель и валялась в паре метров, бетонное крыльцо было заляпано какой-то мерзко пахнущей жижой. Кровь чудовищ?.. Адам принялся. Из прохладной темноты сладковато тянуло гнилью, но не кровью и не порохом. Адам, мысленно вознес молитву Незримым, в которых он отродясь не верил, шагнул в подъезд.

Крадясь от площадки к площадке, он прислушивался к происходящему за дверями квартир. На первом этаже все двери были выбиты, проемы завалены обломками мебели и разным тряпьем. Ни малейшего звука, кроме тихих шагов самого Адама, в подъезде не раздавалось, и парень позволил себе слегка расслабиться, поверить, что здесь он в безопасности...

Ох, как напрасно.

Всё случилось в считанные доли секунды. Чья-то рука ухватила его за капюшон плаща и с нечеловеческой силой рванула назад. Адам ударился затылком о стену так, что лязгнули зубы и потемнело в глазах, и начал беспомощно заваливаться на бок. Ворот плаща впился в горло. Раздался выстрел, по правому плечу словно ударили стальным прутом. Рука сразу же онемела и повисла, как чужая. Мелькнула мысль: «Тут же никого...». Следующая пуля огненно-ледяным лезвием чиркнула по виску, и Адам потерял сознание.

***

Пауль остановился под прикрытием фигурного выступа одного из зданий и достал «треск». Включив автонастройку, поймал сигнал ближайшего устройства.

— Штык — Кроту. Я на углу Пятой и Оружейной. Помощь требуется?

— Крот — Штыку. Да, на Оружейной в седьмом доме, похоже, кто-то засел. Сейчас выстрелы слышал. Мы подойдем минут через десять. Ты один?

— Один.

— Тогда жди, — лаконично приказал Крот и отключился. Пауль устало привалился к стене, убирая «треск» в сумку. Хотя Крот и не был его командиром, все же тот, кто находился в патруле согласно графику, имел преимущество в принятии решений и мог руководить действиями добровольных и недобровольных помощников из других отрядов.

Через восемь минут из-за поворота показался отряд Крота — пятеро бойцов Луча, вооруженных автоматами и ручными гранатами. Пауль шагнул навстречу, приветственно кивая — и вдруг невольно отпрянул, жестом показывая «Обернитесь!». Крот и его ребята отреагировали мгновенно: крутнувшись на месте, вскинули автоматы и направили дула в сторону поворота улицы, из-за которого неторопливо вышла женщина в темно-сером защитном костюме и с тканевой повязкой на лице.

— Не стреляйте, — спокойно сказала она. — Я из Церкви.

— О, преосвященство, — осклабился Крот — впрочем, его сальная ухмылка все равно не была видна под маской. — Какими судьбами? Что такая хорошенькая мадам...

— Заткнись, а, — устало перебила его женщина. — Здесь стреляли. Я хочу собрать уцелевших. Пропустите?

— А что нам за это будет? — продолжал паясничать Крот.

Глаза женщины блеснули вороненой сталью. Она шагнула вперед. Лучевики вскинули автоматы.

— Стоп, стоп, — Пауль примирительно поднял руки и выступил вперед. — Крот, уймись. Куда именно вы направляетесь? Вы ведь в курсе, что тут творится? В одиночку я вам туда соваться точно не советую.

— Вот, другой разговор, — по голосу женщины было понятно, что она слегка улыбается. Лучевики, помедлив, опустили оружие.

***

Часом ранее Анна, которую с самого начала эпидемии никто не называл иначе, чем по прозвищу Айви — «Плющ», командир одного из отрядов Святых, с виду хрупкая, но гибкая и выносливая женщина двадцати шести лет, с коротко стриженными темными волосами и острым взглядом почти черных глаз, стояла перед Учителем, почтительно склонив голову, и выслушивала очередное задание.

— Мы получили сообщение о том, что в одиннадцатом квадрате произошла стычка

между большой группой зараженных и отрядом Луча, а теперь туда направляется банда Факельщиков. опередить их мы, конечно, уже не успеем, но как минимум попытаться следует... У нас есть информация о нескольких незараженных в том районе. Примерные координаты я тебе скинул. Возьми... — Учитель задумался, — Раста, Базальта и Сокола, одним вам, скорее всего, не справиться. Попробуйте вытащить хотя бы кого-нибудь. Можешь идти, — Учитель исподлобья глянул на Айви и отвернулся. Коротко поклонившись, она вышла из помещения.

Ее отряд сидел в коридоре прямо на полу. На данный момент в него входили двое церковников, трое медиков и еще один воин. Увидев командира, они торопливо поднялись на ноги.

— Одиннадцатый квадрат, Факельщики, — коротко сказала Айви. — Жук, — она глянула на воина, — сходи за Растом, Базальтом и Соколом. Учитель распорядился взять подкрепление.

Здоровяк Жук, кивнув, скрылся в коридоре. Остальные потянулись вслед за Айви во двор монастыря.

Когда к отряду присоединились трое воинов, Айви оглядела своих ребят, удовлетворенно кивнула и пошла к воротам. Сейчас ее экипировка представляла собой легкий комбинезон химической защиты, укрепленный бронепластинами, от которых против огнестрельного оружия было немного толку, зато такой костюм не мешал легко двигаться, перебираться через препятствия, перепрыгивать их и вообще перемещаться по возможности неслышно. Вооружена она была двадцатизарядным автоматическим пистолетом, который терпеть не могла, и парой длинных изогнутых кинжалов, которые весьма охотно пускала в ход. Кроме того, у нее имелись несколько метательных ножей и прочная веревка с грузом на конце.

Пробираясь по городу, незаметно перебегая от укрытия к укрытию, Айви, как обычно, краем глаза следила за подчиненными, но они были достаточно опытными и не требовали ее внимания. Гораздо больше сил уходило на то, чтобы оставаться незамеченной. Город патрулировали лучевики, которые, хоть и не трогали незараженных, дружелюбием и крепкими нервами, бывало, не отличались. Проходя по центру города, мимо здания бывшего универмага, она заметила как раз одного из таких: он был один и, судя по всему, ожидал кого-то. Айви заинтересовалась и решила подойти и заговорить. Вдруг кому-то понадобится помощь? А целью существования группировки Святых с самого начала эпидемии как раз и была помощь всем нуждающимся — даже тем, кто о ней не просил.

***

«Святые» представляли собой объединенную группировку служителей Церкви Священного Сосуда и преподавателей и студентов Медицинской академии. Когда зараза пришла в Город, этим группам жителей пришлось тяжелее всего: на первых обрушилась ненависть горожан за то, что боги, которым они так долго и истово возносили молитвы, не собираются помогать своей пастве в беде... Вторым досталось за то, что от чумы не существует лекарств. Люди во все века одинаковы.

Большая часть служителей Церкви заразилась первыми, потому что они, стремясь помочь как можно большему числу людей, пренебрегали элементарными правилами безопасности. С медиками дело обстояло несколько лучше, но и риск, который они принимали на себя, был неизмеримо выше. Медики входили в любой дом, склонялись над

любим пациентом, требующим помощи... И как результат — и тех, и других ко времени описываемых событий осталась едва ли десятая часть: около пятидесяти человек церковников и около сотни — медиков.

Естественно, они ни дня не прожили бы в зачумленном городе, контролируемом вооруженными до зубов группировками полубезумных фанатиков и безжалостных «чистильщиков», если бы им на помощь не пришла третья сила — Академия боевых искусств, где в спокойные времена всех желающих обучали обращению со всеми видами оружия — от пулеметов до сюрикенов, от автоматических пистолетов до арбалетов, а также всевозможным методикам ведения боя без оружия. Адептов этой Академии, не просто учеников со стороны, а постоянных ее членов и жителей, набралось к этому моменту около полутора сотен человек, но они представляли собой грозную силу.

Вооружение у Святых было самое разнообразное, но, как правило, достаточно слабое, преобладало холодное оружие. Святые предпочитали действовать тайком, однако бронежилетами и костюмами химзащиты не пренебрегали. На лицах вместо масок обычно носили простые тканевые повязки, пропитанные антисептическими составами.

Базой Святых были здания бывшего монастыря Святой Полетты на центральном полуострове — две квадратные башни в шесть этажей, увенчанные остроконечными крышами и соединенные галереей на уровне четвертого этажа, и два больших четырехэтажных здания позади — бывшие дома служителей Собора, в которых ныне располагались «прибежище» для здоровых и клиника для зараженных. Монастырский комплекс и в мирные времена был обнесен забором, а в начале эпидемии забор еще и дополнили «путанкой» из колючей проволоки, по которой был пропущен ток.

Собор Священного Сосуда располагался на самом мысу среднего полуострова, однако он был ничем не защищен и являлся скорее местом сбора отчаявшихся, пришедших просить защиты у Святых.

Руководил группировкой таинственный и грозный Триумвират — Ректор Медицинской Академии, Патриарх Церкви и Учитель — глава Академии боевых искусств. Иерархии как таковой среди Святых не было, отряды формировались по принципу наличия в каждом из них хотя бы одного воина, одного медика и одного церковника. Командовал, как правило, все же воин. Целью существования ордена Святых были поиски лечения от нейрочумы и защита мирного населения от остальных двух группировок. Команды Святых скрытно перемещались по городу, разыскивали незараженных и препровождали в свои укрытия, а зараженным предлагали перебраться в «клинику» ордена, где проводили опыты по разработке вакцины — намного более гуманные, чем те, которыми занималась группировка Луч.

Айви руководила отрядом вот уже полгода. Предыдущего командира ее отряд лишился в стычке с группой зараженных. Девушка, немало повидавшая за годы эпидемии, до сих пор время от времени просыпалась среди ночи от собственного крика, когда ей снилось то, что она увидела, взбежав по широкой лестнице торгового центра, на верху которой стоял мутировавший зараженный, держащий в руке с узловатыми, уродливо вытянутыми когтистыми пальцами голову Шефа Роджера. Взгляд остановившихся глаз с бледного, покрытого кровью лица до сих пор преследовал ее в кошмарах.

Командир погиб, спасая своих ребят, Айви получила повышение. В конце концов это именно она точным выстрелом почти в упор снесла полчерепа несчастному мутанту.

Остальные члены отряда, по их собственному признанию, готовы были бежать куда глаза глядят, увидев, что командиру уже не поможешь, но просто впали в ступор от ужаса. А Айви всего-навсего разок стошнило, когда опасность миновала.

За прошедшие полгода ее группа набралась опыта и заматерела. Айви оказалась жестким командиром. Она не щадила ни себя, ни других. Подчиненные недоумевали, откуда в этой с виду хрупкой, мягкой девушке столько злости и бесстрашия, граничащего с отказом инстинкта самосохранения. Уважали ее, готовы были в огонь за ней шагнуть — но побаивались и вне службы откровенно сторонились. В повседневном общении Айви была отнюдь не приятным человеком, а вот в боевой обстановке на нее можно было полагаться целиком и полностью, и за это отряд прощал ей и чрезмерную вспыльчивость, частенько переходящую в грубость, и подчеркнутую замкнутость, нелюдимость, отдающую высокомерием.

К Лучу Айви относилась со смешанными чувствами — с одной стороны, именно благодаря патрулям Луча в Городе поддерживался относительный порядок, с другой — всем была известна репутация их «лечебниц», куда утаскивали всех без разбора, чтобы проводить жестокие и мучительные эксперименты. Цель для Луча безусловно оправдывала средства — а жуткие крики, доносящиеся из окон «лечебниц» лучевиков, давно уже стали привычным звуковым фоном в окрестностях их базы.

Однако, в отличие от тех же Факельщиков, лучевики все-таки в основном были людьми адекватными и не начинали пальбу без видимого повода. Поэтому Айви, несмотря на холодок, пробежавший по загривку, когда на нее направили шесть дул автоматов, все же спокойно вышла из-за угла дома и заговорила с группой лучевиков.

— Мы получили информацию о том, что в этом квадрате есть незараженные, а здесь была перестрелка, — она пожала плечами. — Значит, могут быть раненые, как здоровые, так и заболевшие. Надо забрать их, пока эти психи с огнеметами не притазились. Так вы пропустите нас дальше? Со мной девять человек.

— Ваше «со мной девять человек» прозвучало как угроза, преосвященство, — ухмыльнулся Крот.

Айви медленно перевела на него взгляд, и вояка неожиданно потупился.

— Мы ни в коем случае не намерены никому угрожать, и вы это прекрасно знаете, — сказала девушка, снова посмотрев на Пауля. — Мы просто хотим помочь тем, кто не способен помочь себе сам.

— А то я не знаю, — неожиданно улыбнулся Пауль. — Проходите, мы вам мешать не будем. Но имейте в виду, что где-то тут прячется штук двадцать зараженных. Не знаю, откуда их столько взялось, но факт... Пятеро наших погибли. И чтобы было еще веселее, мутанты где-то разжились огнестрелом.

— Ого, — негромко сказала Айви. — Спасибо за предупреждение.

— Да, и еще, — добавил Пауль. — Тут могут быть Факельщики. Оставьте их нам, не палите без разбора. Они нам нужны живыми.

— У нас нет цели уничтожать Факельщиков, если они не нападут первыми. Всякая жизнь священна, даже жизни этих... — Айви втянула воздух через сжатые зубы. — Спасибо. Мы проходим, — она обернулась и показала неуловимый, понятный только своим жест. Через десяток секунд к ней подтянулся ее отряд. Айви указала им вперед.

Обойдя бойцов Луча по широкой дуге, Святые направились в проход между домами. Выйдя на улицу, проходящую за зданием универмага, члены отряда быстро распределились по домам и начали обыск. Айви стояла так, чтобы видеть и улицу, где тихо и незаметно сновали ее люди, и лучевиков в проулке возле выхода из универмага.

— Трое раненых, судя по всему, двое заражены, один здоров, — доложил подошедший Жук. — Там, дальше, вроде бы спокойно. Но надо проверить...

— Пусть Раст и Базальт сходят. И Флюгера возьмут, — распорядилась Айви. — А вы делитесь, как обычно, и тащите раненых, — Жук кивнул и скрылся в подъезде одного из домов.

Тут внимание Айви привлек слабый шум из подъезда здания, возле которого она стояла. Достав ненавистный пистолет, девушка вошла в подъезд и начала подниматься по лестнице,

заглядывая во все двери. Во многих квартирах обнаруживались тела — мертвые от разных причин: застреленные, с размозженными головами — и умершие от заразы. Айви поплотнее обмотала лицо повязкой. В одной из квартир ей послышался какой-то слабый шорох. Заглянув, она сначала увидела кучу трупов, но потом, приглядевшись, поняла, что мертвы там не все.

На полу в луже крови лежал парень, на вид лет двадцати — двадцати двух, в изодранном чьими-то ногтями плотном черном плаще, явно из стандартной экипировки Факельщиков. В паре шагов валялся обрывок ремня от оружия, и Айви поежилась, сообразив, что кто-то сорвал с плеча у парня не больше и не меньше, чем огнемет, и этот кто-то, возможно, еще здесь, в здании. Поперек тела Факельщика лежал труп мужчины с перегрызенным горлом, и непонятно было, кому в основном принадлежит кровь, которой был залит весь пол.

Держа оружие наготове, Айви приблизилась так, чтобы видеть лицо лежащего. На виске у того виднелась серьезная рана — пуля прошла по касательной, но крови он потерял изрядно и наверняка схлопотал контузию. Неожиданно парень открыл глаза. Айви непроизвольно отшатнулась — она не ожидала, что человек с такими ранением и кровопотерей может оказаться в сознании.

Держась на достаточном расстоянии, она обратилась к нему:

— Эй, ты кто? Ты заражен?

— Н... Не... Не знаю... — парень тяжело выдохнул и тут же дернулся от боли. Айви опустилась на колени и многозначительно показала незнакомцу пистолет.

— Я тебе помогу, только давай без глупостей, — она стащила с парня придавивший его труп и быстро осмотрела рану на голове. — Так, ты и без чумы почти готов... — она достала из сумки на поясе маленький шприц и вколола его содержимое под кожу прямо возле раны. — Кровь не идет, так что... — далее она быстро прощупала лимфатические узлы и осмотрела кожу там, где это можно было сделать. — Навскидку — здоров... Но надо кровь брать, а медики далековато... — она достала из кармана передатчик, который у Святых именовался не «треском», как у Луча, а попросту «коробкой», и нажала на нем несколько кнопок.

— Подождем. — Отойдя к окну, она осторожно выглянула на улицу и через пару минут удовлетворенно кивнула, вышла на лестничную площадку и вернулась в сопровождении Папаши, медика из ее отряда, мужчины лет пятидесяти, одетого и вооруженного примерно как и она. Папаша опустился на колени рядом с парнем, достал из ножен на поясе нож и молниеносно распорол рукав комбинезона на левой руке от запястья до локтя. Достав из сумки на поясе небольшой аппаратик, он проткнул вену на локтевом сгибе парня выдвинутой из него иглой и набрал немного крови. Уставившись на экран устройства, мужчина замер и нахмурился.

— Чист! — сказал он примерно через минуту и ободряюще кивнул парню, поднимаясь на ноги. — Забираем его? — обратился он к Айви.

— Ну, по-хорошему, да, — кивнула та и обратилась к парню. — Мы — из Святых. Пойдешь с нами?

— А у меня что, есть выбор? — пробормотал парень, закрывая глаза.

— Выбор у тебя есть, — сурово проговорила Айви. — Идти с нами или продолжать играть в «русскую рулетку» с заразой и Факельщиками. Давай-ка, попробуй встать, — она махнула напарнику, и вдвоем они осторожно подняли парня на ноги. Тот покачнулся, заваливаясь на девушку. Ноги подгибались.

— Что-то я сомневаюсь, что он сможет идти, — нахмурилась Айви. — Свяжись с нашими, позови кого-нибудь еще.

Папаша нажал несколько кнопок на «коробке» и замер, глядя в экран в ожидании ответа. В этот момент на улице раздались крики и стрельба.

— Черт! — Айви, отпустив парня, бросилась к окну. — Так, надо уходить! — она снова обернулась к парню. — Можешь хоть как-то двигаться?

— Д... Да... — еле слышно проговорил тот, оседая на пол. В этот момент в квартиру вбежал Жук.

— Да уж, оно и видно, — раздраженно зашипела Айви. — Жук, Папаша, берите его и тащите на себе! Быстрее! Надо уходить!

Снаружи завязалась настоящая перестрелка. Крики и грохот приближались, эхо металось между стенами домов. Запахло порохом и керосином.

— Оставьте меня, — неожиданно пробормотал парень, на мгновение приоткрыв глаза. — Там... Там настоящая бойня. Если потащите меня за собой, то умрем все... — он уронил голову, со свистом выдохнув.

— А мы не полезем в самую гущу, — усмехнулась Айви. — Переждём, — она не отходила от оконного проема, стоя так, чтобы ее не было видно с улицы, пока выстрелы и крики на улице не стихли. — Наши успели уйти, — кивнула она, бросив взгляд на экран своей «коробки», — дорога свободна. Быстро, — она кивнула напарникам, они подхватили парня под мышки и потащили вниз по лестнице.

— А крышами не проще? — сказала им вдогонку Айви.

— Нет, здесь нет переходов. А жаль, — вздохнул Жук.

— Ладно, прорвемся, — Айви скользнула вперед, разведывая дорогу. В переулке валялось штук пять трупов, она быстро проверила — им помощь уже не понадобится...

Парень с трудом переставлял ноги, и в конце концов здоровяк Жук просто взвалил его на плечо и понес. Так группа начала передвигаться значительно быстрее. Прячась в подъездах и подворотнях, Святые миновали жилой район и вышли к мосту через излучину реки. Открытое место, простреливаемое со всех сторон...

— Да им не до нас, — махнула рукой Айви, — они в глубь квартала побежали, — и первой ступила на полотно моста.

Волосы на затылке зашевелились — она отчетливо ощутила чей-то холодный, оценивающий взгляд в спину...

Группа под предводительством Айви беспрепятственно достигла территории Святых. Жук с парнем на плече шел вторым, Папаша замыкал группу. Айви, нервно оглянувшись, вздохнула с облегчением.

— Ну все, идем в лазарет, — скомандовала она. Жук поудобнее перехватил парня на плече и зашагал в обход соборного двора.

Проходя мимо собора, Айви отметила, что число бедолаг, ежедневно сползавшихся к ступеням главного входа в надежде получить если не укрытие, то хотя бы миску баланды, сегодня особенно велико. По двору курсировали шестеро медиков в костюмах химзащиты с диагностическими приборами, останавливали всех, кто входил на двор, и проверяли на наличие заражения. Здоровых пропускали, зараженным предоставляли выбор — уйти подобру-поздорову или проследовать в лазарет за зданиями монастыря. Насильно Святые в свою лечебницу никого не тащили — все же она по сути являлась скорее лабораторией,

поскольку лечения от чумы до сих пор не существовало, а значит, любой имел право выбирать — умереть дома, в своей постели или же послужить «биоматериалом» для поиска спасения для других. Надо сказать, второе выбирали немногие...

Айви провела группу к зданию Прибежища. На входе их остановил медик в таком же костюме химзащиты, молча проверил у всех четверых кровь и махнул рукой в сторону входа.

— Мои вернулись? — спросила Айви. Медик коротко кивнул.

Войдя в здание и остановившись перед стойкой дежурного, Жук осторожно поставил парня на пол и придержал — тот, кажется, от тряски на плече почти окончательно отключился.

— Назови свое имя, — строго сказал дежурный медик. Он был в обычной одежде, на лице была тканевая повязка — здесь зараженных не должно было быть. — Откуда ты? Состоишь ли... состоял ли в какой-либо группировке?

— Адам... Я... — парень закашлялся. — Я от них... Ушел.

— Оч-чень интересно! — дежурный цокнул языком. — Дезертир, значит. Судя по костюму — из Факельщиков. И чем же тебя не устраивала ваша веселая жизнь?

— Отстань от него, — вмешалась Айви. — У человека дыра в голове. Он, может, и имя-то своё не точно помнит...

— Точно, точно, — прошептал Адам и рухнул к ногам Жука.

— Ну вот, — недовольно пробурчал дежурный и нажал кнопку на стойке. Ближайшая дверь с треском распахнулась, оттуда выкатилась каталка, которую толкала усталая женщина-врач. Жук с дежурным подняли парня, ухватив под мышки и под колени, и водрузили на каталку.

— Всё, идите отсюда, — женщина махнула рукой Айви. — Я его забираю. Все вопросы потом! — и она шустро повезла каталку назад в комнату.

— Ладно, потом разберемся, — Айви придержала дверь и прикрыла ее за врачом. — А наши здесь? — спросила она у дежурного.

— Принесли троих тяжелораненых и двоих привели на своих ногах, — ответил тот. — Твои — молодцы, как всегда.

— Отлично. Они там? — получив утвердительный кивок, она прошла в конец коридора, где располагалось помещение для отдыха. Ее ребята сидели там и пили энергетический напиток.

— Молодцы, — сказала Айви, входя и принимая из рук старшего из церковников — Лютика — стакан с энергетиком. — Что там было?

— Жуть там была, — вздохнул Лютик. — Трупов — штук пятнадцать. Огонь, огнестрел. Кто это был, непонятно. Не Факельщики, или как минимум — не только они... Пришлые, может?

— Вот еще не хватало, — поморщилась Айви. — Пойду, доложу Учителю...

Выйдя из Прибежища, Айви быстрым шагом направилась в монастырь. На душе у нее было как-то особенно беспокойно. Что-то менялось в городе... И идя к Учителю, она больше, чем обычно, боялась предстать перед ним и встретиться с ним взглядом.

— Да, — Учитель молча выслушал доклад Айви и отвернулся к высокому стрельчатому окну. — Ты права. Что-то меняется, что-то назревает... И потому... — он резко развернулся и уставился на нее своими очень светлыми, пугающими глазами. — Я отстраняю тебя от патрульной работы. Командование твоим отрядом переходит к Жуку. С сегодняшнего дня.

— Что-о-о? — Айви никак не ожидала подобного развития событий и от изумления даже сделала не полагающийся по этикету шаг в сторону Верховного командира.

Учитель грозно сверкнул глазами, и Айви, смешавшись, отступила.

— Но... как же так? Вы же сами говорили, что мой отряд — один из самых эффективных. Что именно мы приводим больше всего здоровых и биоматериала. Что у нас самые низкие потери за последние полгода... Выходит, я недостаточно хороший командир? — голос Айви предательски дрогнул.

— Не говори ерунды, — Учитель коротко глянул на нее и снова отвернулся к окну. — Ты прекрасно знаешь, почему я это делаю... Вынужден делать. Даже в ущерб интересам ордена и... Вразрез со своей оценкой твоих действий. С сегодняшнего дня ты зачислена в отряд охраны Прибежища. Иди и доложи Пауку. Он введет тебя в курс твоих новых обязанностей.

Не может этого быть! — вырвалось у Айви, и это была уже ошибка. Учитель резко обернулся к ней.

— Что ты сказала? Неповиновение?..

— Нет, — Айви наклонила голову, чувствуя, как от лица отхлынула кровь. — Слушаюсь... Учитель. Разрешите идти?

— Иди, — слово Учителя упало, как сорвавшийся с полотенец гроб падает в могилу.

Айви, не поднимая глаз, медленно вышла из кабинета Верховного командира.

Погода окончательно испортилась, и на выходе из монастырского здания Айви встретил порывистый ветер, кружащий по мостовой и швыряющий в лицо пыль и мусор. Небо заволкло тучами, запахло дождем. Айви опустила со лба защитные очки, но ветер бросал горсти мелких песчинок, казалось, сразу со всех сторон, и глаза немедленно зачесались, заслезились... Конечно, от пыли. От чего же еще?

Недовольно шурясь, Айви пересекла двор, направляясь к зданию Прибежища. Ее отряд... да к черту, бывший отряд! — еще сидел там, в комнате отдыха, и ждал своего командира. Уже больше не командира. Всё, с сегодняшнего дня больше не будет недовольства тем, что «Айви наша что-то совсем озверела, не иначе как женские дни скоро». Не будет произнесенных полусшепотом, но — случайно или намеренно — так, чтобы она все же услышала: «Да сколько можно, ненормальная, себя не щадит — людей своих поберегла бы» и «Слушаюсь, командир... Черти б тебя разодрали, истеричка». С сегодняшнего дня их командир — адекватный мужчина с крепкими нервами, стальными мышцами и безупречной воинской подготовкой. Умеющий обращаться с любыми видами огнестрельного оружия и не зеленеющий при виде крыс в канализационных тоннелях.

Радуйтесь...

Айви оттянула повязку, сплюнула — казалось, пыль проникала даже сквозь плотную ткань — и решительно зашагала к выходу из монастырского двора.

Официально снять с себя полномочия можно и завтра. У нее смена кончилась полчаса назад.

Айви жила в Старом городе, в крошечной квартирке, доставшейся ей от бабки по матери. Бабушка, к счастью своему, умерла от старости всего за месяц до начала эпидемии, и внучка, приехавшая на похороны — и заодно на каникулы — так и осталась жить в обшарпанной, пропахшей духом старости комнатке на третьем этаже старинного здания с

лепными украшениями в виде жутких голов химер.

Куда угодно, только не в отцовский дом.

К тому времени Айви уже третий год училась в университете ближайшего крупного города и возвращаться домой на каникулы не планировала — ее ждала практика на раскопках древних усыпальниц в горах на севере страны. Но не приехать на похороны бабушки Люсии она не могла. А потом не смогла уехать — город словно умолял ее побыть с ним еще немного. Будто чувствовал...

А к концу лета разразилась эпидемия, и Город попал в изоляцию. Уехать оказалось невозможно. Тогда Айви и порадовалась, что не согласилась ни на одно из заманчивых предложений купить бабушкину квартиру.

За пределами карантинного кольца какое-то время продолжалась нормальная жизнь: в Город поступала электроэнергия, которую вырабатывала электростанция в соседнем городе; через оцепление передавали цистерны с горючим, контейнеры с едой и медикаментами. А через полгода связь с внешним миром прервалась — ситуация "снаружи" стала еще более катастрофической. Люди вымирали сотнями и тысячами каждые сутки, выжившие разбегались куда глаза глядят — чтобы заболеть в пути и напасть на своих товарищей по несчастью или самим умереть от их рук.

Близлежащие населенные пункты полостью обезлюдели. Город, видимо, спасло от подобной участи уникальное соседство в сравнительно небольшом поселении военной и медицинской академий, а также влиятельной епархии Церкви. Постепенно жизнь в Городе наладилась — насколько это было возможно: группа инженеров из военного гарнизона добралась до электростанции и смогла запустить гидротурбины. Теперь Город был обеспечен электричеством в достатке; им повезло, что электростанция оказалась не тепловой или атомной. Впрочем, постепенно выработка электроэнергии все же сокращалась: детали машин изнашивались, а взять замену было негде; экспедиция, отправленная на завод — в другой конец страны — так и не вернулась. Подходили к концу запасы смазочных и охлаждающих материалов. На сегодняшний день — спустя пять лет с начала эпидемии — бесперебойным электроснабжением обеспечивались только больницы и научные учреждения. В жилые дома электричество подавалось на четыре часа в сутки: на час утром и на три — вечером.

Центральное отопление давно не работало: котельные в Городе питались углём, который добывался на другом конце страны, и запасов в близлежащих городах хватило только на два года. К счастью, климат в районе расположения Города был мягким, и температура зимой редко опускалась ниже минус пяти по Цельсию. Горожане начали строить в домах печки и обогреваться чем придется: всё, что горело, шло в топки, а жители Ветошей за рекой обогащались, разбирая свои сараюшки и прочие не очень нужные постройки на доски и бревна и выменивая на них еду, медикаменты и другие полезные вещи. Развитие кустарного печного отопления привело к нескольким масштабным пожарам в районах плотной застройки — как же без этого.

В квартирке у Айви тоже имелась цилиндрическая печурка с выведенной за окно трубой, но в холодное время хозяйка предпочитала не тратить время и силы на поиск топлива и возню с растопкой — она просто временно переселялась в казармы Ордена. Сейчас, в начале апреля, в давно не топленной квартирке царил промозглый холод, и логично было бы и сегодня остаться в монастырском комплексе...

Айви опустила на колени перед железным цилиндром, стоящим на подставке из

кирпичей. Дверца топки открылась с душераздирающим скрипом, из недр печи пахло мокрым пеплом. Отсыревшие страницы старой тетради никак не хотели загораться, и Айви сморгнула слезы, закашлявшись от едкого дыма. Наконец — с десятой, что ли, спички — желтоватый листок наконец свернулся в трубочку в объятиях веселого огонька. На вспыхнувшей бумаге отчетливо проступили, чтобы мгновенно почернеть и исчезнуть навсегда, строки, написанные таким знакомым аккуратным почерком...

Айви сердито вытерла слезы испачканной в саже рукой и, спохватившись, наконец сдернула с лица ставшую уже привычной, но при этом до смерти надоевшую повязку.

Квартира прогревалась медленно, из всех углов тянуло затхлостью и плесенью. Айви ненадолго открыла одну створку широкого окна, в очередной раз порадовавшись тому, что она живет не на первом этаже — здесь можно было не бояться случайного попадания брызг слюны или крови от зараженных, если те пробегут под окном. До начала подачи электричества оставалось минут сорок, и Айви проверила, полон ли бак водонагревателя.

В начале эпидемии водоснабжение в Городе было отключено. Пока ученые и медики не могли установить пути передачи инфекции и определить возбудитель, они не могли и дать рекомендаций по централизованному обеззараживанию воды из Реки, поэтому подача воды как возможного источника заражения была прекращена. Однако на горожан тут же обрушился типичный «букет» болезней, проистекающих из несоблюдения элементарных требований гигиены, и тогдашние городские власти распорядились возобновить водоснабжение и выделили средства для установки в квартирах, оснащенных водопроводом, баков для кипячения воды.

Необходимое количество простейших водонагревателей, к счастью, успели изготовить на одном из заводов в ближайшем крупном городе и доставить через карантинное оцепление. Эта мера — длительное кипячение — оказалась достаточной; во всяком случае, после подачи воды населению число заболеваний нейрочумой не возросло, а вот всевозможных дизентерий и прочих неприятностей стало значительно меньше. Все же история изучения болезнетворных микроорганизмов еще не знала ни одного вируса или бактерии, которые бы выдерживали продолжительный нагрев до температуры в сто градусов Цельсия.

Бак был наполнен. Айви повернула регулятор температуры на максимум и вышла из ванной. Печь распространяла по комнате волны тепла, и девушка с наслаждением стянула надоевший комбинезон, оставшись в черном термобелье. Поставила на верх печи чайник, налила туда питьевой воды из бутылки. Порылась в шкафчике, достала большую чашку с отбитым краем, банку с молотым кофе и пакет печенья.

Постояла у печи, впитывая кожей исходящий от нее жар. Чайник быстро зашумел, застрелял, и Айви, с трудом дождавшись, когда вода забурлит, заварила кофе прямо в чашке, накрыв ее таким же надколотым блюдцем.

Пока кофе настаивался, дали электричество. Щелкнул и едва слышно загудел в ванной водонагреватель. Айви грустно улыбнулась сама себе. Кофе, горячий душ, теплая комната и собственная постель — что еще нужно человеку для счастья? Да вот, пожалуй, еще неплохо было бы перестать без конца прокручивать в голове давешний разговор с Учителем. И думать о том, что будет завтра, когда запищит будильник и настанет время идти на службу...

Так. Хватит. Выкинуть из головы эти мысли. Успокоиться.

«Как он там сказал?.. Вынужден делать. Даже в ущерб интересам Ордена».

Айви, стиснув зубы, бессильно зашипела и обхватила себя руками, как будто у нее сильно заболел живот. Еще увидят *многоуважаемые* командиры — это решение было ошибочным! Снизится число спасенных. Возрастет количество ранений... Нет, Жук, конечно, парень с головой, но...

Ч-черт...

— Заткнись! — вслух сказала Айви и сама вздрогнула от своего голоса. Хриплый, какой-то дребезжащий. Будто лист железа волокут по мостовой.

«Успокойся ты, истеричка. Иди и пей кофе. И ложись спать. Ты жива, и это главное. А командиры могут еще передумать. Поймут, что погорячились, и...».

«Ты правда на это рассчитываешь?».

«З-заткнись! Кофе. Душ. Сон. Выполнять.»

Усевшись на жесткий стул перед единственным в комнате столом, Айви обхватила обеими руками горячую чашку и осторожно приподняла нагревшееся блюдо. Запах кофе всегда помогал ей хоть ненадолго перестать ощущать всепроникающие запахи крови и гари.

Кофе был одной из ее немногочисленных слабостей. И единственной, о которой было дозволено знать окружающим.

В родительском доме постоянно пахло кофе. Мать любила этот бодрящий ароматный напиток и постоянно пила его — во всяких видах: черным, с молоком, с бренди, со специями... Маленькая Анна, которая еще только кончиком носа доставала до края столешницы, сверлила мать умоляющим взглядом, выпрашивая хотя бы глоточек: мама пила кофе, все ее коллеги-археологи постоянно пили кофе. И Анна считала, что невозможно стать настоящим археологом, если ты не пьешь кофе...

«Детям кофе нельзя!», — строго говорил отец и покидал кухню. «Да, конечно, дорогой», — улыбалась ему вслед мама и украдкой наливала Анне в ее крохотную чашечку две чайные ложки волшебного горького напитка...

Айви отхлебнула из кружки и поморщилась — обожгла язык. Почему-то задрожали руки. Кофе вдруг приобрел медный привкус.

Отец... Почему он всегда так старался сделать их с мамой жизнь безвкусной и серой?

И никто сейчас не убедит ее, Айви, что он делал это из лучших побуждений, заботясь о них.

«Нэнни, а что, если твой отец был прав насчет Джун?», — как-то раз написала ей в письме бабушка. «Она поступила по-своему — и чем всё закончилось?».

«Нет, неправда. Мама никогда бы не полезла в тот ад, если бы отец не подталкивал ее к этому...».

«Ты так хорошо понимаешь, что произошло между твоими родителями, когда тебе было одиннадцать?».

Кофе остыл. Щелкнув, отключился водонагреватель. Окончательно стемнело, и огромная белая луна выплыла из-за остроконечных крыш Старого города. Под ее оценивающим взглядом Айви вдруг почувствовала себя неуютно и, резко поднявшись, рывком задвинула шторы на окне.

Пора в душ. Горячая вода поможет расслабиться. Айви взяла большое полотенце и закрылась в ванной. Встала перед стареньким, покрытым пятнами отслоившейся амальгамы зеркалом. Внимательно посмотрела на себя. Узнавая и не узнавая знакомые черты.

Отцовский чуть выдающийся вперед подбородок, тонкие губы. Так и кажется, что они сейчас, искривившись в противненькой усмешке, вытолкнут из себя: «Ну что, дочь, чем ты

меня сегодня... порадуешь?». И таким тоном, что понятно: на месте последнего слова должно было быть «огорчишь».

Айви помотала головой. Уставилась в глаза своему отражению. А вот глаза и брови — мамыны. И как же хорошо, что низ лица постоянно прикрыт повязкой... Она провела рукой по зеркалу, словно пытаясь стереть отражение, и наконец шагнула в ванну. Вода уже остыла до того, чтобы можно было мыться, не обжигаясь.

Водонагреватель у Айви был нестандартной модели — она заказала и установила его на свои деньги, а не на субсидию от городских властей. Бак был двухслойным, и после кипячения между внешними и внутренними стенками пропускалась холодная вода. Таким образом и вода в баке быстро охлаждалась до комфортной температуры, и излишки тепла не пропадали зря — поступали в небольшой радиатор, который хотя бы немного, но нагревал комнату и сушил воздух.

Воды немного, надо торопиться. Прошли те времена, когда можно было по полчаса нежиться в теплой воде. Но даже и такая малость — безумно приятно. Вода смывает и уносит не только грязь, но и усталость и напряжение, на какое-то время дарит ощущение обновления — пусть и обманчивое...

Вытираясь, Айви неожиданно осознала, что уже достаточно давно смутно слышит какой-то шум. Замерев, она прислушалась и чертыхнулась. Точно: кто-то настойчиво барабанит в дверь. И ей прекрасно известно, кто это.

Завернувшись в полотенце, она бесшумно выскользнула из ванной и подкралась к входной двери. Осторожно заглянула в глазок. Замерла, боясь пошевелиться и вздохнуть.

«Тихо. Никого нет дома».

— Айви, — произнес Жук, устало опершись обеими руками о косяки двери и опустив голову, — я знаю, что ты там. И знаю, что не откроешь. Я сказать зашел... Слушай... Мне очень жаль, что так вышло. Я... Я не хотел. Да черт... — он оттолкнулся от косяков и запустил руку в волосы. — Я уж точно меньше всех прочих хотел этого. Ты же знаешь... Ты лучший командир из всех, которые у нас были. Ну, кроме Шефа Роджера. И ребята все в шоке. Ты от нас не шарахайся, пожалуйста. Мы с парнями — всегда твои солдаты, что бы ни говорили эти... Там.

Айви осторожно перевела дыхание.

— Ну ладно, пошел я, — Жук сокрушенно покачал головой и начал спускаться по лестнице. Остановившись через пару шагов, он обернулся и тихо сказал, глядя прямо в черный кружок глазка: — Я буду всё делать, как ты учила. Обещаю. Я буду беречь ребят, — и тяжело зашагал вниз по ступеням, постукивая кулаком по перилам.

Айви вдруг захотелось открыть дверь, окликнуть старого боевого товарища...

«Арман! Погоди...».

«Нет. Нет. Ни к чему. Я не одета, и вообще...».

Айви медленно отступила от двери. Шаги Жука затихли в глубине подъезда.

***

Высокий грузный мужчина, выгибаясь, катался по мостовой, вцепившись в волосы уродливо искривленными узловатыми пальцами, и выл:

— Я-а-а-а... Не-е-е... А-а-а... — дальше звуки перешли в какой-то низкочастотный утробный рык, от которого неприятно занули зубы. Пауль с напарником — Грегером по кличке Сова — подбирались ближе, держа наготове прочную сеть.

— Папа! — раздался вдруг отчаянный детский вопль из дверного проема ближайшего здания. Пауль вздрогнул от неожиданности и обернулся — и это едва не стоило ему жизни: обезумевший мужчина неожиданно без видимых усилий вскочил на ноги и прыгнул к нему, оскалив зубы — уже не человеческие, удлиненные и заострившиеся.

— Ы-ы-е! Не-е-е! — заорал он, но приклад винтовки Совы остановил и движение, и звук, врезавшись в подбородок мутанта. Брызнула кровь — темно-фиолетовая, *нечеловеческая*, и Пауль, несмотря на костюм химзащиты, маску и перчатки, непроизвольно дернулся и скривился, когда капли попали на рукав.

Мутант рухнул на мостовую, низко рыча и отплевываясь кровью и выбитыми зубами. Сова, недовольно зыркнув на напарника, ловко накинул на зараженного сеть и опутал конечности, превратив бедолагу в подобие запаса на черный день в логове гигантского паука. Мужчина, брызгая слюной, ощерил зубы и, широко разинув рот, принялся грызть тросики, из которых была сплетена сеть. Какое там — эти тонкие серебристые веревки и нож не берет.

Пауль выпрямился, переводя дыхание, и отступил на шаг. Сова несильно толкнул обездвиженного пленника носком сапога и обернулся к напарнику:

— Последи... Хотя куда он, черт, денется, а я пойду дом проверю.

Пауль рассеянно кивнул, через крупные ячейки сети разглядывая лицо зараженного. Уродливо выступающие лоб и подбородок, синие бескровные губы, глаза с почти алыми белками... Нейрочума воздействовала не только на нервную систему — центральную и периферическую. Остальным органам человеческого тела тоже доставалось не меньше. И самым жутким — чисто внешне — выглядели изменения, которые вызывали повреждения эндокринной системы. Похоже на акромегалию, но намного хуже. Все мышцы, хрящи, а под конец и кости начинали бурный и беспорядочный рост. Человек в буквальном смысле становился монстром, мутантом, чудовищем...

А ведь этот бедолага, косящийся на Пауля безумным алым глазом, совсем недавно ходил с дочкой на рынок покупать ей новые ботинки; приносил из магазинчика по соседству книги с картинками, которые они вместе читали и разглядывали вечерами за столом...

Кстати о дочери. Пауль, словно получив удар по щеке, выведший его из оцепенения, обернулся на отчаянный визг. Сова спускался по ступеням крыльца, зажав под мышкой отчаянно брыкающуюся и кричащую девчущку лет девяти.

— Папа! Па-ап... — девочка захлебывалась криком и ужасом, ее черные — ни белка, ни радужки — глаза хлестнули взглядом обомлевшего Пауля, как шипастый кнут.

— Морри... — вдруг выдохнул мутант и начал извиваться всем телом, словно пытаясь подползти ближе к дочери, как огромная гусеница. — Морри! Не троньте ее! Она здорова! — он извернулся и уставился на Пауля. Его изуродованное и покрытое кровью лицо

исказилось в жалобной гримасе, сделавшей его еще более жутким и нечеловеческим.

Пауль в ужасе отшатнулся. Глаза монстра... Нет, это были глаза человека. Казалось, нейрочума уже полностью размыла, разметала остатки его личности, но крик ребенка смог пробиться сквозь мглу безумия. Глаза отца девчушки по имени Морри глянули Паулю прямо в душу, взглядом, как когтем, проскребли по шершавой корке, которая неизбежно нарастает на сердце у всех патрульных Луча, и добрались до чего-то мягкого, ранимого, кровоточащего.

— Стой! — Пауль резко обернулся к напарнику. — Ты ее хоть проверил? Может, она и правда здорова. Внешних признаков нет...

— Да ты что? — Сова мотнул головой, крепче перехватывая дергающегося ребенка. — Ты на папашу посмотри! По соседству с ним кто бы не заразился?

— Так соседи сказали — он уже несколько дней домой не заходил, — попытался найти какие-то аргументы Пауль, но осекся, увидев, каким азартом и едва ли не удовольствием блестят над маской глаза Совы.

— Да какая разница? — весело сказал тот. — Нам нужны... люди или нет? А ей все равно деваться некуда. Соседи теперь ее к себе не пустят — она им не докажет, что еще не носитель. А больше никого у нее нет. Дома пусто.

— Так ты хоть анализатором проверь, — уже понимая, что это бессмысленно, упавшим голосом предложил Пауль. — Если здорова — я ее к Святым отведу!

Мужчина при этих словах встрепенулся и тихо завыл.

— М-мо-ор-ри... К Свя-а... Ах-х-рх... П-прошу...

— Чего ты там воешь? — Сова уже без всяких церемоний пнул пленника в ребра. — Заткнись, если хочешь хоть пару зубов при себе оставить! А ты, — он обернулся к Паулю, — не дури, приятель. Еще чего выдумал — биоматериал святошам отдавать! Пусть сами добывают, — он бесцеремонно, хотя и довольно аккуратно положил девочку вниз лицом на мостовую, быстро связал ей тросиками руки и ноги, затем перевернул на спину и ловко заткнул рот вытащенной из кармана тряпкой. — Бери этого, — он мотнул головой в сторону отца, — и пошли, пока огневики не притащились!

Пауль только молча смерил его взглядом и подчинился. Формально Сова был его командиром, и приказы его подлежали беспрекословному исполнению. Взвалив на плечо обездвиженного мутанта, Пауль не удержался и шепнул, надеясь, что сознание несчастного отца еще не полностью утонуло в безумии зараженного.

— Я проверю ее, если здорова, постараюсь помочь.

И — то ли услышал, то ли сам себе придумал — тихий ответ:

— Да оградят вас Незримые...

До базы добрались быстро. Улицы были пустынные, и немногочисленные прохожие при виде отряда Луча, да еще и с двумя пленниками на плечах, спешили убраться подобру-поздорову. Девочка на плече у Совы тихонько скулила сквозь кляп, а отец каменно молчал и только время от времени судорожно вздыхал.

По дороге Пауль размышлял о том, как же сложно будет выполнить данное мужчине обещание. В лазареты патрульных не пускали — пока они сами не становились пациентами. В приемном отделении при Сове с врачами особо не поговоришь... Ну ладно, что-нибудь придумается по ходу дела. Все же крики девочки и взгляд отца никак не шли из головы. И еще почему-то вспомнились спокойный, чуть насмешливый голос и плавные движения той

девушки из Святых, с которой они столкнулись в одиннадцатом квартале пару недель назад. Осторожность и сила. Каменная невозмутимость и постоянная готовность атаковать. Служитель Церкви — или все-таки воин?..

Он почему-то частенько вспоминал ту короткую встречу. Да, эти Святые — очень странные люди. Не только девушка, но и ее напарники — здоровенный вояка, пожилой доктор... Как можно с таким философским спокойствием ходить по умирающему городу и буквально вырывать обреченных людей из лап смерти? Пусть не спасение, пусть всего лишь отсрочка... Но все же, если вдуматься — чем *на самом деле* занималась эта странная группировка, гордо именующая себя Орденом? Они дарили людям время. Часы, дни, месяцы. А кому-то наверняка и годы. Всю жизнь. Будущее, в возможность наступления которого невольно начинаешь хотя бы слабенько, но верить, глядя в спокойные и немного насмешливые глаза Святой.

Что заставляет этих людей, таких же смертных, уязвимых и для оружия, и для вируса, бесстрашно лезть под пули, под струи пламени из огнеметов полубезумных Факельщиков, в пропитанные заразой дома? Рисковать жизнями, чтобы на своих плечах вытаскивать тех, кто не может помочь себе сам. А им самим, случись с ними беда, кто-нибудь помог бы?

Этот вопрос и не давал Паулю покоя. Святые боролись за жизни людей. Факельщики отнимали жизни у всех без разбора. А чем занимался Луч?

А сегодня он получил ответ. Весьма четкий и недвусмысленный. Наотмашь бьющий по высокомерно искривленным губам.

Мы — тоже убийцы. Мы ничем не лучше полоумных огневиков. Мы взяли на себя роль судей, если не богов — и решаем, кто и как должен умереть.

Пинком распахнув двустворчатые двери лазарета, Сова широким шагом подошел к стойке дежурного, который, только увидев вошедших, сразу же хлопнул ладонью по большой плоской кнопке на столе. Где-то в недрах здания зазвенел звонок, и буквально через полминуты из коридора выбежали четверо медиков, толкая перед собой по потрескавшимся плитам пола две дребезжащие каталки с ремнями для фиксации.

Сова небрежно сбросил девочку на одну из каталок, где ее немедленно развернули вверх лицом, затянули три ремня поперек тела и только после этого вытащили кляп.

— Папа... — тут же пискнула девочка. Мужчина на плече Пауля дернулся, но не издал ни звука.

Пауль торопливо сгрузил свою ношу на вторую каталку и обратился к одной из врачей, склонившейся над девочкой:

— Ребенок предположительно здоров. Куда вы ее определите?

Врач вскинула на него изумленный взгляд.

— А вам-то что? Знакомая ваша? — и она подозрительно прищурилась. Всякие намеки на личные связи с пациентами тут, мягко говоря, не приветствовались.

— Нет-нет, — поспешил откреститься Пауль. — Просто жалко ее стало, если честно. Маленькая еще...

— Понятно, — улыбнулась врач, и Пауль снова невольно вспомнил девушку-Святую. Хоть нижнюю часть лица той и скрывала повязка, по глазам всегда можно было понять, когда она улыбалась — доброжелательно и слегка насмешливо. А здесь — судя по голосу, губы растянуты в улыбке, но в глазах — холод скальпелей и режущая белизна больничных потолков. — В первый раз семью с ребенком задерживаете?

— Д-да, — пробормотал Пауль, отводя взгляд. — В первый.

— Правилами запрещено навещать пациентов, вам это прекрасно известно, — теперь холод хирургических инструментов отчетливо слышался и в голосе усталой женщины-врача, — но если уж вам так надо знать — определим ее в триста седьмую. Там пока свободно.

— Спасибо, — Пауль кивнул и как-то боком отошел от каталок, мельком покосившись на напарника, который увлеченно беседовал с дежурным и, похоже, не слышал этого разговора. Пауль очень на это надеялся, во всяком случае.

Выйдя из здания лазарета, Пауль вышел с территории базы и побрел куда глаза глядят. Вспомнив, что у него на рукаве брызги крови зараженного, чертыхнулся и вернулся, отойдя уже шагов на триста. Прошел в санитарное отделение, разделся и с какой-то непонятной ему самому злостью зашвырнул всю амуницию в чан для дезинфекции. Вымывшись в душе и переодевшись в чистый комбинезон, он наконец покинул больничный комплекс и направился к казармам с намерением пообедать, но понял, что не сможет сейчас проглотить и кусочка — он словно продолжал чувствовать на себе взгляд алых глаз мутанта, выворачивающий внутренности наружу.

Снова выругавшись, Пауль резко повернулся на месте и зашагал прочь с территории базы, на узкие извилистые улочки старого Города.

Ноги сами несли его к центральному полуострову. Почему-то хотелось хотя бы мельком увидеть кого-то из Святых, хотя бы просто мелькнувшую серую униформу... А если повезет — то и знакомые фигуры: коренастого доктора, обманчиво медлительного здоровяка-воина... И ее. Ту, кто своим уверенным голосом и своей улыбкой удерживает свой маленький отряд по *эту* сторону безумия и смерти.

***

Адам с остервенением поглощал безвкусную похлебку. Он до того озверел от малоподвижности, бездействия и синюшно-белого цвета стен и потолков, что готов был сбежать через окно лазарета прямо в сером больничном балахоне. И никто не стал бы его удерживать: по законам Святых здоровые люди — свободные люди. Еще бы и порадовались: одним нахлебником меньше.

Однако рана на плече у него загноилась, началась лихорадка, и досрочное прекращение курса антибиотиков было чревато весьма неприятными последствиями. Осталось еще два дня... Состояние улучшалось, кормили хоть и бедняцкими супчиками, но трижды в день. Тепло, вдоволь горячей воды. И главное — безопасно. Сбежишь — придется бороться за выживание.

Сейчас Адама больше всего пугали не недолеченное ранение и даже не перспектива подхватить заразу вне стен Прибежища. Он прекрасно понимал, что Факельщики сочли его погибшим, и если кто-то из них случайно столкнется с ним на улице и узнает... Дезертиров у них расстреливали на месте.

Это соображение и удерживало Адама в стенах Прибежища. Он ведь мог попросить у врачей запас антибиотиков на оставшиеся два дня и уйти куда глаза глядят. Если бы очень захотел. Но он не хотел... Он боялся. Он впервые с начала эпидемии не представлял себе, как будет жить дальше.

И злился он не на вынужденное бездействие, не на болезненные уколы, не на

осточертевшую пресную еду — он злился на себя. На свою трусость и неприспособленность к жизни.

Маменькин мальчик...

Адам был сыном школьной учительницы. Отца он не помнил, тот ушел, когда Адам был совсем маленьким. Мать заразилась от своих учеников примерно через месяц после выявления первых случаев заболевания. Всё случилось прямо в школе... Тела учительницы и трети ее класса даже не показали родственникам.

Адам остался совершенно один. Ему было шестнадцать. Он сам учился в этой школе — в выпускном классе.

Соседи поначалу присматривали за раздавленным горем парнишкой — оставляли ему под дверь еду, собрали немного денег. Но к себе его не пускали и в его квартиру не заходили — тогда степень взаимной подозрительности была максимальной. В конце концов соседние квартиры обезлюдели. Адам сутками сидел на материнской кровати, закутавшись в одеяло, слушал отдаленные крики и рычание, тихонько плакал и готовился умирать.

Потом за ним пришел один из немногих выживших соседей — здоровяк Виллерс с первого этажа. Вышиб дверь, огляделся по сторонам и замер на месте, изумленно уставившись в складки шерстяного одеяла, из которых на него смотрели мутные серые глаза обессиленного, почти теряющего сознание от голода парнишки.

Виллерс забрал Адама к себе — а жил он теперь на военной базе, где собирались те, кто не заразился и горел желанием спасти от заражения других. Тогда Адам еще не знал, что способы борьбы с заразой бывают разные — и его новые товарищи выбрали не самый гуманный из них.

Но поначалу он всерьез загорелся их идеологией: живые достойны того, чтобы жить, зараженные достойны быстрой милосердной смерти! Тела надлежит предавать очищающему пламени, чтобы исключить возможность заражения при погребении. Логично. Во все времена трупы умерших во время эпидемий старались сжигать. И Адам рад был примкнуть к движению добровольных санитаров Города. Тем более что первые пару лет он на вылазки не ходил...

Его обучали пользоваться всевозможными зажигательными устройствами и смесями, изготавливать их из подручных материалов, разводить огонь в сырую погоду и даже под дождем. Тушить пламя их тоже учили — на всякий случай. Эти навыки, кстати, пригодились в тот год, когда горожане начали массово устанавливать в своих квартирах кустарные печки для обогрева и приготовления пищи.

Потом начались патрулирования. Первый год всё ещё выглядело благородно, а вот потом...

Когда Адам впервые попытался остановить командира своей группы, видя, что тот подносит факел к куче наваленных как попало и облитых горючей жидкостью тел — а два или три еще судорожно дергаются и пытаются выползти — вожак просто молча отшвырнул сопляка в сторону и запустил «ритуал огненного погребения». А по возвращении на базу отвел подчиненного в сторону, положил ему руку на плечо и, сощурившись, процедил:

— Не лезь под руку, если не хочешь в следующий раз растопкой послужить!

И коротким тычком рассек Адаму губу.

Адам запомнил. И через две недели попросился в другой отряд, объяснив это тем, что хорошо знаком с закрепленной за этим отрядом территорией. Так он попал к Шестопалому — сорокапятилетнему бывшему офицеру, отличавшемуся, как казалось наивному Адаму,

большой вменяемостью.

Как же он, черт возьми, ошибся...

Кроме всего прочего, именно в отряде Шестопалого он окончательно уяснил: из Факельщиков уходят только на небеса — вместе с вонючим дымом.

По коридору загрохотали колеса каталки, на которой дежурная медсестра развозила еду по палатам. Адам поднялся, подошел к дверному проему и стал ждать, когда каталка проедет мимо него.

Из всех дверей поочередно высовывались пациенты, благодарили медсестру — немолодую женщину, которую звали Вайолет, и ставили миски и кружки на каталку. По мере продвижения по коридору каталка становилась всё тяжелее, всё громче брнчала наставленная на нее посуда. Возле каждой следующей двери Вайолет, ожидая, пока очередной пациент поставит очередную миску, переводила дух, устало опустив плечи.

Поравнявшись с палатой Адама, Вайолет остановилась, коротко вздохнула и тяжело оперлась на ручки каталки.

— Спасибо вам большое, — сказал Адам, ставя свою миску поверх стопки таких же.

— Не за что, — ответила медсестра и неожиданно вскинула на него взгляд. — Как дела? — спросила она вполголоса.

Адам оторопел. За две недели она впервые заговорила с ним.

— Почти здоров, — он робко улыбнулся.

— Там твои... бывшие твои совсем разбушевались, — еще тише проговорила Вайолет. — Уже неделю город горит. То там, то тут. Горожане уже вооружаться начали. Видят факельщиков — кидаются на них. А те, сам понимаешь... В общем, не столько народу от чумы умерло за последнее время, сколько от этих стычек. Так что, когда выпишешься, не вздумай в своей униформе выйти на улицу. Или те... бывшие товарищи, или горожане тебя мигом распотрошат. Возьми у нас одежду понеприметнее.

— Понял... Спасибо, — растерянно отозвался Адам.

— Лечись давай, — едва заметно кивнула Вайолет и толкнула каталку.

Адам неподвижно лежал на койке и смотрел в осточертевший белый потолок, покрытый сетью трещин. Сердце часто колотилось, бросало в жар, но при этом жутко мерзли кисти и ступни. Адаму было до истерики страшно.

Куда деваться? За последние пять лет у него не было другого дома, кроме базы Факельщиков, и других знакомых, кроме обитателей этой базы. Куда он пойдет? Как сможет выжить в одиночку в зараженном и обезумевшем Городе?

А что, если...

Адам даже сел на кровати, невольно заулыбавшись.

А что, если попроситься в Орден Святых?

Он не заражен. Он умеет обращаться с оружием. Он всей душой желает помогать людям. Они просто не могут его не взять!

Широко улыбаясь, Адам снова улегся на койку и зажмурился от накатившего радостного облегчения. Завтра прямо с утра он попросит врачей выдать ему одежду и пойдет искать кого-то из отрядов Надзора, как они себя именовали. И тогда... Жизнь снова обретет смысл. Как пять лет назад. Как в детстве, когда была жива мама. И всё будет хорошо.

Поворочавшись на жесткой койке, Адам устроился поудобнее и постарался поскорее заснуть — чтобы поскорее настало утро.

***

— П-простите... Я, может, неправильно понял...

— Нет, ты всё понял правильно, парень. Мы не берем к себе перебежчиков из огневиков. Нет вам доверия. Думаю, ты прекрасно понимаешь, почему. Это приказ Триумvirата, он не подлежит обсуждению. Так что извини, помочь ничем не могу. Разве что советом. Беги за реку, в Ветоши. Если б не твое прошлое, я бы тебе предложил пока в нашем квартале поселиться, там на первых порах помогли бы, народ у нас тут хороший собрался. Но... Не твой вариант. На этом берегу твои бывшие товарищи тебя рано или поздно найдут. Ну, и как они «любят» дезертиров, ты не хуже меня знаешь. А поймают — спалят не только тебя, но и тех, кто с тобой рядом окажется. Так что давай, — воин из отряда Надзора сделал рукой выпроваживающий жест. — Вылечился — не занимай койку. Прощай, мне некогда, — и он развернулся и быстрым шагом покинул вестибюль лечебницы.

Адам постоял еще немного, глядя ему вслед. Он вдруг почувствовал себя совершенно обессиленным и отупевшим. Его будущее, которое вчера вечером казалось простым и надежным, как каменный мост, в одно мгновение рухнуло — и придавило обломками.

С трудом заставив себя сдвинуться с места, он побрел искать врача.

Через полчаса Адам, слегка пошатываясь, вышел за ворота монастырского комплекса и остановился. Перед ним возвышался Собор Священного Сосуда, обнесенный кованой изгородью. Ветер доносил откуда-то запахи гари и обугленного мяса. Адама передернуло. Он поправил повязку на лице, ссутулился и, шаркая подошвами великоватых ботинок, побрел в обход храмовой ограды.

Нет, в таком виде его невозможно узнать. На лице очки и повязка, одежда — как у типичного горожанина: мешковатые штаны и куртка с капюшоном. Походку Адам постарался изменить как можно сильнее. Поначалу шел медленно, шаркая, как древний старик, опустив плечи и голову, но потом сообразил, что так только вызовет больше подозрений, выпрямился и зашагал чуть быстрее, только слегка по-иному, чем обычно, ставя ноги: носками внутрь. Получилась слегка косолапящая, но устойчивая походка, напоминающая походку моряка.

Да, так его не узнают, даже столкнувшись нос к носу, успокаивал себя Адам, настороженно косясь по сторонам. На проулке вдоль храмовой ограды было безлюдно, и он миновал монастырский квартал, так никого и не встретив.

Теперь нужно было пройти по мосту через Серпентайн. Мост, который вел в Ветоши от «острия» центрального полуострова, носил имя Святой Полетты, в честь которой был назван и монастырь. Что это за Полетта и за что ее причислили к лику святых, Адам понятия не имел, а мост в народе называли просто «мостом Полли».

Прохожих на мосту не было. Неудивительно: в последнее время обитатели Ветошей обособились от остального города, крайне неохотно пускали к себе чужаков и сами почти не пересекали реку. Даже Факельщики опасались соваться на территорию, контролируемую сплоченной общиной бедняков, которую возглавлял некто по прозвищу Узел — по слухам, человек огромного роста и нечеловеческой силы, но спокойный и незлобивый — пока дело не касалось посягательств на его территорию и на спокойную жизнь его людей.

По мере приближения к западному берегу ноги Адама начали ощутимо подгибаться. Как-то его встретят там? Пропустят ли? Или ему и здесь дадут от ворот поворот, и он окажется абсолютным изгоем в родном городе?

Вот и берег. Неширокая дорожка вилась вверх по пологому склону между седыми гривами полегшего прошлогоднего бурьяна. Адам опасливо двинулся по ней по направлению к виднеющимся метрах в двухстах дощатым воротам.

Вдруг несколько серых холмиков в стороне от тропы ожили, увеличились в размерах и быстро двинулись в сторону незваного гостя. Адам от неожиданности дернулся и едва не рванул назад на мост, но его остановил негромкий оклик:

— Кто такой? Чего надо?

Одна из серых бесформенных куч развернулась в невысокую фигуру, замотанную в многослойное тряпье. Среди болтающихся лохмотьев блеснуло дуло пистолета.

Адам замер и медленно поднял руки вверх. Еще пять фигур в серых балахонах неслышно обступили его. Каждый держал какое-то оружие. Автомат, пистолет... Два ножа. Чем вооружен тот, кто встал за спиной, Адам, естественно, не видел.

— Что нужно? Отвечай! — снова потребовал тот, кто стоял впереди на тропе.

— Я с той стороны, — пробормотал Адам. — Ищу убежище.

— Мы не принимаем людей с той стороны, — собеседник ткнул дулом пистолета вперед, — нам тут не нужно заразное дерьмо из богатеньких кварталов! Проваливай, откуда пришел, — серые фигуры качнулись вперед, оружие тускло блеснуло в хмуром утреннем свете.

— Меня там убьют! — в отчаянии выкрикнул Адам, не двигаясь с места. Ему вдруг стало очень холодно. Начинали сбываться его самые мрачные прогнозы.

— А мне-то что? — хмыкнул стражник. — Все умирают, а ты чем лучше? И мы тут не хотим умереть от заразы.

— Я здоров, это совершенно точно! — уцепился Адам за последнюю фразу.

— Ха, все так говорят!

— Я только что из лазарета Святых. Они там только здоровых держат!

— От Святых? — неожиданно заинтересовался стражник. — Чем докажешь?

— Вот, — Адам медленно, чтобы не спровоцировать нацелившихся на него стражников, правой рукой стянул рукав с локтевого сгиба левой, где виднелся след от укола с засохшей капелькой крови. — Только что укол ставили. Час назад. Я был ранен, началась лихорадка, мне ставили ребакт внутривенно. А никто, кроме Святых, не лечит ребактом. Ни у кого его больше нет...

— А чем докажешь, что именно из лазарета, а не из лабораторий?

— А кто бы меня из лабораторий выпустил?..

— Тоже верно, — кивнул стражник. — А вдруг ты по дороге заразился?

— А у вас что, анализаторов нет? — протонал Адам.

— Ты дурак? — хмыкнул стражник. — Если ты час назад еще был в лазарете, то даже если по дороге вирус хватанул, он еще по крови не распространился, и анализатор его не обнаружит.

— Чёрт, точно, — Адам совсем сник. — А, нет! Все-таки не такой уж я дурак! — тут же вскинулся он. — На мне повязка с антисептиком, и я всю дорогу от людей шархался! Меня там ищут, чтоб убить!

— Прямо ищут? — скептически хмыкнул стражник. — Прямо чтобы убить? И что ты за важная птица, интересно, чтобы посреди эпидемии за тобой убийцы охотились?

— Да очень просто, — Адам, не опуская рук, пожал плечами. — Я — дезертир из Факельщиков. Понятно?

— О, да, — стражник закивал, — понятно. Это... Кхм... Немного меняет дело Ладно, — он убрал пистолет куда-то в складки балахона и решительно откинул капюшон, — опусти руки. Пойдем с нами. На двое суток запрет в изоляторе, потом проверим. Если здоров — оставайся, живи. Мы ж не звери... В отличие от твоих бывших товарищей.

— Вот-вот, — пробормотал Адам, с удовольствием опуская затекшие руки и встряхивая ими.

— За мной, — сказал стражник и, развернувшись, зашагал по тропе, Адам заторопился за ним. Остальные серые фигуры слаженно двинулись следом — по двое справа и слева, один — сзади.

— Как зовут-то? — на ходу обернулся первый стражник.

— Адам.

— А я Нэйт. С остальными познакомишься потом... Без очков и повязок. Если доживешь, конечно.

Нэйт отвел Адама в сарайчик без окон, но со щелястыми стенами, в которые проникали свет и сырой ветерок с реки. Показал умывальник, котел для кипячения воды на треноге над очагом; и отхожее место в закутке за хлипкой дверцей — яму с хлорной известью.

— Койка есть, еду принесут и подсунут под дверь. А пока я тебя запроу. Не буянь, — и Нэйт вышел задвинул снаружи тяжелый засов.

Адам уселся на жесткую койку, стянул повязку, снял защитные очки и огляделся. Сарай при ближайшем рассмотрении оказался не таким уж и ветхим: стены были сколочены из толстых досок, а щели между ними оставлены намеренно — для вентиляции и проникновения света. Ну что ж, прорываться на свободу он и не собирался. Растянувшись на застеленных рваным ватным одеялом досках, Адам вдохнул исходящий от набитой травой подушки горьковато-пыльный аромат полыни и улыбнулся. Все-таки удача пока держит его за руку. Заразиться он точно не мог, а значит, всё будет хорошо. Адам глубоко вздохнул, расслабил все мышцы и постарался заснуть.

Проснулся он от грохота и подскочил на койке, спросонья не соображая, где он находится. В раненной голове стрельнула боль.

— Эй, приبلудный! Бери еду! — раздался из-за двери старушечий голос, и под дверь протолкнули квадратный контейнер, бутылку и что-то завернутое в тряпицу.

— Спасибо! — отозвался Адам.

— Будь здоров! Посуду сам сполосни и оставь у себя до конца карантина.

В контейнере оказалась капустная похлебка с зеленью и большими кусками каких-то неизвестных Адаму грибов — ароматная и вкусная. В тряпицу были завернуты погнутая ложка и кусок серого хлеба.

«Ничего себе питание у бедноты, — изумлялся Адам, поглощая еще теплую похлебку и прихлебывая из бутылки кисловатый ягодный морс. — А у Святых одна крупа и мука. Им бы овощей... И мяса. Или хоть грибов тех же».

Проблема продовольствия в Городе в последнее время стояла уже не так остро, как, скажем, три года назад, когда все стратегические запасы закончились, а завоз продуктов из внешнего мира прекратился. Как испокон веков происходило в осажденных городах, были переловлены и съедены все грызуны, воробьи и прочая мелкая живность. Хорошо хоть, до людоедства не дошло: жители Ветошей поделились с обитателями многоэтажек молодняком скота и цыплятами. К тому моменту уже было установлено, что ни животные, ни птицы вирус не переносят, и тут дела с продовольствием понемногу пошли на лад: по окраинам города понастроили загонов и начали разводить там скотину, нагородили огородов и стали сеять морковь, капусту и прочее.

И все равно продуктов было в обрез: всё упиралось в ограниченность пригодных для земледелия участков в окрестностях. Город находился на продуваемом со всех сторон каменистом плато, постоянные ветры сдували плодородный слой. Не хватало воды для полива посевов, не хватало пастбищ для скота. Власти несколько раз отправляли отряды в соседние города — поискать, не осталось ли там припасов; в результате удалось пригнать несколько грузовиков с крупами и мукой. Похоже, что большая часть этих трофейных продуктов попала на склады Святых. А вот овощей им почему-то почти не перепало — странно, неужели у ордена нет своих посевных территорий?..

Доев похлебку и едва ли не вылизав контейнер, Адам сполоснул посуду в умывальнике и поставил в угол. Выглянув через щель наружу, он увидел, что день клонится к вечеру. В

воздухе пахло костром — обычным костром, в котором горят сухие дрова. Адам улыбнулся. Запах детства. Запах будущего...

Вдруг снаружи послышались шаги, и смутно знакомый голос окликнул:

— Эй, приبلудный! Ты там живой?

Адам похолодел. Этот голос он никак не ожидал услышать. Не надеялся услышать. Или *надеялся не...*

— В-виллерс?..

Что-то грохнуло о дверь. Стенки сарайчика завибрировали.

— Что? Кто?.. Адам Роу?

— Ты же умер, — пробормотал Адам, опускаясь на корточки — ноги вдруг перестали держать.

— Ты тоже, — хохотнул бывший сосед, — во всяком случае, для западного берега точно. Если выйдешь отсюда — умрешь по-настоящему. Мне Нэйт сказал, что в изоляторе сидит дезертир из Факельщиков, вот я и решил пройти мимо — узнать, у кого это из моих... *бывших товарищей по оружию*, — судя по голосу, при этих словах Виллерс скривился, как от запаха тухлятины, — совесть, оказывается, имеется.

— Я думал, ты умер, — тупо повторил Адам.

— Я сбежал, — жестко сказал Виллерс. — Мне надоело убивать здоровых людей по приказу этих придурков. В последней ходке... А-а, черт... До сих пор тошнит, как вспомню. В общем, пошли они в задницу! Чума убивает, а мы ей работу облегчаем. Чистильщики, мать вашу... — он сплюнул.

— Вот и я... — Адам поднялся на ноги и подошел к двери. — Меня кошмары замучили, — жалобно сказал он. — Крики... И главное — вонь, — его передернуло, — волосы горят, тела... Я есть не мог. Мне всё воняло этим дымом...

— Та же хрень, — тихо сказал Виллерс. — И самое-то противное — ты хоть у кого-нибудь еще проблемы с аппетитом видел? Всем наплевать, все только трофеями хвастаются за ужином... Нелюди.

— Нелюди, — вздохнул Адам. — Говорят, от нейрочумы в чудовищ превращаются. А на самом деле...

— Это точно. Я рад, парень, что ты от них ушел. Тут у нас жизнь, конечно, не праздник. Зато народ отличный. Отсидишь карантин — приспособим тебя к делу. Нам тут крепкие люди нужны. Стройки, ремонта много. Скоро пахота, посевная...

— Расскажи, как вы тут живете, — попросил Адам.

— Да просто живем. Обычная деревенская жизнь. Пашем, сеем, урожай собираем. бабы детей рожают, старики умирают. Медикаментов вот у нас мало, — Виллерс вздохнул. — Всё подрастратили за последние пару лет. А взять неоткуда. Все запасы — у медиков Святых. А они, конечно, с нами делиться не будут. Им самим мало.

— Хм-м, — протянул Адам. — Не только у Святых...

— Что — не только у Святых?

— Не только у Святых, говорю, лекарства есть. У нас... У Факельщиков склад медикаментов военной базы остался.

— Ну да, вроде бы где-то есть, — с сомнением в голосе протянул Виллерс. — Но я сам ни разу...

— Да точно тебе говорю! — с жаром воскликнул Адам. — Я первый год в охране складов служил. Так меня пару раз ставили в смену к зданию, на двери которого крест

нарисован! Я потихоньку расспросил старшего — он сказал, что там склад медикаментов! Просто... ну сам знаешь. У Факельщиков же лечить людей не принято. Я думаю, оттуда если что и берут, то для высшего командного состава...

— Ну, это возможно. Так и что толку? Сам знаешь, как эти склады охраняются. Все равно нам эти медикаменты никак не добыть.

— О, так ты уловил мою мысль! — засмеялся Адам. — Есть одна мыслишка... Но очень уж рискованный способ. Ты сам в охране складов никогда не стоял?

— Нет, меня как-то сразу в патруль определили, а что?

— А то, — торжествующе продолжил Адам, — что я целый год там проторчал. А служба скучная — хоть вой! Туда же никто доступа не имеет, кроме своих. Попробуй сунься кто со стороны — там три круга охраны.

— Так и я о чем!..

— Да погоди ты!.. В общем, за год я всё там в округе облазил. Со скуки. И нашел потайной ход! Туда можно пробраться через канализацию! — торжествующе выпалил Адам.

— Ты там вниз головой свалился куда-то, что ли? Ты думаешь, военные совсем дураки, что оставили такой очевидный лаз к собственным складам?

— В том-то и дело, что ни черта он не очевидный! Ты дослушай, Уилл! Там есть спуск в Катакомбы. А по ним куда угодно добраться можно...

— Точно крепко стукнулся головой, — вздохнул Виллерс. — Ты хоть понимаешь, что ты сейчас ляпнул? По Катакомбам добраться можно только на тот свет. Точка.

— Но кто-то же по ним ходил! — запротестовал Адам. — Туда столько экспедиций отправляли!

— И многие из них вернулись? — саркастически хмыкнул Виллерс.

— Ну кто-то же вернулся! Даже карты подземелий существуют! Наверняка у тех же Святых они есть!

— И как ты у Святых их раздобудешь?

— Приду и попрошу, — буркнул Адам. — Не знаю. Тут еще подумать надо. Выкраду. Залезть к Святым в любом случае проще, чем на военную базу.

— Ну-ну, — насмешливо проговорил Виллерс. — Видать, парень решил умереть наиболее геройским способом. Зато уж наверняка. И чтобы запомнили — «Помните, какой он был фантастический дурак?».

— Слушай, — Адама начало слегка потряхивать от возбуждения. — Сколько тут, в Ветошах, живет народу?

— Ну точно не скажу. Тысячи две, наверно. Может, и больше.

— Вот! И что лучше — две тысячи человек помрут по время эпидемии какой-нибудь дизентерии или один молодой дуралей рискнет и попробует пролезть туда, куда взрослые и умные люди... трусят соваться? — он замолчал и отвернулся от двери, обхватив себя руками. Внезапно возникшая идея стремительно разрасталась в нем, заполняла грудь, будто горячим паром, надувала ощущением собственной значимости и приподнимала над землей и над своими мелкими проблемами и страхами.

— Трусят... — пробормотал Виллерс. — Ну, наверно, можно и так сказать. А что такого? Да, мы не хотим помирать. Тут, за рекой, мы более-менее отгородились от нейрочумы. И от всяких здоровых психов вроде огневики. Так с чего же нам добровольно на смерть-то лезть? Ты хоть примерно представляешь, что там, в этих Катакомбах?

— Примерно, — отозвался Адам. Да, представлял он. Примерно. И этого «примерно»

хватило, чтобы у него начали стучать зубы. Все-таки хорошее воображение — это проклятие, а не дар...

— Ну ладно, это всё пустые разговоры, — подытожил Виллерс. — Тебе еще тридцать шесть часов тут сидеть. Вот и думай — герой ты или... Точнее, псих или нормальный.

— Ладно, — слабо улыбнулся Адам. — Буду думать. Спасибо, что зашел. Я чертовски рад, что ты жив. И... Что тоже бросил этих... зверей.

— Я тоже — насчет тебя, — усмехнулся Виллерс. — Бывай, сосед. Надеюсь, через положенное время ты выйдешь отсюда и присоединишься к нашей теплой компании.

Послышались неторопливые удаляющиеся шаги. Адам отошел от двери, сел на койку, поставил локти на колени и обхватил голову руками.

***

Айви стояла на входе во двор Прибежища, привалившись к стене и хмуро глядя в проем ворот. Уже две с лишним недели она торчала здесь, как самый бесполезный из кирпичей в ограде. Ее ребята каждые три дня приносили, приводили раненых и незараженных, коротко здоровались с ней, прятали глаза... и уходили в Город, на настоящую службу. Под пули, огонь и невидимый туман заразы. А она оставалась в безопасном месте.

Айви злилась. Все эти дни прошли для нее под знаком глухой злобы и бесплодных размышлений о том, как же изменить ситуацию. Жук как-то раз, задержавшись возле нее, тихо пробормотал: «Сходила бы еще раз к Учителю, может...», но Айви грустно покачала головой. Она знала, что это бессмысленно. Не Учителем принято это решение, и не ему его отменять.

Айви, как бешеная, взялась за тренировки. Всё время, не занятое дежурствами и короткими периодами сна, она проводила с оружием в руках. Оттачивала мастерство владения мечами, взялась и за арбалеты, и даже за ненавистный огнестрел. Результаты ее радовали... а толку?.. Она только и могла, что мечтать о возможности применить в деле полученные навыки.

Но — уже две недели ничего, кроме скучной постовой службы. В этот переулочок вообще никто не забредает. Только свои, когда приводят раненых или здоровых в Прибежище.

Скука. Бессмысленность. Тоска. Злость.

Они еще пожалеют...

Мрачные размышления вдруг прервал звук неторопливых шагов. Подняв взгляд от серого растрескавшегося асфальта, Айви увидела идущего прямо на нее человека. Лицо его скрывали очки и повязка, фигуру — мешковатая одежда, так что нельзя было даже определить, мужчина это или женщина. Айви вскинула винтовку.

— Стоять! Запретная зона! — спокойно, но достаточно громко сказала она.

Визитер остановился шагах в десяти и снял очки. Айви вгляделась в верхнюю часть лица — и поняла, что человек ей смутно знаком, а затем припомнила, что если и видела эти глаза, лоб и переносицу, то полностью залитыми кровью.

— Привет! — сказал человек. Судя по глазам и голосу, это был молодой парень. — Это ведь ты меня вытащила. Верно? Чуть больше двух недель назад, одиннадцатый квадрат, ранения в висок и в плечо. Ты? — он шагнул чуть ближе, и Айви угрожающе повела дулом винтовки.

— Ну, я. Скорее всего, — настороженно отозвалась она. — И что?

— Спасибо хотел сказать, — судя по голосу, парень робко улыбнулся.

Айви неслышно вздохнула. Паренек, которого они вытащили в последней ходке, вспомнила она. Жив, значит... И то хорошо. Появление перед ней человека, спасенного ею не так давно в Городе, только усилило тоску и злость на свое нынешнее бесполезное существование.

— Тебя выписали? — хмуро поинтересовалась она. — Куда теперь? Ты вроде бы сказал — ты Факельщик. Вернешься к своим?..

— Нет, — твердо сказал парень. — Не вернусь. Ни за что. А если они меня увидят...

— Ты труп, — закончила за него Айви. — И что ты тогда тут околачиваешься?

— Поговорить с тобой хотел, — сказал парень. — Сейчас не время и не место, ты на посту... Во сколько сменишься?

— Чего это мне с тобой говорить? — насторожилась Айви. — Какие у нас с тобой могут быть разговоры?

— Я потом объясню, — парень быстро огляделся по сторонам. — Поверь, это очень важно, и для вашего Ордена в том числе. Это связано с помощью здоровым.

— Ну ладно, — с сомнением протянула Айви, — послушаю тебя, так и быть. В четверть десятого приходи.

— Только не здесь, — парень снова заозирался. — Давай встретимся в более тихом месте. Где-нибудь внутри храмовой ограды, а?

— Тоже мне нашел тихое место, — пожал плечами Айви. — Там с восьми еду раздают. Там будет совсем не тихо.

— В том-то и дело. Меня никто там не разглядит в толпе.

— Ну хорошо. Тогда возле калитки в некрополь.

— Спасибо, — прошептал парень и мгновенно растворился в ближайшем переулке.

Айви не сразу опустила винтовку, настороженно прислушиваясь к легким удаляющимся шагам.

До конца смены оставалось еще три часа, и она успела совершенно известись от любопытства — что же такого хочет сообщить ей этот парнишка? Она, конечно, не помнила его имени, не узнала бы его на улице, даже увидев без повязки... Что ему от нее надо, черт возьми?

Без пятнадцати девять к воротам Прибежища забрел еще один праздничношатающийся. Боевик Луча в полном вооружении, но совершенно один, что было странно, потому что по городу эти вояки обычно перемещались только группами.

— Что-то тут сегодня подозрительно многолюдно, — пробормотала Айви, наставляя на неожиданного визитера винтовку.

Лучевик поднял руки, остановившись шагах в шести-семи. Айви отметила, что этот «посетитель» смелее — или наглее — предыдущего: его, казалось, совершенно не смущало направленное на него оружие.

— Приветствую! — сказал лучевик.

— И вам не болеть, — изумленно произнесла Айви — она, как ей показалось, узнала голос... Да что за чертовщина, одно к одному! Дурацкий одиннадцатый квадрат, проклятушая толпа зараженных, мерзкие огневики... Высокомерный командир лучевиков и второй, спокойный и доброжелательный... Как их всех угораздило снова собраться в одно и то же время в одной точке?

А может, это неспроста?..

— Я вижу, вас перевели в охрану Прибежища, — заметил лучевик. — Что так? Пс

состоянию здоровья? Вы были ранены?

— По состоянию, ага... — процедила Айви. — Здоровья. Вот только не моего. И не физического.

— Решения командования, они бывают... Да? — многозначительно сощурился лучевик — он был в защитной маске и без очков, и по выражению глаз можно было понять, улыбается он или серьезен.

— Не обсуждаются, во всяком случае вслух и с чужаками, — отрезала Айви. — Чему обязана вашим внезапным визитом?

— О, вы так всех нарушителей встречаете? — хмыкнул лучевик. — А я просто так зашел. Можно сказать, захотелось узнать, как у вас дела.

— Ну вот, узнали. Жива, здорова, зла как черт, — вырвалось у Айви.

— Все-таки зла, — кивнул лучевик. — Не буду лезть не в свое дело, но вам явно досталось ни за что.

— Вот и не лезьте, — буркнула Айви. — Поздоровались, теперь все-таки будьте любезны доложить о цели вашего визита.

— Сам не знаю, — неожиданно ответил лучевик, разводя руками.

Айви от неожиданности опустила оружие, но тут же снова вскинула, наставив дуло на странного визитера.

— В смысле — не знаете? У вас что, провалы в памяти? Мысли путаются? — она не на шутку встревожилась.

— Да нет, — усмехнулся лучевик. — Не в том смысле не знаю. Просто — на меня напала меланхолия, и ноги сами принесли меня туда, где по определению должны наставлять на путь истинный тех, кто с него сбился.

— А вы, значит, сбились?

— Можно и так сказать, — лучевик немного помолчал, глядя на величественные шпили храма, — сбился... Или и не стоял на нем никогда.

— Что вы имеете в виду?

— Вы... Можно узнать ваше имя? — вдруг спросил лучевик. — Меня зовут Пауль.

— Айви, — ни к чему ему знать ее настоящее имя, хватит и общеизвестного прозвища.

— Очень приятно, — Пауль слегка поклонился, — вы ведь на посту? Вам не положено вести пустые разговоры. Может, поговорим после девяти?

— Ничего, у нас тут не такая уж железная дисциплина, — усмехнулась Айви. — Да и после смены у меня назначена встреча. Так что говорите сейчас, если уж хотите что-то сказать.

— Ладно, — Пауль повернулся к ней вполборота и уставился на окна лечебницы, светящиеся теплым оранжевым светом. — Мне кажется, Айви, что вам можно доверять. И даже если я ошибаюсь... Чёрт, пустословие какое-то. Бред. Попробую объяснить. Сегодня я сдал в нашу лечебницу — а вы знаете, что у нас за *лечебницы*, — последнее слово он будто бы выплюнул, — совершенно здорового ребенка. И вот теперь думаю... — он замаялся.

— Вас стала мучить совесть? — спросила Айви, изо всех сил стараясь изгнать из голоса малейший намек на издевку.

— Можно сказать и так, — задумчиво сказал Пауль, продолжая внимательно разглядывать окна лечебницы. — Хожу вот по городу и размышляю: как лучше выкрасть ее из палаты — влезть через окно третьего этажа или все-таки попытаться пробраться в здание через дверь?..

Айви от неожиданности громко фыркнула.

— Ничего себе у вас мысли!

— Слышали бы вы... — с неожиданной болью в голосе произнес лучевик, повернувшись к ней. — Отец уже почти трансформировался, а она его позвала... И к нему даже рассудок вернулся. Вы такое видели?..

Айви почувствовала, как в груди заворочался угловатый обломок льда.

— Видела, — сглотнув, сказала она.

— Простите, — сказал Пауль, снова переводя взгляд куда-то вбок и вверх. — Думаю, вы такое могли видеть намного чаще, чем я. Но у вас же не принято тащить здоровых в клиники и проводить над ними опыты...

Ледяная глыба в груди превратилась в огненную.

— Не принято, — деревянным голосом сказала Айви. — Так я не поняла — сюда-то вы зачем пришли? Вы так смотрите на окна нашей лечебницы — потренироваться решили, что ли? — она нервно хихикнула.

— Нет, — тихо сказал Пауль, поворачиваясь к ней, — я пришел увидеться с кем-то из вас и, возможно, договориться, что вы примете девочку, когда... Если я ее выкраду и смогу привести к вам.

— Ну естественно, ее тут примут. Удивятся, конечно... Но вам после этого назад на базу путь заказан. Вы понимаете, что станете в глазах Луча преступником и дезертиром?

— Да и плевать, — отмахнулся Пауль. — Может, меня еще убьют при попытке сбежать с девчонкой. Главное — чтобы ее не пристрелили заодно... Хотя... Уж лучше пуля, чем... То, что ее там ждет.

— Это точно, — вздохнула Айви. — Лучше пуля. А вы, значит, в дезертиры податься решили. Какой у меня сегодня день богатый на дезертиров...

— А что, были еще дезертиры? — заинтересовался Пауль. — У вас в отряде, что ли?

— Нет, слава Незримым, не у нас, — усмехнулась Айви, убирая винтовку. — Представляете, несколько часов назад сюда забрел дезертир из огневиков. Один из тех, кого мы тогда вытащили из одиннадцатого квартала — помните, мы там встречались?

— Помню, — кивнул Пауль. — И что, один из недобитых выжил и решил завязать с разбоем?

— Выходит, так. И вот сегодня он заявился сюда и сказал, что у него есть для меня какая-то полезная информация. Попросил встретиться с ним после окончания смены в безопасном месте.

— Оч-чень интересно, — протянул Пауль. — Надеюсь, это не ловушка.

— А зачем им устраивать ловушку *на меня*? — искренне изумилась Айви. — Да еще и внутри храмовой ограды.

— Ну, если внутри храмовой ограды, тогда вы будете в безопасности. А можно мне с вами? — неожиданно спросил Пауль. — В конце концов, я тоже дезертир. Вернее, пока еще нет, но непременно им стану. А этот парень — если он искренне решил завязать с убийствами и разбоем, может оказаться даже полезным. Может, у него совесть есть. И человечность, чёрт дери! Может, он мне поможет вломиться в нашу клинику...

— А что, вполне возможно, — заинтересовалась Айви. — Погодите... Так я бы тоже вам с удовольствием помогла. Мне, по сути, терять нечего. Дезертиром я не стану — не у своих же краду. А если пристрелят — так невелика потеря для мира.

— Не говорите ерунды, — сурово сказал Пауль. — Не заигрывайте со смертью, она

может не понять шутки.

— А я и не шучу, — буркнула Айви. — Да ладно, не обращайтесь внимания. Значит, через двадцать минут у входа в некрополь. И не подходите сразу. Я переговорю с тем парнем и подам знак. А то еще перепугается и наделает каких-нибудь глупостей.

— Хорошо, — кивнул Пауль. — Договорились, — и он скрылся в том же переулке, в который несколькими часами ранее убежал бывший Факельщик.

Как Айви и предполагала, бедолага-огневик едва не дал дёру, когда она предупредила его, что сейчас к ним присоединится третий. Ухватив побледневшего (даже по лбу и переносице было заметно!) парня за локоть, Айви торопливо зашептала:

— Он точно не Факельщик, гарантирую! И он тоже дезертир. И ему нужна помощь!

— Ладно, поверю тебе на слово, — пробормотал парень дрожащим голосом.

— Так-то, — Айви отпустила его. — Как звать?

— Адам.

— Приятненько, я Айви, — девушка огляделась по сторонам, ища взглядом Пауля. Видимо, он был неподалеку и заметил ее движение, потому что уже через несколько мгновений стоял рядом.

— Привет, — кивнул лучевик съезжившемуся Адаму. — Я Пауль. А ты?

— Адам. Привет, — пробормотал тот. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Да не бойся ты! — шепотом прикрикнула на него Айви. — Будешь так трястись — кто-то точно почувствует неладное. Ты уверен, что тут нет никого из ваших?

Адам замер.

— Вот, лучше уж совсем не двигайся, — кивнула Айви. — Так, рассказывайте по очереди. Кто начнет?

— Давайте я начну, — сказал Пауль. — Раз уж Адам мне не доверяет, как я вижу... Послушаешь, поймешь, какой именно я псих, и больше не будешь меня опасаться, — он коротко вздохнул и рассказал о своем плане и о том, что натолкнуло его на решение уйти из Луча.

— Д-да, — Адам поежился. — Вот и я... Убийцы они. Хуже самой чумы. Вирус хоть разумом не обладает. А эти...

Айви снова ощутила в груди что-то тяжелое — то ли ледяное, то ли раскаленное, царапающее изнутри.

— В общем, я вызвалась ему помочь, — сказала она. — Может, ты с нами?

— Конечно, я с вами! — с жаром воскликнул Адам. — А потом... может, вы мне поможете? — он посмотрел на Айви и Пауля по очереди.

— В чём? — спросил Пауль.

— Я после лечебницы просился к вам, — Адам быстро глянул на Айви, — но мне отказали. Сказали, что в Орден не берут людей со стороны. А зря... — он сник, но тут же снова вскинулся и продолжил: — И один из ваших воинов мне посоветовал идти в Ветоши и попросить убежища. Я и пошел... Меня туда еле пропустили — они же устроили там карантин, у них нет зараженных — вообще ни одного! Живут себе как жили, овощи выращивают, дома строят... Хорошие люди. Так вот, оказалось, что у них совсем нет лекарств. А болезни — обычные, вроде ангины — случаются ведь! И вот я подумал — хорошо бы им медикаментов раздобыть...

— И поэтому ко мне пришел? — нахмурилась Айви. — Мы лекарства не раздаем. Самим мало. Даже не думай.

— Я об этом и не думал! — Адам замахал руками. — Я наоборот... Я хотел и вам тоже помочь с лекарствами. Так вышло, что я знаю, где склад медикаментов на военной базе. Я сам его охранял.

— На вашей... В смысле, на базе Факельщиков? — Пауль хмыкнул. — Тогда ты лучше нас знаешь, что к ней не подобраться.

— Поверху — да. А вот снизу... — Адам замолчал и торжествующе посмотрел на собеседников.

— Как это — снизу? — удивилась Айви.

— Через канализацию. А в нее — через Катакомбы! — торжествующе выпалил Адам. Айви вздрогнула, чувствуя, как кровь отлила от лица.

— Через... Катакомбы? Ты в своем уме?!

— А что такого? Есть же карты подземелий. Я слышал, что они у вас есть. Вот я и подумал...

Айви вдруг стало жарко. Что это она сейчас услышала?.. Она отошла на шаг в сторону и оперлась на кованую решетку ограды.

— Забудь, — глухо сказала она. — Выкинь эту мысль из продырявленной черепашки.

— Почему? — Адам, кажется, был неподдельно удивлен такой реакцией.

— А потому! — Айви резко обернулась к нему. Внутри вскипела жаркая волна гнева. Глупый мальчишка! Дурак. Наивный, наивный дурачок... — Там не вы-жи-ва-ют! — по слогам отчеканила она. — Там невозможно выжить!

— А как же экспедиции, которые доставили оттуда кучу артефактов, так что хватило на целый музей? А как же карты? Кто-то ведь их начертил!

— Карты, артефакты! — Айви завелась не на шутку. — Да что ты вообще об этом знаешь, сопляк! Все артефакты — с самых близких к поверхности уровней! И не так уж их много, кстати! Карты... Да что карты! Ты хоть представляешь, что такое Катакомбы? Там карты нужны трехмерные... И как в полной темноте, через толщу камня да в условиях диких магнитных и прочих аномалий сопоставить отдельные уровни? Все карты очень приблизительные, и...

— А ты хорошо разбираешься в этом вопросе, — мягко вмешался Пауль.

Айви уставилась на него горящими глазами и... сникла.

— Да, — устало сказала она. — Я много лет занималась исследованиями Катакомб, хотя сама в них и не спускалась. Я же училась на археолога... И да, я видела карты. И даже читала один отчет экспедиции. Поэтому я и говорю вам: это абсолютно бредовая идея. Там невозможно выжить. Это настоящий лабиринт, мы ни за что не выберемся, если войдем. А уж что нас там встретит... — она замолчала и отвернулась, обхватив себя руками.

— А я слышал, что нейрочуму принесла из Катакомб одна из экспедиций, — тихо проговорил Адам. — А раз там вирус — где-то там и лечение.

Айви дернулась, но ничего не сказала.

Пауль повернулся к Адаму и посмотрел на него долгим оценивающим взглядом.

— Ты какой-то совершенно новый, неисследованный подвид психа-самоубийцы, — серьезно сказал он. — Ты мне нравишься.

Адам с надеждой посмотрел на него.

— Ты пойдешь со мной?

— А почему бы и нет? — неожиданно усмехнулся лучевик. — После того, как я вломлюсь в лечебницу и выкраду биоматериал, мне все равно не жить на поверхности — так же, как и тебе. В Ветоши проситься... Так ты прав — надо не с пустыми руками прийти. Я не нахлебник и надеюсь никогда таким не стать. Да и любопытно, честно говоря, заглянуть в это легендарное место. Я столько о нем наслушался... Поэтому — авантюра как раз по мне!

Айви расширившимися глазами смотрела то на одного, то на второго.

— Да вы рехнулись, — с трудом выговорила она.

— А кто тут в этом городе еще не рехнулся — хотя бы чуть-чуть? — резонно заметил

Адам.

— А ты мудрец, — хмыкнул Пауль, — философ!

— Иди ты, — буркнул Адам и посмотрел на наручные часы. — Уже почти десять.

Давайте договоримся о встрече и разойдемся. Надо еще найти, где переночевать. В Ветоши мне возвращаться смысла нет — опять запрут в изоляторе на двое суток...

— Пойдем ко мне, — неожиданно предложил Пауль. — У меня в городе квартира есть.

Заодно обсудим план похищения. Действовать надо быстро, лучше всего прямо завтрашней ночью, а то девчонке вколют какую-нибудь гадость...

— А почему ты думаешь, что до сих пор не вкололи? — скептически прищурилась

Айви.

— Так карантин же, — напомнил Адам. — Двое суток ждут проявления вируса в

крови...

— Верно, — кивнул Пауль. — А у нас для верности ждут трое суток. Так что время есть.

Но немного.

— Хорошо. Встречаемся в десять утра. Но лучше не здесь, чтобы не «засветить» нашу группу, — Айви задумалась. — Кладбище Йохана Седого. Склеп Милфордов. Знаете?

— Кто ж его не знает, — ухмыльнулся Адам.

— Договорились. Не опаздывайте, — Айви коротко кивнула и быстро пошла к выходу из храмового двора, ловко избегая встреч с многочисленными знакомыми.

Внутри у нее всё кипело, сердце колотилось, и казалось, что негодование вот-вот вырвется наружу криком и струей раскаленного воздуха. Это же надо было такое придумать! Спуститься в Катакомбы... Нет, даже не так. Предложить *ей* спуститься в Катакомбы!

А почему она так возмущена?

Да потому, что она точно согласится.

Разве не об этом она мечтала вот уже пятнадцать лет?

В Катакомбах живет смерть. Она там повсюду. В коварных ловушках, расставленных ныне вымершими строителями для защиты от нежелательных визитеров. В зубах и когтях, в ядовитых выростах и щупальцах нынешних хозяев каменных лабиринтов. По поводу обитателей Катакомб ходили разные слухи: кто-то утверждал, что эти жуткие и опасные твари — результаты экспериментов основателей подземного города — таинственной, ныне вымершей расы человекоподобных существ, называвших себя *эорда*. Кто-то шепотом рассказывал страшные истории о том, что однажды один из его знакомых ушел в Катакомбы с очередной экспедицией — и, естественно, не вернулся; а через три года воды Серпентайна выбросили на берег уродливо раздутый труп существа с лапами и хвостом ящерицы — и мордой, до странности напоминающей лицо того самого знакомого...

В общем, гиблое место эти Катакомбы. И использовать их как безопасный путь до складов Факельщиков — да это просто смешно!

Нет, это страшно.

Нет, это чертовски привлекательно!

Одна Айви, конечно, не рискнула бы сунуться туда. А найти себе спутников для такой безумной авантюры она не рассчитывала. И тут вдруг такая удача! Да неважно, что они все

равно сгинут там, не найдут выхода и уж тем более не вернуться с территории огневиков с добычей. Зато она наконец-то сможет сама побывать там...

О том, что она *там* и останется, хоть живой, хоть мертвой, Айви думала без восторга, но и без особого ужаса, как о чем-то само собой разумеющемся. Надо будет как следует подготовиться, конечно... Взять побольше кислородных баллонов... Нет, с большим грузом там далеко не уйдешь. Лучше уж захватить побольше припасов, оружия и медикаментов. Придется рассчитывать на маски и газоанализаторы. И на удачу.

Айви не заметила, как добралась до дома и буквально взлетела к себе на третий этаж. Уже давно она не чувствовала такого воодушевления. Захлопнув за собой дверь, она мгновенно избавилась от повязки и комбинезона и, едва не пританцовывая, закружила по комнате. В квартире было еще тепло, и она не стала разжигать огонь в печи, только включила водонагреватель и зажгла маленькую спиртовую горелку, чтобы вскипятить воды для кофе.

Так, впереди еще сумасбродная вылазка за какой-то там девчонкой в лечебницу Луча. Но планирование этой операции Айви решила оставить Паулю, а сама, взяв с полки старую тетрадь и карандаш, начала составлять список снаряжения и припасов для погружения в Катакомбы. На самом деле такие списки она составляла регулярно — раз в месяц уж точно, мечтая, как она наконец пошлет всех подальше и спустится в Шлюз одна. Но, конечно, мечты оставались мечтами — до сегодняшнего дня она была уверена, что нужный момент никогда не настанет. Что скорее она подцепит нейрочуму и умрет от этого «привета из подземелий», только здесь, на поверхности, под тусклым солнцем Туманных Островов, а не под красноватыми каменными сводами лабиринта.

Да, она не стала ни подтверждать, ни опровергать упомянутый Адамом слух о том, что нейрочума пришла в Город вместе с одной из немногих вернувшихся экспедиций. Она знала это *совершенно точно*. Но вот нужно ли было это знать другим? И тем более — она не испытывала ни малейшего желания отвечать на вопросы, откуда ей это так доподлинно известно.

***

— Войти в здание и подняться на третий этаж я смогу без особых проблем, — рассуждал Пауль. — А вот вывести девчонку не смогу. Охрана на выходе задержит. Для перевода биоматериала в другое здание нужно письменное распоряжение главного врача. Поэтому действовать будем так. Я проникаю в лечебницу, нахожу ребенка. Вы ждете внизу, во дворе, я передаю ее вам через окно. Всё.

— А охрана? — Айви не могла отделаться от ощущения, что в простой схеме обязательно найдется какой-то изъян. Слишком уж просто всё выглядело.

— Охрана есть только на входе в здание, плюс по периметру ограды. Но мы выйдем через... скажем так, черный ход, — ухмыльнулся Пауль. — В конце концов, меня тоже пару раз снимали с патрульной службы за... В общем, переводили в охрану зданий. Временно. И мне тоже было там скучно, — он покосился на Адама, тот понимающе кивнул.

— Тогда мне непонятно, зачем тебе вообще понадобились помощники, — не унималась Айви, — если всё так легко и просто, ты бы и один ее выкрал.

— И выкрал бы, — Пауль согласно кивнул, — я и не рассчитывал найти помощь, если честно. Но вдвоем, а лучше втроем — надежнее. Вдруг ребенок испугается и начнет вести себя неадекватно. Вдруг кто-то случайно заметит и начнет пальбу. Случайности, они

такие... случайные.

— Ладно, — вздохнула Айви, — убедительно говоришь. Значит, ты проведешь нас на территорию через свой «черный ход»?

— Совершенно верно. Спрячетесь и будете ждать сигнала. Надо настроить «трески» на общую частоту.

— «Трески»? — нахмурилась Айви.

— Ну, передатчики, — досадливо отмахнулся Пауль. — У вас они как именуются?

— А, ты об этом. Да просто «коробки». Во сколько думаешь начать операцию?

— Примерно в девять. В это время как раз ужин заканчивается, а у врачей пересменка.

Проще будет пройти незамеченным.

— Ну, мне всё понятно, — Айви посмотрела на Адама. — Ты как — готов?

— Ага, — улыбнулся тот.

— Тогда встречаемся в полдевятого на углу Парронса и Угольной, — подхватил Пауль. — С собой ничего не бери, мы с Адамом всё нужное принесем. Оденься как-нибудь незаметно... Да ты и сама понимаешь.

— Понимаю, — кивнула Айви и, покосившись в сторону, где стоял Адам, обнаружила, что он куда-то исчез. Встревожившись, она огляделась и удивленно сощурилась. Паренек медленно ходил вдоль стен склепа и разглядывал пыльные мраморные статуи, изображающие женщин в церковных одеяниях со скорбно склоненными головами и молитвенно сложенными руками.

— А вы знаете, что первым Патриархом Церкви был Ансхейм Милсфорд? — рассеянно сказал он. — Да, ты, Айви, уж конечно, знаешь, наверно...

— С чего бы? — хмыкнула Айви. — Я не церковник. Я скорее воин все-таки.

— Ну, мало ли... — пожал плечами Адам. — Могла слышать от своих. Так вот, Церковь была основана тогда, когда Катакомбы только открыли. Получается, сорок шесть лет назад. Заглянули на самые первые слои, нашли кучу артефактов и в их числе — тот самый Сосуд. И нашел его как раз Ансхейм. Принес в лабораторию и начал исследовать. И как-то так вышло, что он из этого сосуда что-то выпил — то ли намеренно, то ли по ошибке. И начал говорить с божествами.

— А может, просто выпил что-то особо забористое, — хмыкнул Пауль.

— Все так и подумали, — Адам развел руками, — но потом провели кучу экспериментов и убедились — дело не в том, что в сосуд наливают, а в нем самом.

— И что это значит — начал говорить с божествами? — нетерпеливо спросила Айви. Этот рассказ кое-что напомнил ей — что-то из историй, которые она слышала в детстве, когда мама брала ее с собой на работу, и маленькой Анни удавалось подслушать разговоры, которые вели за настоящим кофе настоящие археологи...

— Из лаборатории, где работал Милфорд, пошло большинство современных лекарств, в том числе и ребакт. Ну так вот. Вот ты состав ребакта знаешь?

— Нет, конечно, — пожала плечами Айви. — Во-первых, я не фармацевт и не химик. Во-вторых, его состав вообще никто не знает. Его же на военном предприятии делают.

— Во-от! — Адам поднял палец. — А почему, собственно, обычный антибактериальный и противовирусный препарат делают на засекреченном предприятии? И никто так и не выяснил — как его делают и из чего...

— Мало ли, — пожала плечами Айви. — Шпионажа опасаются.

— То есть лекарство, помогающее практически от всех известных болезней — что-то

вроде секретного оружия, которым не надо делиться со всем остальным миром? Интересно, интересно... Но суть не в этом. Когда Милфорда спросили, как ему удалось найти формулы для всех этих чудодейственных препаратов, он сказал, что их ему открыли высшие существа, говорящие с людьми через Священный Сосуд. Тут же поднялась шумиха, и Ансхейма буквально силой заставили основать церковь. Люди смотрели на него как на провозвестника воли милосердных богов. А он как-то подозрительно быстро согласился.

— А откуда ты всё это знаешь? — поинтересовался Пауль.

— У меня мама была прихожанкой Церкви, — пробормотал Адам и отвернулся.

Айви насторожилась. Что-то было недосказано, она это чувствовала. А всё, что было связано с Церковью, тревожило ее до холодка по позвоночнику.

Были на то причины. И историю основания Церкви она, конечно, прекрасно знала. Еще и не в таких подробностях. Но не призналась бы в этом даже под пытками.

***

Как и предполагал Пауль, операция прошла без особых затруднений. Без четверти девять бывший лучевик провел сообщников на территорию лечебницы через неприметную дверцу в стене гаража, снаружи замаскированную ящиками и листами ржавого железа.

— Сидите тут, — он кивнул на большие металлические ворота. — Когда я вызову, просто выходите наружу — ворота не заперты. Справа будет здание без окон, обойдете его — за ним корпус лечебницы. Я вам из окна сигнал подам. Предположительно, с третьего этажа.

Айви кивнула. Она была сосредоточена и серьезна, а вот сопляк Адам немного раздражал Пауля своими ухмылочками и неуместными комментариями. «Как будто в войну играть собрался», — Пауль недовольно покосился на возбужденного парня, но ничего не сказал. Он надеялся, что у того в последний момент хотя бы не сдадут нервы, и не хотел на него давить. Пусть уж настраивается как может.

Проверив снаряжение — веревка, пара «сон-пакетов» — упакованных в пленку кусков марли, пропитанных усыпляющим составом (их применяли для обезвреживания буйных зараженных, если не хотели ранить или умертвить их на месте) и на всякий случай нож (Пауль очень надеялся, что он не понадобится). Остальное оружие он оставил Айви — оно только мешало бы.

Дальше всё было просто — войти в здание как обычно, кивнув дежурному за стойкой, свернуть в коридор с обеззараживающими камерами; подождать, пока коридор опустеет, и перебежать к кабинету дежурного врача; обезвредить того «сон-пакетом», раздеть и переодеться в его униформу; подняться на пустынный третий этаж — столовая для пациентов находилась на втором. Палата триста семь, бумажка на двери: «Мориан Стетс, 10 лет». Отлично.

Пауль уселся на койку, достал «треск» и вызвал Айви.

— Я на месте, готовьтесь. Через пару минут.

— Поняла.

Четко, твердо. Да, на Святую можно было положиться... В отличие от сопляка-огневика. Пауль снова почувствовал глухое раздражение по отношению к Адаму. Что-то с этим мальчишкой не так... Чутье еще никогда не подводило Пауля. Надо быть настороже...

В коридоре послышались легкие шаги. Пауль быстро спрятал «треск» и принял непринужденную позу.

Дверь открылась, в палату вошла Морри, увидела Пауля и в растерянности остановилась.

— Здравствуйте, — сказала она напряженным голосом.

— Привет, — Пауль поднялся с койки и стянул защитную маску. — Я пришел за тобой. Ты не больна, тебе нечего тут делать. Твой папа просил отвести тебя в безопасное место.

— Папа?.. — девочка, стиснув руки перед собой, подалась вперед. Глаза ее заблестели. — Вы его видели? Он жив?

— Сомневаюсь, детка, — мягко сказал Пауль, — ты же сама видела — у него уже шла трансформация. Так что его ты уже не увидишь, прости. Но самой тебе совершенно необязательно умирать. Я отведу тебя в клинику Святых. Знаешь, кто такие Святые?

— Да, — закивала Морри. — Они хорошие, мне папа говорил.

— Вот и пойдем, надо торопиться, — Пауль осторожно взял девочку за руку. — Сама понимаешь — выйти отсюда через дверь нам не дадут. Поэтому мы сейчас вылезем в окно. Но ты не бойся, я умею лазить по стенам. Нас учили, — он усмехнулся.

— В окно? — Морри просияла. — Как интересно! Вы меня похищаете, как... как храбрый рыцарь — принцессу из башни!

— Точно, — улыбнулся Пауль. Все-таки дети — странные существа. Даже в такой жуткой ситуации, когда кругом смерть, они все равно вспоминают какие-то глупые сказочки со счастливым концом. Что ж, пожалуй, пока так происходит, у мира есть надежда выкарабкаться...

Заблокировав дверь в палату стулом, Пауль подтащил койку к окну, привязал веревку к ее перекладине и закрепил второй конец на поясе. Посадив девочку на спину и как следует примотав к себе ремнями, Пауль достал «треск»:

— Внимание! Спускаемся.

Осторожно открыв окно, он залез на подоконник и натянул веревку. Койка перевернулась на бок и уперлась перекладиной в стены по бокам оконного проема.

— Отлично. Полетели, — сказал Пауль и начал спускаться, «переступая» по стене ногами, обутыми в форменные ботинки лучевиков со специальными «скалолазными» подошвами. Девочка за спиной тихо пискнула.

— Тише, — шепнул Пауль. Морри замолчала и только время от времени тихо вздыхала.

В окне на первом этаже мелькнуло чье-то лицо. Пауль неслышно чертыхнулся и, когда ноги коснулись земли, не теряя времени, обрезал веревку ножом.

— Быстрее! Нас заметили! — прошипел он двум серым теням, возникшим справа и слева. — Назад!

В окнах лечебницы замелькали свет и тени, зазвучали возбужденные голоса, но похитители уже выбирались через неприметную дверцу в узкий переулок, загроможденный остовами автомобилей, ящиками и распотрошенными мешками с мусором. Пауль первым нырнул в одну из подворотен, затем в оскаленный щепками вырванной двери зев подъезда.

— Слезай, принцесса, — сказал он, переводя дыхание и распуская удерживающие девочку ремни.

— Ух, здорово было! — засмеялась Морри. — Вы настоящий супергерой!

— Вот спасибо, — хмыкнул Пауль. — Насколько я помню из комиксов, у супергероев жизнь-то не сладкая!

— А у вас будет сладкая! — убежденно сказала девочка. — Вот увидите!

Бывший лучевик ласково потрепал девочку по макушке и вдруг, смутившись, резко

отвернулся и склонился над большим свертком, лежащим в углу под развороченными почтовыми ящиками.

— Тут одежда и маска для тебя, — отрывисто проговорил он. — Переоденешься, а потом... Тётя Айви отведет тебя к Святым.

— Сам ты «тётя»! — возмутилась Айви. — Не слушай его, девочка. Просто «Айви»! И поторопись. После десяти к нам сложнее пройти, ворота запирают.

Она помогла девочке переодеться в неприметную городскую одежду и закрепить на лице защитную маску, скороговоркой выпалила «Завтра дежурю, в четверть десятого у некрополя» и быстро ушла, таща Морри за руку. У выхода из подъезда девочка обернулась и помахала Паулю рукой. Тот кивнул и помахал в ответ.

— О, какая трогательная сцена! — кривляясь, простонал Адам. — Просто слёзы из глаз! Принцесса и ры... — тут он осекся, и шутовская речь сменилась на жалобное подвывание, потому что Пауль, молниеносно оказавшись рядом, схватил его за предплечье и вывернул руку так, что парень упал на колени и изогнулся, тщетно пытаясь уменьшить боль.

— Заткнись, — спокойно сказал бывший лучевик. — Сейчас и впредь. Понял?

— А-а-ы-ы... По-онял... Пусти-и... — провыл парень, наклоняясь еще ниже.

— Отлично, — Пауль выпустил руку Адама и начал спускаться по лестнице к выходу.

— погоди! Прости!.. Я больше не буду! Ты куда, эй?.. А я? Можно с тобой? — сопляк прыгал вокруг Пауля, как глупый пес-подросток, который нашкодил и искренне не понимает, за что хозяин так суров с ним. Пауль покосился на него со смесью брезгливой жалости и сочувствия. Такой дурачок точно пропадет в одиночку. Не бросишь ведь его... Придется терпеть.

— Куда-куда. Домой, куда же еще, — наконец ответил он. — И ты со мной. Куда тебя девать... Но лучше помалкивай. Ты меня каждой фразой бесишь.

— Понял, — потерянно пробормотал Адам и, чуть отстав, поплелся следом.

«И вот с таким человеком я должен буду спускаться в Катакомбы... — думал Пауль с раздражением. — Хорошо хоть, Айви с нами пойдет. Может, не даст мне придушить это недоразумение голыми руками...».

Чем его так настойчиво бесил этот жизнерадостный недоумок, Пауль так и не мог сам себе внятно объяснить.

***

В пустой и грязной холостяцкой квартире Пауля было холодно, пахло плесенью и ржавчиной — хозяин появлялся здесь редко и не удосужился установить печь. Но водонагреватель имелся и исправно работал, и Адам, не обращая внимания на явно недовольные взгляды Пауля, как следует вымылся и отогрелся под душем.

Настроение у Адама было приподнятое. Вылазка в лагерь Луча почему-то окончательно убедила его в том, что они трое — отличная команда, нашли друг друга неспроста, и поход на базу Факельщиков через Катакомбы тоже непременно увенчается успехом. Нет, он не ожидал, что всё пройдет так же легко, как сегодняшнее «похищение принцессы», но внутренне уверился в том, что это как минимум выполнимо.

Единственнымстораживающим фактором была странная враждебность к нему со стороны Пауля. Если поначалу тот вел себя по отношению к Адаму как старший товарищ, чуть ли не брат, то начиная с сегодняшнего утра, казалось, с трудом выносил его присутствие. Адам, который успел привязаться к бывшему лучевiku — по правде говоря, он

всегда мечтал иметь старшего брата — был искренне расстроен, поняв, что в отношении старшего напарника к младшему произошла такая неутешительная перемена. Наверно, это из-за того, рассуждал про себя парень, что он накануне вечером наговорил о себе много лишнего: ударился в воспоминания о детстве, о том, как они с мамой, которая была старше сына всего на семнадцать лет и потому еще не забыла, каково это — быть ребенком, дурачились вместе: к примеру, задрапировавшись в старые простыни, устраивали «прогулки привидений», вызывая среди соседей переполох и возмущенные крики. Теперь Пауль считает его несерьезным и глупым человеком, подумал Адам и тяжело вздохнул. Ну почему он такой болтливый... Мог бы держать язык за зубами, молчать с серьезным видом — глядишь, и сошел бы за умного... Ну, да что теперь жалеть. Что сделано, то сделано. Адам, продолжая сокрушенно вздыхать, улегся на матрас в углу и закутался в драное одеяло.

— Ну что ты пыхтишь как старая бабка! — неожиданно взвился притихший на своем диване Пауль. — Говори, если есть что сказать, а не надувайся, как пароварка!

— Да я ничего, я так, — испуганно забормотал Адам.

— Так, не так, а не так, так разэтак, — пробурчал под нос Пауль и неожиданно спросил: — Чаю хочешь?

— Ага, — обрадовался Адам, выпутываясь из одеяла, — если честно, замерз. Чаю неплохо бы горячего...

— Сейчас будет, — хозяин зажег спиртовую горелку и поставил на нее кастрюльку с питьевой водой. — А то ты из душа вышел вроде нормального цвета, а сейчас гляжу — посинел...

— Холодно у тебя тут, — робко заметил Адам. — А чего печку не поставил?

— Ни к чему, — буркнул Пауль. — Я здесь ночую редко. В основном в казармах. Да и вообще... — он замаялся и уставился на синий огонек спиртовки.

— Что — вообще? — Адам почувствовал, что Пауль что-то недоговорил, и теперь это недоговоренное царапает его изнутри, пытаясь проковырять себе путь наружу, к ушам нежданного заинтересованного слушателя.

— У меня... одна знакомая из-за такой печки умерла, — через силу выдавил Пауль и снова замолчал.

— Пожар? — испугался Адам. — Ой, прости, мне жаль...

— Нет, не пожар, — Пауль прикрутил горелку, пламя еще сильнее посинело. — Угарный газ. Отравилась. Вместе со всей семьей. Отец, мать и... три девчонки.

«Так вот оно что», — мелькнуло в голове у Адама. Теперь ему стало нестерпимо стыдно за свое паясничанье там, в подъезде заброшенного дома неподалеку от лечебницы Луча. Парень уставился в пол, отчаянно желая провалиться сквозь землю.

— Да, — Пауль с усмешкой покосился на гостя, — младшая как раз вот такая была. Ты всё правильно понял.

— Извини, — пробормотал Адам. — Да уж, понял теперь. Прости, брат.

— Ладно, хватит об этом, — Пауль поднялся и достал из шкафчика с висящей на одной петле дверцей две кружки и жестяную банку с заваркой. — Пьем чай — спим — завтра на свежую голову начнем прорабатывать план.

— Слушаюсь, — невольно вырвалось у Адама.

***

Паулю приснилась Мэгги. Он давно не вспоминал о ней, о ее смешливых сестренках,

полноватой добродушной матери и сухоньком, постоянно кашляющем, но бойком отце. Он сумел задвинуть подальше, поглубже воспоминания и чувства, которые делали его слабым. Всегда делали, как бы он ни старался. Всегда заставляли смотреть на мир не под тем углом. А это в нынешней ситуации было чертовски опасно.

Мэгги была старше него на два года. Познакомились они в аптеке, где девушка работала провизором. Это был первый год службы Пауля в патруле Луча. Во время самой первой своей облавы на Факельщиков он получил серьезный ожог предплечья и плеча. На базе ему перевязали руку и выдали пару обезболивающих пилюль, но Пауль, гордый и глупый новичок, высокомерно решил, что обойдется и без «дурмана», и выбросил таблетки в унитаз. В результате, промучившись до трех часов ночи от невыносимой боли, которая не то что уснуть — спокойно усидеть на месте не давала, он выполз на улицу и отправился в единственную в городе круглосуточную аптеку.

Добравшись туда через три четверти часа, от боли и усталости он уже не отличал света от темноты. И, конечно, сначала не разглядел девушку, которая, увидев в окошке для ночной торговли его серое лицо с черными провалами вокруг глаз и с искусанными до крови губами, в нарушение всех служебных инструкций и правил безопасности, выругавшись, отодвинула тяжелый засов и буквально втащила уже нетвердо стоящего на ногах лучевика в полутемное помещение аптеки.

Она сменила ему повязку, чертыхаясь и кляня на чем свет стоит «рукозадых костоправов» из лучевского лазарета. Ловко поставила обезболивающее внутривенно. Снабдила таблетками на следующие ночи, предупредила: «Больше двух не пей — одуреешь». Она была сильной, но нежной. Грубой, но ласковой. Она была ангелом-хранителем обезумевшего умирающего города. Ангелом с крепкими руками и обветренным лицом, с грубоватым голосом и богатым бранным лексиконом. Она оказалась причиной и поводом жить — и надеяться на то, что жизнь будет долгой.

Она познакомила Пауля со своими родителями и сестренками, и у нелюдимого лучевика вдруг появилась семья. Его там любили, над ним подшучивали, у него просили совета и с удовольствием надоедали своими советами сами. А Мэгги смотрела на него и на своих родных с одинаковыми любовью и теплом.

А потом ее не стало. Их всех в одночасье не стало.

И не стало того Пауля, который умел улыбаться, умел делать глупости и добродушно иронизировать над глупостями других. Того, который умел впускать людей в свой мир, слушать их и говорить с ними. Пауль, который умел жить, умер.

А почему не умер тот Пауль, который и после этого продолжал есть, спать и ходить на службу, ему и самому было непонятно.

С тех пор прошло три года. Первые пару месяцев из них он помнил, мягко говоря, нечетко. Но в какой-то момент мутная пленка, застилающая зрение, словно бы лопнула, и мир вернулся на свое место, только еще более грязный, тусклый и отвратительно живучий, чем раньше.

Пауль научился контролировать выражение лица, интонации и даже мысли. Ни единая душа не знала о том, что с ним произошло. И не должны были знать. Никто не должен был знать о том, что у него есть слабости.

Он даже сны научился контролировать. Хотя всем известно, что это невозможно.

Он просто решил, что отныне станет роботом, механическим приспособлением для очистки улиц. Будет думать только о поставленной задаче и о том, как выжить, чтобы

выполнить эту задачу. И на этом сосредоточился: есть и спать надо для того, чтобы было достаточно сил; тренироваться — чтобы повысить шансы выживания в схватке; вступать в коммуникации только по вопросам несения службы.

Так было до того дня, когда он: первое — увидел Морри; второе — вспомнил о девушке-Святой, которая чем-то неуловимо напомнила ему... И третье — познакомился с этим чёртовым недоумком Адамом.

С живым, веселым, невыносимо глупым и наивным парнишкой Адамом, который, забери его Незримые, своим поведением до невозможности напоминал среднюю сестру Мэгги — Софи...

«Откуда вы взяли на мою голову?!».

С этой мыслью проснувшийся с колотящимся сердцем Пауль долго лежал не шевелясь в отсыревшем за ночь спальном мешке. Сквозь пыльные шторы пробивались лучи весеннего солнца. Адам ровно сопел на своем матрасе. Жизнь обещала начаться заново. И неважно, что в комплекте к новому смыслу шла и практически стопроцентная гарантия скорой смерти. Пауль чувствовал — он устал жить за пыльным стеклом. Пора выбираться под свежий апрельский ветер.

***

Айви с нетерпением ждала окончания смены. Стрелки часов ползли к заветным цифрам медленно, разжигая внутри нетерпение и досаду, как в детстве, когда она ожидала окончания последнего урока, после которого за ней должна была заехать мама, чтобы взять к себе на работу. Почему-то первые четыре урока пролетали быстро, а последний — пятый — тянулся и тянулся, и никак не хотел заканчиваться...

Часы на башне ратуши пробили девять. Айви обменялась кивками со сменщиком и быстрым шагом направилась к воротам, но вдруг остановилась как вкопанная: ей наперерез к зданию казарм шел ее отряд. Ее *бывший* отряд.

Жук, увидев ее, тоже остановился, что-то коротко приказав остальным, отделился от группы и подошел к ней.

— Привет.

— Привет, — буркнула Айви, глядя в землю и мысленно посылая Жука как можно дальше.

— Тебя там искали, — бывший напарник мотнул головой в сторону здания монастыря. — Вчера за тобой даже на квартиру посылали. Не нашли.

— Кто искал? Зачем? — насторожилась Айви. Ну вот, как же это всё не вовремя...

— Учитель, — Жук как-то просительно заглянул Айви в глаза. — Сказал: «Передай ей, что нам надо с ней поговорить».

— Так и сказал? «Нам»? — Айви похолодела.

— Ну да, так и сказал, а что?

— Ничего. Спасибо за информацию. Ладно, бывай, я тороплюсь, — Айви хотела было обойти Жука, но он неожиданно крепко ухватил ее за локоть.

— Учитель приказал, чтобы ты зашла сразу же, как получишь распоряжение, — извиняющимся тоном сказал он.

— Да... Я поняла, — Айви с трудом удержалась, чтобы не вырвать руку, да еще и не треснуть как следует по уцепившейся за нее конечности. — Пусти, Жук. Я тороплюсь, правда.

Жук со вздохом выпустил ее руку. Айви с облегчением устремилась к воротам.

— А может, тебя решили к нам вернуть, — негромко произнес ей вслед бывший напарник.

Айви остановилась, будто налетев на невидимую стену. Медленно обернулась.

— Я больше не хочу быть командиром, — сказала она. — Из тебя получился отличный вожак. Я ведь узнавала, как у вас дела. Вам без меня намного лучше. Так что — передавай нашим приветы. И пожелания удачи, — она отвернулась, сглатывая неожиданно вставший в горле комок. В это мгновение она почему-то отчетливо поняла, что видит Жука в последний раз.

— Эй, эй! Ты как будто прощаешься, — Жук встревоженно шагнул за ней.

— Арман, — негромко сказала Айви, не оборачиваясь. Жук застыл — за все время совместной службы она ни разу не обратилась к нему по имени, и парень наверняка был уверен, что она его и не помнит. — Ты отлично справляешься. А у меня всё хорошо... на нынешнем месте. Это всё, что тебе нужно знать. А теперь отпусти меня.

— Ну как скажешь... Анна, — Жук шагнул назад. Айви бросилась к воротам, спиной и затылком ощущая его взгляд.

Двое заговорщиков уже ждали ее возле калитки некрополя. Айви немного задержалась у входа в монастырский двор — осмотрелась, не привлекли ли они к себе нежелательного внимания. Вроде бы всё было как обычно: у стен и ограды монастырского здания сидели и стояли изможденные, усталые люди в потрепанной одежде, тихо переговаривались, что-то жевали, передавали друг другу фляжки и бутылки. Здесь не было подозрительных взглядов, враждебности, жадности. Выжившие делились последним, ночевали здесь же, на ступенях монастырского здания, сбившись в тесные кучки и греясь теплом собственных тел. И не боялись заразиться: они знали, что Святые пускают сюда только проверенных, «чистых» людей. Они доверяли Святым. Доверяли намного больше, чем богам, которым молились в здешнем соборе.

Подойдя, Айви кивком поздоровалась с новыми напарниками. Пауль молча кивнул в ответ, а Адам сказал: «Привет!» и шмыгнул носом.

Айви присмотрелась к нему повнимательнее.

— Эй, ты что, простыл? Что это у тебя с носом? И глаза покраснели...

— У него дома, — Адам ткнул пальцем в сторону Пауля, — жуткая холодина. Он, видите ли, не доверяет печкам...

— Ну, это я могу понять — есть причины, — кивнула Айви. — Сколько пожаров было, отравлений... — при последнем слове Адам почему-то испуганно покосился на Пауля, но в лице того не дрогнул ни один мускул. — А все-таки непорядок. На кой чёрт мне в отряде больные! Сегодня ночуешь у меня. — Этими двумя фразами она окончательно поставила точку в вопросе — кто же является командиром в их группе, а заодно дала понять, что готова начать доверять новым напарникам чуть больше. — Ты тоже можешь пойти ко мне, если хочешь, — обратилась она к Паулю. — Хоть и на полу ночевать, но все-таки в тепле.

— Нет, спасибо, — улыбнулся тот, — я привык к своей квартире, мне там комфортно.

— Ну как хочешь. А как насчет того, чтобы пойти и поговорить где-нибудь в спокойном месте?

— А вот поговорить можно у меня, — сказал Пауль, — не окоченеете за пару часов, — он оттолкнулся от ограды, возле которой стоял, расслабленно привалившись плечом к железным прутьям, и выпрямился. — У меня уже несколько списков снаряжения заготовлено. Пойдемте, а то тут нас уже запомнят скоро.

— Пойдем, — согласилась Айви.

— Тут недалеко, — Пауль пошел вперед, лавируя между завсегдаемыми монастырского «убежища», — минут десять ходьбы.

— Я тоже тут рядышком обитаю, — пробормотала Айви.

Дом Пауля оказался «братом-близнецом» того, в котором жила Айви — величественным трехэтажным зданием старой постройки, за прошедшие годы обветшавшим и окончательно утратившим былой лоск. Квартира его на первом этаже оказалась двухкомнатной, с крошечной отдельной кухней, зато с совершенно циклопических размеров ванной комнатой.

— Да ты, похоже, наследничек богатой семьи, — подколола хозяйина Айви, разглядывая лепнину на потолке и высокие, закругленные поверху окна с частым переплетом.

— Ага, как же, — ухмыльнулся Пауль, — наследник старого клоповника с заоблачной квартплатой и вечно текущими трубами. Это квартира бабки по отцу. А отца своего я ни разу в жизни не видел.

— Может, оно и к лучшему, — произнесла Айви еле слышно, но заметила, как Адам наострил уши. Этот парень чересчур любопытен... Неудивительно, что Пауль от него бесится. Надо быть с ним поосторожнее.

— Так, — хозяин квартиры, не тратя времени на попытки изображать гостеприимство, взял со стола тетрадку и уселся на столешницу. — Садитесь куда хотите и слушайте.

Айви уселась напротив на диван. Адам, опасливо покосившись на нее, робко пристроился рядом, стараясь отодвинуться как можно дальше. Чувствует, паршивец...

— Оружие, еда, вода, медикаменты, — начал Пауль. — Кислород не берем — если его взять, то не утащим ничего, кроме баллонов. По припасам основной вопрос такой: на сколько дней нам рассчитывать? Долго туда идти? — он посмотрел на Адама.

— А я-то откуда знаю? — встрепенулся тот.

— Как это — откуда? — Пауль чуть не поперхнулся. — Это ведь ты говорил, что знаешь проход!

— Я сказал, что знаю, что проход есть, — уточнил Адам. — Я надеялся, что у Святых... У Айви есть карта подземелий.

— Прекр-расно, — с чувством сказала Айви. — У меня всё.

Пауль посмотрел на Адама, как на редкое, но очень гадкое и ядовитое насекомое.

— Ты придурок, — сказал он спокойно и даже с усмешкой.

— А что вы от меня хотели-то? — взорвался тот. — Я вам сразу сказал — я дорогу не знаю! Говорил же? Говорил? — он впился взглядом в лицо Айви. Пришлось кивнуть — и в самом деле, мелкий авантюрист не скрывал, что понятия не имеет ни куда идти, ни что их там ожидает. Один голый энтузиазм и желание немедленно облагодетельствовать человечество. Вот таких в первую очередь и хоронят в общих могилах и запаянных металлических гробах...

«И нас с ним вместе...».

— Адам прав, — сказала Айви. — В смысле — не прав он, конечно... Но и в самом деле сразу говорил, что в поисках пути не помощник. Это я беру на себя. Насколько уж смогу... Давайте-ка сразу определимся, ребята, — она встала и отошла на пару шагов, чтобы видеть лица обоих напарников, — мы все тут — люди много в жизни повидавшие. Мы принимаем риск осознанно — и больше к этому разговору не возвращаемся. Идет?

— Идет, — с готовностью закивал Адам, и Айви едва сдержала улыбку. Точно, щеночек, которому показали поводок, означающий, что скоро с ним пойдут гулять.

— Идет, — Пауль тоже ни секунды не колебался.

— Отлично, — Айви уселась на место. — А теперь давайте вернемся к списку. По срокам — я думаю, надо рассчитывать минимум дней на десять.

— Это ж сколько надо с собой воды тащить! — охнул Адам.

— А как экспедиции ходили туда на месяц и более? — Айви насмешливо прищурилась. — Есть у них такие штучки — конденсеры. Они влагу из воздуха добывают. А в Катакомбах воздух вла-ажный! В общем, с водой проблем не будет.

— Дистиллированная?.. — начал Адам, но Пауль перебил его:

— Не слышал про солевые таблетки?

— А, да. Дурак я.

— Есть немного... Так, дальше. С едой проще. Концентратов наберем, они легкие. Снаряжение. Скалолазное, взрывчатка? Что там может понадобиться?

— Скалолазное — однозначно, — задумчиво проговорила Айви. — Взрывчатка — нет. В тоннелях что-то взорвать — значит обрушить свод себе на голову. И контузию получить.

— Верно. Тогда просто оружие. Каждый сам себе подберет?

— А где нам его взять-то? — удивился Адам. — Я, например, всё оружие потерял, когда меня ранили.

— Вот это жаль, — заметила Айви. — Огнеметы там оченьгодились бы.

— А как там с кислородом, кстати? — заинтересовался Пауль.

— Нормально. Там же целые подземные города, миллионы людей жили. Вентиляция до сих пор отлично работает. Строители были не дураки. Кстати, Адам, а почему ты не можешь просто заявиться на свою базу и сказать: я тут немного потерялся, но я жив, цел, здоров, не дезертировал... И оружия прихватить?

— У нас так не выйдет, — Адам покачал головой. — Если ты не вернулся вместе с группой — считается, что ты заражен. Сразу в расход пустят.

— Даже анализатором не проверят?..

— Нет, я же сказал...

— Психи какие-то, — Айви передернуло.

— Именно так, — горько сказал Адам и замолчал.

— Ладно, закрыли тему. Ты, Пауль, тоже оружие достать не можешь...

— Я запасся заранее, — бывший лучевик улыбнулся одним уголком губ.

— Отлично! Ну, и я еще могу что-то стащить. С меня медикаменты, конденсеры и концентраты из арсенала ученых. И, кстати, может, на складе найдутся и трофейные огнеметы...

— Какой расчетный вес на одного считаешь допустимым?

— Килограммов по десять-пятнадцать, смотрите сами. Там во многих местах надо пролезать через узкие ходы, перепрыгивать трещины и все в таком роде. Я больше двенадцати не возьму.

— Понял, — Пауль сделал пометку в тетради. — Ну что, думаю, по снаряжению и припасам пока всё. А как насчет карт? — он вопросительно глянул на Айви.

— Карта будет, — медленно проговорила она, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

«— Что ты там делала?

Ничего. Просто... тебя искала.

— Не ври мне! Не смей врать! Что ты делала в моем кабинете?

— Не врать тебе?! Да кто ты такой... Ты врешь мне уже десять лет! И твоё вранье намного хуже моего!

— Так все-таки... Ты влезла в сейф?.. Стой!.. А ну стой! Анна! Стой, я сказал! Ты еще пожалеешь!

— Я жалею только о том, что я твоя дочь... П-папочка».

— Айви! — сквозь багровый туман в голове пробился обеспокоенный мальчишеский голос. — Ты чего? Ты слышишь?

Айви вздрогнула и инстинктивно рванула руку, в которую вцепился сопляк-огневик.

— Не тронь меня! — губы непроизвольно сжались в линию, с шипением выталкивая слова. — Не прикасайся! Никогда! Ясно?

— П-прости, — Адам, опешив, отдернул руку и буквально отпрыгнул назад. — Прости. Я не знал...

— Да ничего, — пробормотала Айви, опуская взгляд, — просто не трогай меня, и всё. У меня... В общем, не надо этого делать.

— Да понял я, понял, — Адам развел руками. — А если вытащить тебя откуда-то понадобится? Или, если стреляют, с траектории выстрела отбросить?

— Это другое дело, — Айви заставила себя улыбнуться непослушными губами. — Тогда, если я на тебя за это заорю, можешь еще раз коснуться меня — дать в морду. Договорились?

— Ага, — с облегчением закивал паренек. — Так я спрашивал — пойдём к тебе? А ты не откликнулась. Как будто в транс какой-то впала. Мы напугались... — он покосился на Пауля, словно ища поддержки.

— Правда, — кивнул тот, — ты побледнела и секунд десять ни на что не реагировала. Ты случайно не?..

— Анализатор, — устало выдохнула Айви и не глядя протянула руку.

— Извини, — пробормотал Пауль. — Сейчас, — он достал из рюкзака анализатор и сам приложил его к запястью Айви. Укол... Неприятно. Ждать две минуты. Она-то была спокойна — вируса не обнаружится. А вот напарники эти две минуты заметно нервничали. Особенно, как ни странно, хозяин квартиры. Он прекрасно умел держать эмоции под контролем: Айви раньше не встречала людей, на лице у которых отражалось так мало из того, что творилось внутри. Но ей вместе со сверхчувствительным обонянием досталась еще и почти сверхъестественная способность определять эмоциональное состояние собеседника — как бы старательно он ни маскировался. И вот сейчас она отчетливо видела, что бывший лучевик серьезно на взводе.

Истекли две минуты, прибор тихо пискнул. Пауль первым глянул на экран — и не выдержал, улыбнулся во весь рот. Но тут же спохватился, отвернулся, пряча прибор на место. Айви сделала вид, что у нее устали глаза, и прикрыла лицо ладонями.

— Ну всё, успокоились, — бодро сказала она. — Это просто тяжелое наследие моего прошлого, долбанувшее по нервам, и не более того. А теперь пойдём, время позднее! — она поднялась с дивана и махнула Адаму. Тот с готовностью вскочил.

— Когда и где встречаемся? — спросил Пауль.

— Мне нужна пара дней, чтобы раздобыть всё по списку, — Айви задумалась. — Сегодня понедельник. Давайте встретимся здесь в четверг с утра. А там уже назначим день выхода.

— Так можно уже в пятницу выйти... Одиннадцатого, — предложил Адам.

— Нет! — выкрикнула Айви.

Напарники изумленно воззрились на нее.

— К пятнице не успеем подготовиться, — торопливо пояснила Айви. — У меня... Еще есть кое-какие дела.

— Ну ладно, — осторожно сказал Пауль. — Как скажешь.

— В четверг встретимся и договоримся, там виднее будет, — Айви демонстративно зевнула. — Пойдем уже, рядовой!

— Пойдем, пойдём, — Адам последовал за ней к выходу.

В квартире Айви было намного теплее и суше, чем у Пауля, хотя печь не топилась со вчерашнего вечера. Указав Адаму на продавленное кресло в углу, Айви быстро разожгла огонь и поставила на плиту чайник. Зашла в ванную, проверила водонагреватель — полон, вода уже вскипела и остыла до нужной температуры.

— Я иду мыться, воды тебе оставляю, — порывшись в комод, Айви извлекла одежду, приемлемую для ночевки в присутствии постороннего — мешковатые брюки и тонкий свитер с растянутым воротом. — Вода закипит — завари кофе. Если кофе не пьешь — чай там тоже есть, — она кивком указала на кухонный шкафчик и скрылась в ванной.

Выйдя через четверть часа, Айви с удивлением обнаружила гостя сидящим у стола и читающим одну из ее книг. Первым порывом было рывкнуть «А кто разрешил тебе шариться в моем шкафу?», но она сдержалась и заглянула парню через плечо.

— О-о, — протянула она, — странный выбор для чтения перед сном.

Сопляк читал «Артефакты цивилизации эорда». Причем не бездумно перелистывал страницы, выискивая картинки, а именно читал — внимательно, неторопливо, время от времени сосредоточенно хмурясь и что-то проговаривая одними губами.

— Давно я не видел эту книжку, — улыбаясь, обернулся он к Айви. — Их же вроде бы изъяли из публичного доступа...

— Изъяли, верно, — согласилась Айви, потянувшись, чтобы изъять и этот экземпляр у обнаглевшего щенка. — А тебе кто разрешил хватать чужие вещи?

— Она же на виду стояла! — обиделся Адам. — Да что ж ты такая... Как перезрелый дождевик. Только тронь тебя — и пффф... — он руками изобразил взрыв.

От такого сравнения Айви, не удержавшись, прыснула.

— Это новое слово в оскорблении моего достоинства, — заявила она, усаживаясь на столешницу. — С дождевиком меня еще никто не сравнивал. Плюсики тебе за фантазию. А где ты эту книжку раньше видел?

Адам посерьезнел и бережно закрыл книгу.

— Я же упоминал, что у меня мама была прихожанкой Церкви, — сказал он тихо.

— И что? Какая связь между Церковью и эордианскими артефактами? — нетерпеливо спросила Айви. Ответ был ей, конечно, прекрасно известен... Но она хотела услышать мнение странного парня, выглядевшего как полный придурок, но при этом когда-то — похоже, чуть ли не в детстве — читавшего один из ведущих, ныне засекреченных трудов об исследованиях цивилизации эорда.

— Я думаю, ты не хуже меня это знаешь, — так же тихо отозвался Адам. — Я еще и про Милфорда рассказывал. Думаю, ты соврала, что не слышала об основании Церкви.

— Думает он! — возмутилась Айви. — Ну да, знаю я эту историю. И что с того?

— Ты мне вот что скажи, — Адам поднял на нее взгляд, и Айви невольно поежилась: такой строгостью, такой усталой взрослостью веяло сейчас от облика парнишки, так не похож он был на себя такого, к которому она успела привыкнуть. — Почему все-таки ты согласилась идти со мной? Ты лучше нас всех знаешь, что эта затея — однозначно самоубийство. Причем далеко не быстрый и не безболезненный способ свести счеты с жизнью. И в искренность желания помочь несчастным жителям Ветошей я, уж извини, в твоём случае не верю ни капельки. Так зачем?..

Айви слезла со стола и отошла на пару шагов. Обхватила себя руками, медленно вдохнула и выдохнула, собираясь с мыслями.

Признаться или промолчать? И если признаться, то во всём ли? *До конца?*

— Я давно мечтала туда залезть, — наконец сказала она. Сложно, ох как сложно говорить об этом вслух — с кем-то, кроме себя самой. Наверно, все-таки не получится честно рассказать всё. Не сейчас.

— Зачем? — простой констатацией факта Адам, ясное дело, не удовлетворился.

— Да какая тебе разница? Любопытная я, — сделала Айви последнюю попытку отвязаться от допроса.

— Я собираюсь полезть в чертов ад с двумя незнакомыми людьми, — жестко сказал Адам. — Я хочу быть уверен, что вам можно доверять. Что вы не чокнутые самоубийцы. Что у вас есть хоть какие-то рациональные мотивы для того, чтобы полезть в этот чёртов ад вместе со мной.

— Это надо понимать так, что у тебя такие мотивы имеются? — Айви крутнулась на месте и уставилась на Адама.

— Конечно. И я тебе о них расскажу. Но сейчас — жду объяснений от тебя.

Айви хотела возмутиться — да что он себе позволяет, в конце-то концов! — но осеклась, буквально наколовшись на острый взгляд парня, как конник — на вражеское копьё на полном скаку.

— Моя мама... — начала она и сглотнула. Как же тяжело выталкивать из себя эти слова, застрявшие где-то за грудиной вместе с комком давным-давно заледеневших слёз! — Моя мама была археологом. И она пропала в Катакомбах. Она была в составе одной из двух вернувшихся экспедиций. Но не вернулась...

— Я подозревал что-то в этом роде, — тихо сказал Адам. — Прости, что заставил тебя вспомнить. Но это было необходимо.

— Понимаю, — Айви отошла к окну, коснулась холодного стекла кончиками пальцев.

— Ты читала отчет той экспедиции, да?

— Да... Читала. И даже скопировала, — только бы он не начал задавать вопросы о том, где и как ей удалось это сделать! Рассказать всё до конца у нее не хватит сил. Только не сейчас. Только не *здесь*. Когда за ними закроется створ Шлюза, настанет время для таких тайн. Но не раньше.

Адам, однако, обратил внимание совсем на другое.

— Там была и карта, верно?

— Да. Карта подземелий, известных на тот момент. Понимаешь, что это значит?

— Понимаю. Но нам этого хватит. Я уверен, что ход, который нам нужен, идет не ниже пятого слоя.

— Пятого! Ты хоть понимаешь, какая это глубина?

— Приблизительно, — Адам легкомысленно пожал плечами. — Но я еще и то понимаю, что абсолютно безразлично, на каком уровне ты окажешься. Смерть там везде одинаковая.

— Тут ты прав, — усмехнулась Айви. — А что насчет тебя? Твоя очередь. Твои резоны.

— Мы еще с тобой не разобрались, — поднял палец Адам. — Ты сказала, что у тебя в Катакомбах погибла мать. И что? Зачем тебе повторять ее судьбу? Ты ведь не надеешься найти там ее тело и похоронить? Или вообще найти ее живой? Потому что это я уж точно сочту симптомом... сама понимаешь чего.

— Издеваешься? — Айви обернулась. — Конечно, я не надеюсь найти там... Ничего. Просто... Тут много всякого, Адам, так с ходу и не объяснишь всё сразу... Коротко говоря —

мне всё равно, умру я или выживу. Как-то так. И если уж умирать — пусть это будет... поинтереснее, чем... — она замолчала.

— Понимаю, — неожиданно отозвался Адам. — Вообще-то о себе я хотел сказать примерно то же самое. Причин не дорожить жизнью может быть много. Но в конечном итоге всё сводится к одному — плевать, буду я жить или умру. А если умирать — то как-нибудь небанально. Можно считать это безумием. А можно назвать последней попыткой сохранить человеческий разум.

— А ты интересно рассуждаешь, — Айви снова вернулась к столу и уселась на его край. — Вот сейчас у меня такое ощущение, что ты старше меня лет на десять. Тебе сколько лет вообще?

— Двадцать один.

— А выглядишь еще младше.

— Ростом не вышел, — усмехнулся Адам.

— Поведением, скорее, — съехидничала Айви.

— Но всё дело в опыте. В жизненном, черт его дери, опыте. А у меня его побольше, чем положено в моем возрасте. Ты хоть догадываешься, скольких людей я самолично умертвил? — Адам выделил интонацией слово «людей», и у Айви по позвоночнику прошел холодок. Огневик из отряда зачистки...

— Не надо об этом, — она поежилась и нервно хмыкнула, — мне с тобой еще ночевать в одной комнате.

— Не переживай, маньяком я так и не стал, — невесело усмехнулся Адам. — Но и нормальным после такого остаться... Вряд ли удалось бы, сама понимаешь.

— Так в этом причина... того, что тебе стало наплевать на свою жизнь?

— И в этом, — Адам кивнул и снова открыл книгу. — И в том, что я знаю. И с чем вынужден жить.

— Ты расскажешь? Или... еще рано?

— Расскажу, сколько смогу. Я ведь очень старался всё это забыть. Поводов для того, чтобы свихнуться от страха, и так было предостаточно.

— И что ты такого знаешь?

— Мама с детства состоит... состояла в общине Священного Сосуда. И в последние годы занимала достаточно высокий пост при храме. И, соответственно, имела доступ к кое-каким секретам... — Адам говорил словно через силу, толкая из себя слова, как круглые валуны вверх по склону. — Она... говорила во сне. Ей было страшно, и она... Она хотела уйти. Но ее не отпускали.

— Ты хочешь сказать... — Айви даже не стала продолжать фразу. Она мгновенно поняла, о чем он говорит.

— Церковь — это группировка похуже Факельщиков, — горько сказал Адам. — Только они действуют скрытно, и никто даже не подозревает. По сравнению с ними мои бывшие товарищи по оружию — прямо-таки порядочные люди. Священный Сосуд... Да, ты веришь в Незримых?

— Не знаю, — растерялась Айви. — Я как-то не думала об этом...

— Странно, — Адам покачал головой. — И я тебе не верю. Все думают о боге. Все определяют для себя, есть он или нет — не на самом деле, а конкретно для них.

— Мне и без бога было над чем подумать, — отрезала Айви.

— Ну ладно, дело твоё. Не хочешь — не говори. А я вот знаю... Незримые существуют.

И то, что они передают нам через Сосуд — вовсе не для нашей пользы, как подумал преподобный Милфорд. Вот и всё.

— А что они передают?.. — Айви отчаянно хотелось прекратить этот разговор, но она не могла, просто не могла. Знание, которое она столько лет пыталась изгнать из головы, выкарабкивалось наружу, разрывая мозг острыми ядовитыми когтями.

— Они над нами эксперименты ставят, — просто сказал Адам. — И когда я об этом узнал, я захотел умереть. Не хочу я быть подопытным... А теперь у нас весь город — чьи-то подопытные. И друг у друга, и у Незримых.

— Ребакт?..

Адам печально кивнул.

— И террум, которым младенцев прививают. Все, все люди — их лабораторные крысы...

Айви встала и как в тумане прошла по комнате.

— Так вот почему... — ошеломленно сказала она.

— Что — почему?

— Мама наотрез отказалась ставить мне прививку. И ребакт никогда мне не давала... А отец... Погоди-ка! — она вдруг застыла на месте, странно скрючив руки, словно готовилась вцепиться кому-то в глотку. — Он ведь... Он не заставлял ее! Как это понимать?

— А что — отец? — осторожно спросил Адам.

— Неважно, — Айви расслабилась. — Так, одну загадку я в свое время упустила из виду. Ну что ж, теперь выясню. Хорошо, что ты об этом заговорил, спасибо тебе. Ты мне очень помог. Наверно.

— Ну... Я рад, — сказал явно озадаченный Адам. — А кто твой отец? Он жив?

— Жив, ага, — рассеянно сказала Айви и зевнула. — Давай-ка кофе пить и спать. Устала — сил нет. Дурацкая и скучная служба — караулить вход, а устаешь там почему-то зверски.

— Ладно, — Адам поднялся, почтительно поставил книгу на полку, подошел к кухонному углу и налил себе и ей кофе.

Айви стащила со своей кровати матрас и положила у стены рядом с печью. Достав из шкафа два одеяла, она застелила одним металлическую кроватную сетку, второе бросила на матрас.

— Подушки нет, — сказала она, — как-то не рассчитывала я, что у меня будут гости ночевать.

— У тебя здесь и днем-то никто не бывает, — проникательно заметил Адам.

— Ага, а зачем мне тут посторонние? В монастырском дворе от галдежа и толкучки так устаешь, что в выходные хочется вообще ни видеть и ни слышать ни одного человека.

— А на службе друзья есть?

— А тебе-то что? — возмутилась Айви. — Чего пристал, как на допросе? Решил меня выбесить в моем собственном доме? Так я тебя к Паулю отправлю, дальше отмораживать всё, что можно...

— Всё, молчу, — Адам примирительно поднял руки. — Дождевик...

Айви, не удержавшись, тихонько хихикнула.

Ведь у нее мог бы быть такой младший братишка... Бесящий, но забавный. И она любила бы его, несмотря на его капризы и дурацкие выходки. Ради него она полезла бы и в Катакомбы, и к черту на рога. Но таких людей в ее жизни нет. И уже не будет. И, пожалуй,

это и к лучшему.

Собираясь на смерть, лучше быть уверенным в том, что этим ты никого не подставляешь...

***

— Один огнемёт, — зачитывал Пауль, глядя в тетрадку, — два автомата с запасом патронов — возьмём столько, сколько позволит вес. Ножи и прочее холодное оружие — на ваше усмотрение. Два пистолета...

— У меня свой есть, — вставила Айви. — И патронов достаточно.

— Что еще? — Пауль исподлобья глянул на нее поверх листка.

— Две ампулы ребакта, — Пауль краем глаза заметил, что Адам при этих словах слегка дернулся, — обезболивающие, обычные антибиотики, антисептики, перевязочные...

— А не перебор? — бывший лучевик с сомнением покосился на Айви.

— Лучше «пере», чем «недо», — отрезала она. — Лекарства весят немного. Пусть лучше будет запас.

— Ну, тебе виднее. Конденсеры?

— Пять штук. Производительность — сто миллилитров в час.

— Ого!..

— Самая новая модель. Ну и сухие пайки — запас примерно на двенадцать дней.

— Отлично. Карта?

Айви молча показала сложенный в несколько раз ламинированный лист.

— Фонарики, батарейки, веревки, альпинистское снаряжение, спальные мешки, водоотталкивающая пленка, — продолжил читать Пауль. — Вроде бы всё. За личное снаряжение каждый отвечает сам. Не маленькие.

— Подготовка — как будто мы там на месяц застрять планируем, — хмыкнул Адам.

Айви недовольно глянула на него.

— Ты опять решил начать дурачком прикидываться?..

— Вообще-то я просто хотел сказать, что мы или выберемся оттуда достаточно быстро, или... Всё это нам не понадобится, — буркнул Адам.

— О, мы сегодня пессимисты, — насмешливо протянул Пауль.

— Или наоборот, — возразил Адам. — Мне почему-то кажется, что у нас всё получится.

— Лечиться надо, когда кажется. Сильнодействующими препаратами.

— Ладно, кончайте болтовню, — вмешалась Айви. — Всё собрали, посчитали, взвесили. Никто не передумал? — она оглядела свою «команду». — Отлично. Послезавтра в пять утра возле Шлюза.

— Все-таки — почему не завтра? — вскинулся Адам. — Еще день терять...

— Потому, — отрезала Айви. — Я же сказала — дела у меня. Ладно, я пошла. Ты, если хочешь, оставайся тут, потом придешь ночевать, — она резко поднялась с места и вышла в прихожую. Хлопнула входная дверь, задребезжали стекла в окнах.

— Что это с ней? — озадаченно спросил Пауль.

— А я откуда знаю? — Адам развел руками. — Странная она какая-то... Она мне рассказала, что у нее мать в этих Катакомбах пропала. Может, хочет помолиться или что-то в этом роде?

— Может, — вздохнул Пауль. — А что-нибудь еще она о себе рассказывала?

— Ну, сказала, что училась на археолога в Лонгспринге, что квартира — ее бабушки...

Не очень-то ее расспросишь, по правде говоря. Чаще орет, чем нормально отвечает.

— Мать погибла, квартира бабушки... А отец?

— Про отца говорить не хочет — вообще. И даже не орет, просто замолкает.

— Понятно, — Пауль потер лоб.

— Что тебе понятно?

— А то понятно, что веселая у нее была жизнь, — рассеянно отозвался бывший лучевик. — С одной стороны — может, у нее из-за этого шестеренки заржавели, — он постучал согнутым пальцем по виску. — А с другой... Раз не сдохла — стала железной.

— Вот еще что, — вспомнил Адам. — После прошлого собрания она на следующий день со службы зареванная вернулась.

Пауль изумленно воззрился на парня.

— Айви — зареванная?..

— Ну, похоже было, — Адам неопределенно развел руками, — нос красный, глаза... опухшие. Я, конечно, спрашивать не стал... По лицу было видно: только заикнись — пришибет. А она просто закрылась в ванной и вышла через пятнадцать минут уже в норме.

— Ну мало ли. Все-таки со службы дезертировать решила. Совесть мучает...

— Это вряд ли, — усмехнулся Адам. — Мы еще и по поводу их ордена пару раз беседовали. Не так уж трепетно она к нему относится.

— Да ладно, что толку копать в мозгах отсутствующего человека, — отмахнулся Пауль. — Нам от нее что нужно? Карта, конденсеры, лишний ствол и пара кинжалов. А остальное... Мы тут все трое — психи. Так какой смысл из-за нее одной переживать?

— Дело говоришь, — Адам слабо улыбнулся.

***

Двенадцатого апреля 2008 года в пять часов утра, в пахнувших дымом рассветных сумерках группа из троих человек приблизилась к зданию без окон, с плоской крышей и единственной неприметной дверцей в стене, обращенной на восток. Шестиугольное строение, сложенное из блестящего черного камня, напоминающего обсидиан, располагалось на круглой, обнесенной высоким кованым забором площади примерно в километре от ограды Собора Священного Сосуда. На площади не было ни души: поначалу вход в здание круглосуточно охранялся, но потом власти убедились, что добровольно к нему не согласится приблизиться ни один горожанин, находящийся в здравом уме, и сняли охрану. Теперь в низкую дверцу в восточной стене мог беспрепятственно проникнуть кто угодно... Если он не боялся того, что за ней скрывалось, а таких в Городе, пожалуй, не нашлось бы.

Айви подошла к зданию и коснулась стены ладонью. Словно застывшая темная вода... Лёд, но не обжигающий холодом, а приятно остужающий кожу. Вдруг захотелось лизнуть гладкий блестящий камень. Такой красивый, величественный. Подходящее надгробие...

Айви оглянулась. Ее спутники стояли в нескольких шагах позади и внимательно смотрели на нее. В их глазах она отчетливо прочитала страх. Все верно, все идет как надо. Это место и должно внушать ужас.

Она перевела взгляд выше и невольно поморщилась. Над городом в рассветной дымке плавали две мертвые заводские трубы, их силуэты навязчиво складывались в число 11. Айви помотала головой.

«Никакие это не «одинадцать». Это римская двойка. Не собьете вы меня».

Она махнула рукой своему отряду и пошла вдоль стены ко входу в здание. Адам и Пауль молча двинулись за ней. На трубы они, естественно, не обратили ни малейшего внимания.

И правильно. Этот знак — не для них. Это не их матери одиннадцатого ноября 1993 года были официально признаны погибшими в ходе экспедиции в Покинутый город Эорда.

Потянув на себя тяжелую створку, Айви переступила порог. Темнота внутри здания мгновенно поглотила серый свет апрельского утра.

Теперь вокруг будет только тьма. Это ее владения.

Дверь бесшумно закрылась за спиной.

II. СТУПЕНИ. 2.1

— Адам, ты идешь первым, — скомандовала Айви. — Знаешь, какой длины лестница? — парень помотал головой. — Примерно сто пятьдесят метров, триста ступенек. Будьте готовы, столько спускаться — не поверите, чертовски тяжело. Ступеньки лучше считать. Примерно на сто двадцатой начинается разное... интересное. Перепады давления, температуры, много всякого описывали. Будто у каждого что-то свое было. Готовьтесь, чтобы не сорваться. Ну, вперед.

Адам включил налобный фонарь, размял кисти, перелез через бортик колодца и начал спускаться.

— Не торопись, — негромко сказала ему вслед Айви. — Силы распределяй.

— Кто вторым? — спросил Пауль.

— Я пойду, — Айви подошла вплотную к бортику. — Ты выжди шагов пятнадцать, — она села на край колодца, сквозь ткань комбинезона ощущая чужеродный холод камня.

«Встречайте...».

Руки и ноги заработали слаженно и четко, будто она уже не раз спускалась по этой лестнице. Шаг, перехватить, шаг...

Так и было — Айви тысячу раз спускалась сюда. В полуснах-полумечтах, отдающих сладким очарованием игры со смертью.

Десять, двадцать... Пятьдесят. Семьдесят. Шаг, перехватить, шаг, перехватить... Однообразие движений начинает играть с мозгом злую шутку. Вместо автоматизма возникает какое-то мышечное смятение, рассогласование; тело словно требует у мозга подтверждения правильности каждого движения. Вроде бы семьдесят раз до этого перехват рукой на ступеньку ниже происходил автоматически после перемещения ноги, а теперь рука нерешительно замирает, скользит, норовит сорваться...

Это очень опасно. Надо передохнуть, собраться с мыслями, хотя бы на пару секунд остановиться.

Сверху приближается глухой стук подошв ботинок Пауля по металлическим прутьям.

— Погоди, — выдыхает Айви вверх.

— Что такое? — встревоженно отзывается Пауль. — Помочь?

— Нет, порядок... Просто... Ну, руки-ноги путаются. Отдохнуть надо.

— Понял. У меня тоже начинают. Эй, Адам! Ты там как?

— Порядок! — раздается снизу голос, усиленный эхом. — Ой, нет... Это что еще?..

— Что там у тебя?

— Я как будто в воду опустил! Холодно! Давит!

— Я же говорила — начнутся всякие странности. Теперь ни на что не обращай внимания, просто спускайся, пока лестница не кончится. Там и голоса могут быть, и всякие видения...

— Еще чего не хватало, — бурчит Пауль. По голосу ясно, что он встревожен — но не за себя, а за сопляка, который первым погружается в неведомый кошмар.

— Уже сто восемьдесят ступенек! — голос удаляется, его словно поглощает темнота.

— Держись там! — Айви продолжает спуск. Скоро и она пересечет невидимую границу между миром людей и *эорда*. Интересно, какую встречу приготовили для нее?

Еще тридцать, сорок ступеней... Вот оно.

В воздухе разливается отвратительная вонь. Она поднимается снизу волнами, накатывает, как будто кто-то выпускает клубы вонючего пара из-под крышки котла, в котором кипит ядовитая жидкость, а в ней всплывают, переворачиваясь, куски чьих-то растерзанных тел, обломки костей и ошметки гнилой плоти, обрывки шерсти, помутневшие от жара глазные яблоки...

Айви стиснула зубы и начала медленно и равномерно дышать ртом. Запахи так не ощущались, но подсознание начало играть со вкусовыми рецепторами — казалось, мерзкий запах превратился в не менее тошнотворный вкус, оседающий на языке.

Если ее сейчас стошнит, она неминуемо сорвется. А до дна колодца еще метров тридцать, не меньше...

Закалка, полученная на улицах Города за пять лет, все же спасла. Глубоко дыша, Айви подавила тошноту и продолжила спуск. Ускорив шаг, она почти догнала Адама и вдруг услышала парой метров ниже:

— О-о-о... Отстань! — и короткий вскрик.

Пара ударов по металлическим прутьям. И после жуткой паузы — звук падения. Удар, всплеск, чавканье. И тишина.

— Адам! — Айви изогнулась, чтобы осветить подножие лестницы. Тщетно — луч налобного фонарика обрывался в паре метров, словно утыкаясь в стену из черного камня.

До дна оставалось еще метров пятнадцать, насколько Айви могла судить. Этого вполне достаточно, чтобы разбиться насмерть...

Когда нога не нащупала очередную ступеньку, Айви снова посветила на дно колодца. Адам лежал вниз лицом в бугристой отвратительно поблескивающей жиже и не двигался. Соскочив с лестницы, девушка рухнула на колени рядом с напарником и осторожно повернула его голову на бок.

— Ты жив?

Адам открыл глаза и заморгал, пытаясь рассмотреть что-то сквозь заляпанные грязью стекла защитных очков. Айви сдвинула очки ему на лоб и заглянула в глаза. Радужки почти утонули в черноте зрачков. Парень захрипел, сухо кашлянул и потянулся к горлу.

— Скажи что-нибудь! — потребовала Айви.

За спиной раздалось чавканье грязи — Пауль спрыгнул с лестницы.

— Пор-рядок... — наконец прохрипел Адам, пытаясь перевернуться на спину.

— Болит что-то? — Айви помогла ему, придержала за плечи. Пауль сел в грязь позади и быстро ощупал его спину.

— Вроде нет, — Адам вдруг тяжело задышал и уставился куда-то поверх головы Айви. — Там...

Пауль молниеносно обернулся. Свет фонарика полоснул плотную тьму, но не разрезал — она сомкнулась за ним, как густая каша за лезвием ножа.

— Что там? — Айви тоже обернулась и вгляделась в темноту, но ничего не увидела — совершенно ничего. Окружающий мрак словно поглощал свет фонаря.

— Не видите? — дрожащим голосом спросил Адам. — Там кто-то есть...

Айви поднялась на ноги, достала и включила большой ручной фонарь и повела им по сторонам. Луч высветил покрытые какими-то слизистыми наростами стены круглого зала диаметром шагов в двадцать. Девушка медленно пошла по кругу. В стенах виднелись низкие

полукруглые проемы, она насчитала восемь штук. Всё верно, так и отмечено на картах. Главное — выбрать из этих восьми проходов нужный...

Под ногами чавкала отвратительная жижа, из тоннелей тянуло холодом и сыростью. Ни движения, ни посторонних звуков Айви не отметила. Обойдя зал по кругу и заглянув в каждый из проходов, она вернулась к напарникам.

— Никого. Скорее всего, показалось.

Адам уже поднялся на ноги и пытался счистить грязь с комбинезона. Безуспешно, само собой.

— Показалось, ага, — пробормотал он. — Мне показалось, что на меня кто-то вылез прямо из стены, — добавил он тихо.

— Я же предупреждала — тут начнутся галлюцинации!

— Я был не готов, — огрызнулся Адам. — Не каждый день видишь рожу, пляшущую на тебя прямо из камня!

— Да понимаю я. Ладно, хорошо, что высота была небольшая.

— А вот знаешь, — Адам покосился куда-то вверх, — мне показалось, что меня как будто кто-то поддержал. То есть если бы я просто упал — я бы ребра переломал, наверно.

— Это что-то новенькое... — Айви тоже посмотрела вверх. — Чтобы галлюцинации от падения спасали...

— Ладно, давайте двигать дальше, — Пауль нетерпеливо озирался по сторонам, водя лучом фонаря от проема к проему. — Куда нам идти-то?

— Не торопись, — Айви достала из рюкзака пачку ламинированных листов, скрепленных металлической спиралью, к которой был шнурком привязан водный маркер. — Общее направление я знаю. Если встать спиной к лестнице, то нам во второй проход налево. А дальше... Будем стараться выдерживать направление, как уж сможем. Прошу учесть, — она многозначительно посмотрела на Адама, — что я в первый раз от тебя услышала о том, что из Катакомб имеются еще какие-то выходы, кроме Шлюза.

— Я сам видел, — пробормотал тот.

— Ничего себе — далеко же ты удирал с поста! — хмыкнул Пауль.

— Готовы? Идем, — Айви нетерпеливо передернула плечами, спрятала карту и первой шагнула в темный туннель.

Под ногами чавкала вонючая жижа непонятного происхождения (даже думать не хотелось о том, что же тут годами разлагалось), ноги то и дело оскальзывались на чем-то скрытом в жидкой грязи — то ли на камнях, то ли на чьих-то костях; стены обросли склизким налетом, с потолка капала вода. Но по мере продвижения пол становился все суше и ровнее, и уже минут через пять хлюпанье под ногами прекратилось, стены очистились и приобрели знакомый блеск черного стекла.

— Да, имейте в виду, — заметила Айви, — черный камень здесь только на первом уровне. Вулканическая плита не такая уж толстая. Если спустимся ниже — там такая рыжая порода, она гораздо мягче, в нее в случае чего можно вбивать крюки и прочее. И судя по карте, спускаться нам точно придется. В том направлении, куда нам надо, по тоннелям первого уровня не пройти.

На карту был нанесен участок Катакомб, по площади примерно соответствующий Городу на поверхности, в первом и втором слоях. И ни один из известных коридоров не вел в сторону базы Факельщиков.

Когда в тоннеле стало совсем сухо, Айви, шедшая первой, остановилась, шагнула в

сторону и привалилась спиной к стене. Выключив свой фонарь, она знаком показала Паулю — «Посвети!» — и снова достала карту.

— Так, примерно полкилометра мы уже прошли. Сейчас начнутся разветвления. Адам, доставай краску, будешь отмечать повороты. Начнем с белой, раз уж тут стены черные. Сейчас нам нужен первый поворот направо, потом третий налево. За ним будет спуск вниз, — она начертила маркером линию на карте. — И вот там, внизу, могут начаться сюрпризы. Судя по тому, что я прочитала в отчете... Верить описаниям второго слоя можно уже с большой натяжкой.

Напарники смотрели на нее непонимающими взглядами.

— Там, внизу, — продолжила Айви, — галлюциногенные газы, излучения, испарения. Незримые знают что — в таких концентрациях, что люди сами не понимали, что им померещилось, а что они видели на самом деле. Вот как ты, Адам, на лестнице.

— За-ме-чательно... — выдохнул Пауль. — То есть у нас есть карты и описания, но это на самом деле не карты и описания, а плод чьих-то галлюцинаций?

— Других все равно нет, — отрезала Айви. — Да и не так всё страшно. Участники экспедиции вносили в отчет только то, что видели и воспринимали одинаково как минимум три человека. А это уже какая-никакая гарантия реальности. Видения у каждого свои, они не повторялись. Сколько их там описано... И каких... — девушка невольно поежилась. Все-таки хорошо, что отчет последней экспедиции сразу же засекретили — и ухитрились за все пятнадцать лет не допустить ни одной утечки.

Кроме единственного случая — с самой Айви.

Отчет хранился в закрытом корпусе медицинской академии, в сейфе в кабинете Ректора, и прочитать его можно было только с коллегиального разрешения Триумvirата, получить которое было практически невозможно... или же, как в ее случае — тайком забравшись в Ректорский кабинет, рискуя всем, чем только можно: званием, должностью, свободой и членством в ордене Святых. Но ей было ради чего рисковать. Она нашла ответы — не на все вопросы, но на многие. Даже больше ответов, чем рассчитывала найти. И теперь это знание шло за нею след в след по этим темным тоннелям, дышало в затылок, сверлило спину горящим алым взглядом...

***

Остров, на котором стоял Город, на древнем языке коренного населения именовался Норстог, что означало «Черный камень». Изрезанные бухтами и ощетилившиеся острыми скалами берега обнажали истинную сущность этой земли. Норстог представлял собой каменистое плоскогорье, где на глубине примерно полусотни метров под обычными подстилающими породами лежала истинная твердь земная — практически не поддающаяся бурению плита из черного минерала вулканического происхождения. Это очень сильно затрудняло добычу полезных ископаемых: при попытке пробиться сквозь эту плиту слишком быстро изнашивались любые буры и режущие элементы проходческих комбайнов. Город стоял на возвышении в центре острова, и под ним пласт почти непробиваемой породы был особенно мощным. Пожалуй, именно этим в первую очередь объясняется то, что сложную многоуровневую систему подземелий под городом обнаружили только спустя полтора века существования на этом месте поселения.

Неугомонные археологи проводили раскопки под самим городом в любом месте, где

только позволял муниципалитет. И вот однажды сорок шесть лет назад, то есть в 1962 году, одна из групп исследователей, дорывшись до нижнего уровня культурного слоя, где начиналась скальная платформа, внезапно провалилась в некую шахту, уходящую в толщу вулканической плиты. Так в самом центре города обнаружился вход в запутанную и кажущуюся бесконечной сеть туннелей и пещер, названную Катакомбами.

Шестиугольное здание, именуемое ныне Шлюзом, возвели намного позже, когда первые экспедиции вынесли из лабиринтов не только множество артефактов исчезнувшей древней цивилизации, но и немало обломков черного камня, быстро ставшего модным строительным материалом. Однако вследствие его дефицита и трудности обработки целиком из него были построены только два здания: собственно Шлюз и часовня Священного Сосуда, одна из комплекса соборных построек, в которой хранился означенный сосуд.

В центре Шлюза — шестиугольного здания площадью примерно в сто двадцать квадратных метров — находился самый обычный с виду колодец диаметром примерно в метр, с выложенным из того же черного камня бортиком, к краю которого была прикреплена металлическая лестница. Именно по ней в Катакомбы спускались все члены экспедиций — и, судорожно цепляясь за ледяные проржавевшие ступени, с трудом, содрогаясь всем телом и панически боясь глянуть вниз, поднимались те немногие, кто смог вернуться на поверхность.

Айви чуть ли не с детства знала, что длина лестницы примерно сто пятьдесят метров, и на глубине ста сорока метров колодец заканчивается, и лестница повисает в пустоте. В радиусе примерно полукилометра от колодца под землей еще работала радиосвязь, и спускающиеся экспедиции весьма подробно описывали сам спуск и ближайшие окрестности на первом уровне подземелий. Дальше сигнал любого устройства связи пропадал, и все сведения о структуре Катакомб и их содержимом были получены от десяти экспедиций, исследовавших первый и второй уровень, и от жалкой кучки вернувшихся полуживых и полубезумных участников двух из пары десятков экспедиций, которые направлялись на уровни ниже второго.

Последняя группа археологов спустилась в Катакомбы пятнадцать лет назад. После возвращения троих ее членов (из двадцати) и получения их отчета было принято решение законсервировать исследования подземелий до лучших времен. Судя по тому, что рассказали выжившие археологи, эти самые «лучшие времена» должны были настать не раньше конца света.

Примечательно, что из всех экспедиций, спускавшихся ниже второго слоя, вернулись — хотя и далеко не в полном составе — только самая первая и последняя. Первая экспедиция 1962 года провела под землей всего неделю. Из десяти археологов тогда вернулись восемь: двое погибли, разбившись при падении в яму-ловушку. И эта первая группа доставила на поверхность множество свидетельств того, что под самым Городом много веков жила, развивалась, достигала расцвета и угасала таинственная цивилизация разумных человекоподобных существ. Было найдено множество документов, которые удалось частично расшифровать. Выяснилось, что обитатели подземного города называли себя эорда, а сам город именовали Эо.

Археологи, как стервятники на пададь, набросились на извлеченные из подземного лабиринта артефакты. Там нашлись и посуда, и домашняя утварь, и странные инструменты и приспособления, и множество книг странного вида — написанных от руки на длинных узких

листах, сшитых по верхней короткой стороне. Книги сохранились плохо — материал страниц истлел за века хранения в сырости, чернила выцвели, но то, что удалось расшифровать, повергло ученых в смятение.

Цивилизация эорда практиковала магию.

То, что было темой для обсуждений в среде полупомешанных искателей эльфов по заповедным лесам или инопланетян в небе в новолуние, вдруг стало реальностью. Многие века под самыми ногами у нынешних жителей Города некие таинственные существа, обладающие, как минимум, человекоподобной внешностью, вершили магические ритуалы с самыми разнообразными результатами: от управления гравитацией, если нужно было, к примеру, перемещать крупные обломки горных пород, до составления эликсиров, исцеляющих все болезни.

Последняя область применения магических ритуалов эорда весьма заинтересовала объединенные силы ученых — исследователей лабиринтов. Особенно с учетом того, что Ансхейм Милфорд принес из лабиринтов некий сосуд, который можно было с успехом применять для совершения ритуалов, описанных в эордианских рукописях. И, конечно, этим сосудом не преминули воспользоваться...

Что было дальше — знали только немногие причастные к тогдашним экспериментам. Точнее, на данный момент — совсем немногочисленные выжившие из причастных.

Расшифровка рукописей эорда и серии экспериментов в закрытых лабораториях продолжались восемь лет. И вот в 1970 году после серии успешных (как они думали) клинических испытаний химика и фармацевты Медицинской академии наконец представили общественности новый уникальный препарат широкого спектра действия — ребакт. Уникальность его заключалась в том, что, в отличие от всех известных «человеческих» препаратов, эордианское лекарство воздействовало не только на бактерии, но и на все известные к тому моменту вирусы. Даже нагнавший на человечество паники вирус иммунодефицита человека, выявленный десятилетием позже, буквально через год тоже удалось обуздать при помощи ребакта — после некоторой модификации препарата.

А самым потрясающим свойством нового лекарства оказалась его способность тормозить развитие раковых клеток. Люди, казалось, получили наконец ответ на свои молитвы — было найдено средство против рака! Казалось бы, ликуй, человечество, делись обретенной панацеей и живи дружно в счастье и без болезней!

Но всё вышло совсем не так. Сразу же после получения разрешения на использование оборот ребакта поступил под полный контроль военных, как государственная тайна, наряду с новейшими технологиями в области вооружений. Фабрика по производству ребакта — единственная на Туманных Островах — была самым закрытым и засекреченным предприятием из всех подведомственных министерству обороны. Почти полностью автоматизированная, она обслуживалась всего двумя десятками сотрудников, давших подписку с обязательством до конца жизни не покидать территорию предприятия и не вступать в контакты с внешним миром.

И уж конечно, ни о какой международной торговле ребактом или о продаже патентов на его изготовление и речи не шло.

Такое положение дел не могло не показаться странным, но правительство в те годы как-то замяло историю, ловко проведя пару отвлекающих маневров вроде масштабных реформ системы социального обеспечения да громких скандалов с участием лиц, облеченных

верховой властью. И через несколько лет ситуация с эксклюзивностью ребакта для жителей Туманных Островов уже стала привычной. Граждане гордились своей страной, совершившей такое масштабное и судьбоносное открытие, и привыкли не обращать внимания на просачивающуюся в прессу информацию о статистике смертности от онкологических заболеваний в сопредельных странах...

На Туманных Островах всё было хорошо.

Целых двадцать три года. До того самого злосчастного тысяча девятьсот девяносто третьего. До последней экспедиции в Катакомбы.

***

— Встаем в шеренгу, — скомандовала Айви, — и постоянно... Поняли? *Постоянно* наблюдаем друг за другом. Если хоть кто-то начал вести себя странно — останавливаемся и выясняем, что он увидел или услышал. Иначе мы тут такого натворим...

— Медленно же мы так будем продвигаться... — буркнул Адам.

— Медленно, но живыми и куда надо, — Айви хотела было прикрикнуть на мальчишку, но только устало вздохнула. Она прекрасно понимала, что он не из вредности или по глупости выступает, а со страху. Чтобы заглушить сосущий душу ужас, все средства хороши. Даже нарочно спровоцированная выволочка от командира. Но у нее не было ни сил, ни желания потакать его слабости и кричать или ругаться, как Адаму, очевидно, хотелось. — Фонари выключаем, дорогу освещает тот, кто идет в центре. Батареи здесь разряжаются очень быстро, надо экономить. Держите наготове оружие, но лучше метательное. Стрельба тут... Бывает чревата, — она усмехнулась. — Чёртово стекло отразит вашу пулю вам же в лоб. Двинулись, — и она встала в середине прохода, выжидая глянув на напарников. Адам быстро занял место слева от нее, Пауль, едва заметно пожав плечами — справа.

Айви направила фонарь вперед и немного вниз и не спеша пошла по коридору.

— Тоннели первого слоя почти полностью... Ну, будем называть вещи своими именами — разграбили. Тут были и скульптуры, и какие-то святилища с лампадами, алтарями, сосудами и всяким таким. А сейчас это абсолютно чистый коридор. Второй слой неподалеку от спусков выглядит примерно так же. А вот на третьем должно стать поинтереснее.

— Расскажи, на кого или на что тут можно наткнуться, — попросил Адам.

— Само собой. Что знаю — расскажу. Но учтите, что экспедиция был здесь пятнадцать лет назад. И соответственно, всё то, что тут водилось, могло уже и вымереть, а взамен вывелось что-то новое. Но на тот момент было так. Во-первых, выродившиеся потомки эорда. Уж не знаю, каким это образом они выродились до такого, но... — Айви передернуло. — Попадались существа с двумя и более головами, сросшиеся туловищами, многорукие, многоногие... В общем, все виды мутаций, которые только в кошмаре привидеться могут, — шагая и рассказывая на ходу, Айви краем глаза наблюдала за напарниками, и от нее не укрылось, что Адам при этих словах резко и коротко вдохнул, хотя и постарался скрыть свою реакцию. Так, что-то нехорошее у него в прошлом, похоже, с мутантами связано. Как бы это не вышло боком. — Дальше. Зверьё. Такое же мутировавшее. Судя по всему, эорда держали животных — может, домашних, а может, подопытных. Собаки, кошки. Слава Незримым, никого крупнее не попадалось. И еще крысы, — тут Айви сама вынуждена была сдержат пробежавшую по телу дрожь — и с досадой отметила, что от Пауля, как минимум, этот короткий приступ отвращения не укрылся.

— Ну, это пока не выглядит таким уж страшным, — заметил Пауль. — У нас и на

поверхности почти то же самое.

Айви покосилась на него. Нет, нет, он вовсе не это имел в виду... Он ничего не знает.

Или знает?..

Чем дальше она общалась с нечаянными напарниками, тем больше убеждалась — не так они просты. Если уж щеночек Адам время от времени роняет намеки на свое прошлое, полное неких мрачных тайн, то Пауль, который с самого начала эпидемии состоял в главенствующей в городе группировке, наверняка мог так или иначе получить доступ к кое-какой секретной информации. И, похоже, не случайно, ох, не случайно судьба свела их вместе...

Айви тряхнула головой и продолжила движение.

Пучок света от фонаря освещал не только пол тоннеля, но и выхватывал из темноты черные стены с вырезанными нишами и выступами разных размеров и форм.

— А для местных жителей этот камень не был таким уж твердым, похоже, — озвучил Пауль мысли Айви.

— Да, они как-то из него и статуи, и даже посуду делали, причем работа довольно тонкая, — рассеянно отозвалась она. — Насмотритесь еще, налюбуетесь...

Адам еле слышно вздохнул.

Первый поворот направо. Третий налево. Остановившись перед полукруглой аркой, в которой виднелись широкие ступени, ведущие вниз, Айви предупредила:

— Спуск — примерно метров тридцать-сорок по вертикали. Лестница некрутая, опасности сама по себе не представляет. Но тут уже можно встретить местных обитателей. Внимательнее. Смотрите по сторонам и друг за другом. Двинулись, — она чуть прибавила яркость фонаря и шагнула на первую ступеньку.

Спуск прошел подозрительно спокойно. Айви поймала себя на мысли, что уже с нетерпением ждет проявления хоть какой-то активности от нынешних хозяев этого мест. Напряженное ожидание нападения выматывает нервы гораздо сильнее доброй драки. Хотелось наконец-то встретиться лицом к лицу с обитателями кошмарных снов последних четырех лет. И победить их.

Или же сдаться окончательно?

Вот это и хотелось бы выяснить. И поскорее.

Спуск завершен. Второй слой Катакомб, добро пожаловать.

Воздух стал чуть тяжелее, будто бы уплотнился. Кислорода в нем было по-прежнему достаточно, но что-то давило на грудь, мешая легким раскрываться полностью, и мозг реагировал на это отголосками зарождающейся паники. Бронхи спазматически сжимались, будто сопротивляясь попыткам вдохнуть воду.

Медленно дышать. Вдох — выдох. Размеренно и спокойно.

Паника отступает. Здесь с ней еще можно справиться. Так и в отчете написано... Дальше будет хуже.

На втором слое лабиринта всё выглядело точно так же, как на первом. Поглощающие свет черные стены, изрезанные нишами и выступами. Гладкий пол, усыпанный мусором. Гулкая пустота, эхо от каждого звука, рассказывающее истории о бесконечности подземелий и безнадежности попыток вырваться на поверхность. О здешних обитателях — навсегда

исчезнувших и тех, кто остался, видоизменившись до неузнаваемости, и затаился где-то в хитросплетениях туннелей, ожидая непрошенных гостей...

Нервы уже на пределе. Что же будет дальше?

***

Остановившись у подножия лестницы, Айви достала карту.

— Теперь километра полтора по прямой, — сказала она, помечая маркером маршрут.

— Полтора-а? — изумился Пауль. — Так это мы за городскую черту выйдем.

— А кто-то ожидал, что путь через подземелья к базе Факельщиков будет прямым? — огрызнулась Айви. — Я тут вычертила примерную схему... Из того, что есть на картах, следует, что нам придется пройти минимум километров пятнадцать.

— Ну, это не страшно.

— Еще как страшно, — усмехнулась Айви. — Я же не уточнила, что это только по горизонтали. А сколько придется лазить вверх-вниз и до каких слоев спускаться — отдельный разговор.

— И до каких?

— До пятого минимум. А там посмотрим. Все-таки ниже третьего слоя картам веры уже практически нет.

— Я вот думаю, — задумчиво протянул Пауль и замолчал.

— Да ты что? — ехидно заметила Айви, не дождавшись продолжения. — И часто с тобой такое случается?

— В вашем обществе — всё реже и реже, — хмуро парировал тот. — Плохо вы на меня влияете. Я хотел сказать, что до меня только сейчас начало доходить, насколько идиотская затея — наш поход. Карт нет. Дорогу никто не знает, и совершенно не факт, что она вообще есть...

— Отлично, — саркастически заметила Айви. — Только сейчас начало доходить. Ну я-то, допустим, сразу это понимала. И все равно полезла с вами. А что это означает? Что мы — команда слабоумных с выраженной тягой к самоликвидации. Есть возражения?

— Нет, — встрял Адам.

— Тогда заткнитесь, и идем дальше. И впредь отставить такие разговорчики. Думаю, вам понятно, почему.

***

Закончились полтора километра прямого тоннеля, и началось то, что в полной мере заслуживало названия Катакомб. Поворот за поворотом. Ответвление за ответвлением. Пауль поначалу старался считать развилки, запоминать дорогу — мало ли что... Но очень быстро оставил эти попытки: сколько их еще будет, этих залов, коридоров и поворотов? Памяти не хватит. Лучше полагаться на Айви, которая уже не убирала карту в рюкзак, а несла в левой руке, время от времени замедляя шаг и заглядывая в нее, а потом бросая быстрые взгляды вправо-влево-вперед. Адам перед каждым изменением направления белой краской из баллончика сосредоточенно рисовал на стенах двойные стрелки. Сам Пауль, который не был занят прокладыванием маршрута, молчаливо взял на себя обязанность следить за окружением — и за напарниками.

Айви идет чуть впереди, на полшага. Плавные скупые движения. Ни одного лишнего жеста. Да, боевая подготовка у Святых явно на высоте... Интересно, почему все-таки ее отстранили от патрульной работы?.. Уж точно не за непригодность, Пауль очень бы удивился... А вот за нарушение дисциплины — вполне возможно. С ее характером с нее вполне бы сталось нахамить кому-то из командиров... Так. Да что за мысли в голову лезут? Не отвлекаться.

Лицо скрывает маска с фильтром. Волосы — под капюшоном. Видны только глаза. Взгляд сосредоточенно скользит вперед-вправо-влево, сканируя окружение. Быстро, но внимательно — на карту, не сбавляя шага. По сторонам — на них с Паулем. Глаза отражают свет фонаря. Черные, блестящие отшлифованные куски вулканического стекла. Не неживые. Но чертовски холодные.

Поворот. Еще поворот. Впереди — длинный тоннель, похожий на воронку в черной жидкости.

— Стоп, — вдруг негромко сказала Айви, и в мертвой тишине ее голос прозвучал настолько чужеродно, что Пауль почувствовал, как звук словно наждачной бумагой шаркнул по барабанным перепонкам. — Смотрите вперед.

Адам остановился как вкопанный, потом резко попятился.

— Стоять, — ровным голосом сказала Айви. — Пауль?

— Вижу — что-то двигается, — Пауль включил фонарь и направил его вперед. — Ох, чёрт!

Пол коридора шевелился. Шуршало, скрипело, чавкало и хлюпало, волнами накатывал отвратительный запах, сопровождающийся ощущением противной вибрации во всем теле, будто от шевелящейся массы на полу исходили волны инфразвука.

Пауль, борясь с дурнотой, беспомощно смотрел, как по полу тоннеля, заливая его тягучей жижей со сгустками, в которых угадывались полуразложившиеся органы, ползет целое море оживших трупов. Постукивая по камню обнаженными костями, обдирая о плиты пола остатки плоти, беззвучно разевая влажно блестящие рты, на них нескончаемой багрово-фиолетовой рекой ползли мертвецы.

Адам выхватил кинжалы и начал пятиться назад. Айви резко распахнула полы куртки,

сунула карту за пазуху и дернула язычок «молнии» вверх. Взвизг застегнувшегося замка вывел Пауля из ступора. Выхватив кинжалы, он шагнул вперед.

Отвратительный скрип костей по каменному полу. Влажное хлюпанье мерзкой жижи, капающей с оголяющихся остовов. И голоса...

«С-стой... С-стой... С-смирис-сь... С-с-мерть...».

Ужас делает ноги ватными, ужас перехватывает дыхание и туманит зрение. Шепот мертвецов накатывает, как шум прибоя, захлестывает рассудок, заставляя мышцы непроизвольно напрягаться в отчаянном неконтролируемом порыве — сорваться с места, бежать, бежать, неважно куда, лишь бы вынырнуть из потока этих голосов, сухих, шелестящих как содранная и высохшая кожа...

Стоп. Сосредоточиться. Отчет экспедиции. Вспомнить, что рассказывала Айви. Здесь в воздухе полно галлюциногенных соединений. Всякой чертовщины тут, конечно, тоже хватает, но все же... Сначала надо проверить.

Пауль на негнущихся ногах двинулся навстречу ползущим мертвецам. Остановившись в метре от границы шевелящегося зловонного «потока», он наклонился, с трудом сдерживаясь, чтобы не отскочить, и коротким движением отсек тянущуюся к нему конечность одного из трупов. Рука, как ей и полагалось, отлетела в сторону, разбрызгивая вокруг фиолетовую, почти черную кровь. Пауль отступил назад и внимательно осмотрел лезвие ножа — оно было *чистым*...

— Иллюзия! — крикнул он, оборачиваясь. Адам яростно махал кинжалами перед собой, во все стороны разлетались обрубки конечностей и разбрызгивалась мерзкая жижа, но сейчас Пауль видел почему-то не тянущиеся к нему руки полуразложившихся мертвецов, а жуткое мохнатое существо с кожистыми выростами на спине, похожими на недоразвитые крылья летучей мыши. Айви неподвижно замерла у стены, слегка наклонившись вперед, вытянув кинжалы перед собой и глядя куда-то под ноги. Вскинув голову на голос Пауля, она дернулась, резко выпрямилась и опустила кинжалы.

Пауль шагнул к ней.

— Что ты видела?

Айви попыталась убрать кинжалы в ножны. Не попала. У нее явственно дрожали руки.

— М-младенец, — невнятно пробормотала она. — Большой младенец. Без головы. Шлепал руками по полу. Пальцы... Шесть. Восемь?..

— Я видел целую кучу трупов, они ползли на нас. Весь коридор ими был заполнен, — голос сорвался, и Пауль понял, что всё это время напрягал голосовые связки, еле слышно шипя вместо крика.

— А н-на меня какой-то об-боротень бросился, — пролепетал Адам, с трудом переводя дыхание.

Глубоко подышав сквозь маску, Айви заговорила более связно.

— Здесь черт знает что... Химики искали галлюциногенные газы — и нашли. Церковники искали следы сверхъестественного — и нашли... Физики искали электромагнитные поля, излучения, ультра- и инфразвук — всё, всё тут есть, как написано в отчете... И никто до сих пор так и не понял, что же на самом деле убило здесь столько людей — хорошо вооруженных, подготовленных, не то что мы... Никто так и не знает точно, нашли они всё это на самом деле или им померещилось.

Она наконец спрятала кинжалы — Пауль едва сдержал порыв помочь, придержать ножны — понимал, что сейчас к ней уж точно лучше не лезть. Переводя дыхание, медленно

прошлась по тому месту, где каждый из них видел свой собственный кошмар.

— Все чисто, — она нервно хмыкнула. — А если бы здесь и вправду проползла толпа мертвяков...

— Чёрт, — выдохнул Адам и неожиданно сел на пол — прямо там, где стоял — и скорчился, схватившись за голову. Айви обернулась к нему.

— Еще не поздно вернуться, — неожиданно мягко сказала она.

Пауль, который ожидал совсем не такой реакции на продемонстрированную мальчишкой слабость, только молча воззрился на нее.

— Еще чего, — пробормотал Адам, не меняя позы. — Сейчас, чуток очухаюсь да дальше пойдем. Простите. Чего-то я... — он передернулся всем телом.

— Я понимаю, — сказала Айви. — Ничего. Бывает. Отдохнем здесь, — она отошла к стене, скинула рюкзак и уселась на пол. — Пора подкрепиться. Думаю, здесь нас уже не побеспокоят, это место своё отработало. Давайте воспользуемся. — Она достала из рюкзака газоанализатор и включила. Через пятнадцать секунд прибор пискнул и замигал зеленой лампочкой.

— Уф-ф, — с чувством сказал Пауль, стягивая маску.

— Ага, — неожиданно улыбнулась Айви, последовав его примеру.

Адам на четвереньках подполз поближе, снял маску и сплюнул в сторону.

— А вонища какая была...

— А вот интересно, — Айви глянула на него, — я запаха не почувствовала. Вообще никакого. А у меня ведь обоняние обостренное.

— Обостренное?.. — вытаращился на нее Адам. — Ох ты ж черт... Сочувствую...

— Спасибо. Ну ладно, отдышались, отдохнем полчасика и пойдем дальше.

— У меня часы остановились, — встревоженно сказал Адам, глянув на запястье.

— У меня тоже, — Пауль знал, что здесь такое более чем вероятно, но все же почувствовал укол тревоги. Что еще тут на них воздействует? Галлюциногенный газ уже был. Электромагнитное излучение — вот, пожалуйста... — Ох чёрт. До меня только сейчас дошло... А на остальные приборы здешние поля как влияют? На те же конденсеры, — Пауль взглядом указал на черный цилиндр в руках Айви.

— Конденсеры защищены. Их же сделали специально для экспедиций в Катакомбы. Они и в ядерном реакторе не сразу сломались бы, — улыбнулась Айви. — Насчет этого не переживайте. Без воды не останемся.

Пауль пристально посмотрел на нее, и она, смутившись и недовольно дернув плечом, отвернулась.

Командир...

Пауль никогда не командовал отрядом. Никогда не вел за собой людей, не принимал решения за других, в опасной ситуации не отвечал ни за кого, кроме себя. А для нее это, похоже, было делом не просто привычным, а естественным. Он видел, как в самом начале атаки «призраков» она автоматически, выверенным движением попыталась выйти в авангард группы, чтобы первой встретить врага и дать им с Адамом — ее солдатам! — время перегруппироваться и подготовиться к отражению атаки. Потом, когда каждый остался один на один с собственным кошмаром, Пауль видел, как взгляд их командира мечется от стены к стене. Она искала их. Не медля, бросилась бы на помощь, если бы только могла увидеть, с кем они сражаются. И сейчас, несмотря на то, что у самой еще мелко подрагивали руки,

говорила спокойным, ободряющим тоном, помогая своему отряду вернуть самообладание.

И теперь Пауль смотрел на нее совсем другими глазами. Как, впрочем, и Адам. А она не понимала, почему они на нее так смотрят. Она просто делала свою работу.

Святые... Это не просто прозвище, верно?..

Так называют тех, кто живет ради других.

— Что у нас дальше по плану? — спросил Пауль, чтобы нарушить неловкое молчание.

Айви спохватилась, достала из-за пазухи карту и склонилась над ней.

— Ох, — сказала она через некоторое время. — А вот что... Через пару поворотов — спуск на третий слой.

— Может, тогда подольше отдохнем? — с надеждой спросил Адам. — А то мало ли что там внизу будет...

— Что скажешь? — неожиданно обратилась Айви к Паулю.

— Ну-у... По моим внутренним ощущениям, мы идем часов шесть. Для ночевки еще рановато. Но насчет того, что на третьем слое может оказаться намного веселее — тоже верно. Поскольку тут все равно дней и ночей нет, — Пауль выразительно глянул в сторону, на стену темноты, словно обрубавшую границы зоны желтоватого света, в которой сидели они трое, — то я предлагаю просто отдохнуть пару-тройку часов, а потом двинуться дальше.

— Да будет так, — усмехнулась Айви и принялась рыться в рюкзаке.

— Расскажи, какого самого страшного мутанта ты встречала, — попросил Адам, обращаясь к Айви. Та, перекусив, устроилась у стены, подложив под голову рюкзак, но не закрывала глаза, чтобы подремать, а лежала, молча глядя в потолок.

Пауль с усмешкой покосился на парня. Да уж, неумеренное любопытство этой шустрой молекулы точно умрет не раньше, чем минут через пять после него самого...

Айви тоже усмехнулась и сменила положение тела на сидячее.

— Была одна девушка, — сказала она, — мы забрали ее ребенка, он был не заражен — непонятно, почему, кстати — она до последнего кормила его грудью. А она... Неврология цвела пышным цветом, припадки, загрызла парочку соседей, но своего сына пальцем не тронула. А самое страшное — то, что физически она почти не изменилась. Только челюсти... Представь себе — симпатичная девушка лет двадцати, неплохая фигура, голубые глаза, светлые кудряшки... А челюсти вытянулись вперед, как у собаки или у волка. И ни шерсти, ничего такого... Просто волчья морда, обтянутая нежной девичьей кожей. И розовые губки... — Айви передернуло. — Вот это мне долго снилось потом. И сейчас не к добру вспомнила, — она снова улеглась, подложив руки под голову.

Адам слушал молча, и только подрагивающие пальцы рук выдавали его эмоции. Пауль невольно представил описанную Айви картину и сочувственно покосился на бывшую Святую. Все-таки обросшие шерстью зубастые и когтистые монстры — гораздо более приятное зрелище. Как бы дико это ни звучало.

— Да, действительно странно, — пробормотал он, — почему ребенок не заболел.

— Мы так толком ничего и не знаем про вирус, — устало отозвалась Айви. — Как он передается, почему кто-то заболевает быстро, несмотря на все предосторожности, а кто-то — вроде нас с вами — годами имеет дело с больными, а сам не заражается...

— Будем считать, что мы просто избранные, — ухмыльнулся Адам.

— Да уж, точно, троица избранных придурков, которых вирус не берет, и они

добровольно полезли помирать, — сонно пробормотала Айви. — Дай поспать, а... Не болтай хотя бы с полчасика.

Пауль украдкой показал Адаму кулак. Тот испуганно закивал, потом осторожно, стараясь шуршать как можно меньше, уложил поудобнее свой рюкзак, улегся у стены, обхватив себя руками, закрыл глаза и ровно задышал.

Пауль вздохнул. По умолчанию ему выпало дежурить первому. Да он и не стал бы возражать — в сон его пока не клонило; и хотелось немного упорядочить в голове впечатления сегодняшнего дня.

Три человека в Катакомбах. Карт нет, маршруты не проложены, цель неясна. Угрозы туманны, но определенно серьезны. Впереди третий слой подземелий, где начнется настоящая чертовщина, по сравнению с которой сегодняшняя атака на подсознание покажется невинным развлечением, легким головокружением после пары бокалов спиртного. Так что они вообще здесь делают?

Каждый из троих.

Айви. Святая — по определению слегка сумасшедшая. С самого начала эпидемии члены ордена зарекомендовали себя как люди с напрочь отбитым инстинктом самосохранения. Они лезли в самую гущу пылающего и исходящего заразой ада, чтобы спасти людей — даже когда было ясно, что никого спасти не удастся. Иногда складывалось впечатление, что они запрограммированы на определенные действия и просто не могут вести себя иначе.

Но в случае с Айви есть и что-то еще...

Что-то в ее прошлом. Что-то в ее семье.

Мать сгинула в Катакомбах.

Почему девушка избегает говорить об отце?

Он виноват? Он был в экспедиции и оказался одним из тех, кто вернулся? И Айви обвиняет его в том, что он не спас мать?

Может, и так. Но Пауль чувствовал — тут что-то другое. Тайны, гораздо более грязные и опасные, чем простое обвинение одного родителя в смерти другого.

Адам. Временами — раздражающий своей неуместной жизнерадостностью щенок, задающий вопросы — на первый взгляд глупые, но иногда поразительно «бьющие в точку». А временами — мудрое и усталое, ехидное и снисходительное существо. Откуда, как?.. Да, ясно одно: парень не так прост, надо быть с ним начеку. И что это за «второй слой» его личности? Сознательно он скрывается под шелухой глупенького мальчишки — или мальчишка просто не умеет справляться со своим вторым, более взрослым «я»? И кто из них, черт дерь, настоящий? И откуда взялся второй, если уж на то пошло?

Опасно...

Пауль покосился на мирно спящего Адама. Невинное, почти детское лицо. Но было ведь, было! — пару раз он встречался взглядом с тем существом, которое скрывалось за этой безобидной маской. И было ему, много дерьма в жизни повидавшему, очень сильно не по себе...

Что ж, Катакомбы покажут, кто есть кто.

Тут Пауль невольно усмехнулся. Да, покажут. И кто такой он сам, его напарники тоже узнают.

Готов ли он? Нет, пожалуй. Разве что перед лицом неминуемой смерти.

Адам завозился и сел. Шуршание ткани и скрип мелких камешков по полу в гулком подземелье звучали необычайно резко и громко и, казалось, могли разбудить и мертвого, но Айви не пошевелилась. Она выглядела спокойной и расслабленной, непривычно было видеть ее такой...

— Отдохни, — еле слышно проворил Адам. — Я посторожу.

Пауль кивнул и улегся на пол, головой на рюкзак. Усталость придавила, как мешок с песком, едва он позволил себе только подумать о возможности расслабиться.

Проснувшись, Пауль в первую очередь услышал противный скрип прямо возле уха и резко сел, мгновенно переходя из расслабленного состояния в режим боевой готовности. Сознание включилось с задержкой в пару секунд, и он сообразил, что скрипели какие-то черепки у него под рюкзаком, когда он переменял позу, что он неплохо так выспался и что его напарники сидят рядышком у стены шагах в пяти и вполголоса беседуют.

— Долго я спал? — спросил Пауль. По ощущениям он понимал — скорее всего, долго.

— Часа два, — отозвалась Айви. — Сейчас еще немного перекусим и пойдем дальше.

— Почему раньше не разбудили? — Пауль был недоволен собой — это же надо, как минимум час из-за него зря потеряли.

— Я трижды позвала тебя по имени — серьезно ответила Айви. — Раз ты не отреагировал, значит, была фаза глубокого сна. Если человека в такой момент разбудить, он будет вялым и совершенно не отдохнувшим.

— Хм, — с сомнением протянул Пауль. — Ну ладно, тебе виднее.

— Да и торопиться я смысла не вижу, — добавила Айви. — Мы тут с Адамом сейчас поговорили... Все-таки, если быть честными, наша цель — не найти проход к складу лекарств, не облагодетельствовать человечество, а просто спрятаться на время. Или навсегда. Ты не согласен? — она уставилась на Пауля своими черными глазищами, темнота в глубине которых порой пугала не меньше, чем мрак бесконечных коридоров лабиринта.

Пауль неопределенно пожал плечами и полез в рюкзак за провиантом.

***

Адам сидел у стены, подтянув колени к подбородку, и терпеливо ждал, пока проснутся напарники. Смотрел в темноту, вслушивался в тишину. Радовался тому, что ничего не видит и не слышит. И размышлял, не являются ли тишина и темнота такими же галлюцинациями, как и давешние ползущие и завывающие монстры.

Когда Айви наконец зашевелилась и приподнялась на локте, он молча указал ей на спящего Пауля. Она кивнула и, поднявшись на ноги, сделала знак следовать за ней. Отойдя шагов на пять, села у стены и хлопнула по полу рядом с собой.

Адам переместился на указанное место и выжидающе замер. Судя по всему, командир собиралась поговорить с ним о чем-то таком, что она не хотела обсуждать в присутствии Пауля. Он ощутил робость и одновременно какую-то странную гордость — будто она каким-то образом выделила его из них двоих и собирается поделиться с ним какими-то важными и секретными сведениями.

— На сколько по десятибалльной шкале ты оцениваешь свою способность держать себя в руках, когда тебе дико страшно? — спросила Айви. Адам от неожиданности заморгал, вопросительно покосившись на нее. Это как — по десятибалльной шкале? И что значит «дико страшно»?

Последний вопрос он, не удержавшись, задал вслух.

— Это когда ты готов напустить в штаны, — жестко ответила командир. — Когда уже ни руки, ни ноги, ни сфинктеры не слушаются. А ты все равно должен действовать. Причем действовать осмысленно.

— Ну, знаешь, — Адам покачал головой. — Не могу оценить. Три из десяти. Или даже два. Я трус вообще-то. И случаев проверить себя у меня было не так уж много. Я имею в виду, таких ситуаций, когда мне реально грозила опасность.

Айви неожиданно со смешком хлопнула его по плечу. Адам оторопел. Что это сейчас было — дружеский жест? Прикосновение? Что это с ней?..

— Плохого же ты о себе мнения, — сказала она весело, — я ставлю тебе как минимум шесть из десяти. И это только потому, что не так уж долго продолжалась атака. Может, и семи заслуживаешь.

— П-почему? — Адам почувствовал першение в горле и задержал дыхание, чтобы кашлем не разбудить Пауля.

— Да потому, что я таких, как ты, много повидала. И мало-мальски могу оценить. Есть такие люди, которых прямо паралич скручивает. Они так-то вроде и не трусы, в бою не подведут, но когда видят что-то, что вообще за гранью нормального, просто цепенеют и ни себя, ни других защитить не могут. Этаким инстинктивный страх перед необъяснимым... — она помолчала, подобрала с пола камешек, повертела в руке. — И вот что я думаю... Те, кто не боится необъяснимого... Или психи, которые в своем подсознании постоянно имеют с таким делом, или... — она неожиданно схватила Адама за подбородок и вынудила смотреть ей в глаза. — Или имели с таким делом в реальности. Причем не один раз.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

— В смысле? — Адам с трудом выдержал ее взгляд.

— В прямом, — жестко сказала она. — Одно из двух. Или ты псих. Или ты много чего о себе еще не рассказал. Какой вариант? Я жду ответа.

— Отпусти, — пробормотал Адам. Айви отрицательно покачала головой.

— Сначала ответ.

— Я не псих, — выдохнул он и все-таки не выдержал, закрыл глаза. Айви коротко вздохнула и отпустила его подбородок. Адам инстинктивно потянулся к тому месту, которое только что сжимали жесткие пальцы. Ну и хватка у нее...

— Говори, — Айви угрожающе придвинулась ближе, еще понижая голос.

— Ладно, ладно, — Адам потер лоб, мучительно соображая, с чего бы начать — и на чем остановиться. Хотя бы для первого раза. — Это связано с моим отцом. Ну, то есть мне так рассказывали. Мама родила меня, когда ей было всего семнадцать. И там была какая-то темная история... — он скривился — ему было физически тяжело и неприятно озвучивать вслух свои мысли по этому поводу. — Понимаешь... Я вообще сомневаюсь, что у меня был отец.

— Как это?

— Да вот так, — Адам быстро глянул на нее и отвернулся, — есть основания полагать, что я был зачат в пробирке.

— Ого... А что ты об этом знаешь? Как узнал?

— Да почти ничего. Я видел кое-какие документы. Не то чтобы там прямо было сказано, но кое-что мне показалось подозрительным. Да и мама... Помнишь, я рассказывал, что она разговаривала, кричала во сне. Там было такое... Я ее потом спросил. Она

побледнела, прямо как-то съежилась вся. И стала на ночь пить снотворное, чтобы крепче спать.

— Ничего не объяснила?

— Нет, конечно, сказала, что просто кошмар приснился. Отмахнулась.

— А что именно она говорила? — голос Айви стал мягче, теперь она говорила скорее как врач, а не как командир.

— Кричала, что ей больно, — Адам потряс головой, — чтобы ее отпустили. И... Ты знаешь, кто такой Идри?

Айви окаменела. Она не шевельнулась, но Адам каким-то образом ощутил, что в ее теле напряглись все мышцы.

— Знаешь, — констатировал он. — Тут я должен был бы спросить — откуда? Но я понимаю — сейчас моя очередь рассказывать. Так вот, Идри. Один из Незримых, покровитель силы и крепости рассудка. Идеальная база для экспериментов по созданию идеального солдата.

— Да не может этого быть... — Айви смотрела на него расширившимися глазами. Адам понимал, что видит она сейчас перед собой не трусливого сопляка, вечно не к месту встречающего с шуточками, а нечто пугающее, чужеродное, возможно, опасное.

— Не смотри так, — мягко сказал он. — Это ведь еще не точно. Не доказано. Чисто медицински, анатомически — я обычный человек. А насчет того, что я в жизни видел... Такого чужеродного, чтобы голову не терять. Я вообще много чего вижу, чего другие не видят, — он стянул капюшон и яростно почесал затылок. — Точнее, раньше видел. Старался сам себе запретить это видеть. В последние годы и не помню уже... А в детстве — постоянно.

— И что ты видел? — напряженно спросила Айви. Адам ощущал — то ли этим своим давно усыпленным сверхъестественным чутьем, то ли просто понимал исходя из ситуации, что она напряжена, как до отказа взведенная пружина, и готова в любой момент сорваться с места.

— Незримых, — Адам беспомощно развел руками. — Я не понимал, что это. Потом решил, что у меня с головой непорядок. Маме боялся рассказать. А потом она сама догадалась... Прокололся, как сопляк. Увидел Идри на стене собора...

— Чего-о?

— Вот того самого. Увидел и выпалил что-то вроде «как ему там не жарко?». Летом дело было, солнечно, а он прямо на южной стене висел. Мама на стену посмотрела, побледнела вся. Вцепилась в меня и давай трясти. Я перепугался до смерти, ну и рассказал всё. Это мне лет одиннадцать было. Не умел еще врать как следует. Думал, она меня по врачам потащит. По психиатрам... А она только плакала и говорила, чтобы я не боялся. Что они меня не тронут...

— Они? — глаза Айви окончательно превратились в бездонные черные колодцы. — Значит, их много?

— А то ты не знаешь, — Адам недобро усмехнулся. — Ты их тоже видишь, правда же?

— Н-нет, — Айви отвернулась. — Нет. Не видела никогда. Но знаю, что они есть.

— И как оно — жить с этим знанием?

— Противно, — Айви посмотрела на него в упор. — Поэтому я сейчас здесь. И плевать, что вряд ли выберусь.

— Вот и я тоже. Раньше Незримые жили под землей. Но теперь здесь не осталось

никого, кто был бы им полезен, и они вышли на поверхность. Теперь они охотятся там. А значит... В моем случае, в их бывшем доме — для меня самое безопасное место.

— Прекрасно тебя понимаю, — медленно проговорила Айви, прикрыв глаза рукой.

— Да не переживай ты, — Адам осторожно коснулся ее локтя и сразу же отдернул руку, — я не опасен. Сколько анализов, обследований прошел — человек как человек. А то, что вижу всякое, чего другие не видят — так это как твое обостренное обоняние. Не у всех есть, но мешает скорее обладателю, чем окружающим.

— Ну, если это так расценивать, — Айви нервно хмыкнула. — Договорились. И... Я тебе сочувствую. Ты мне посочувствовал за мой проклятуший нюх... Так вот если твое сверхзрение — это такая же пакость...

— Думаю, примерно такая же. Но я надеюсь, что когда-нибудь оно окажется хоть в чем-то полезным. Например, я вот всё думаю: а не поможет оно мне отличать галлюцинации от реальных врагов? Надо попробовать. В той заварушке я, честно говоря, ничего понять так и не успел. Понимаешь, я ведь столько лет его подавлял, это зрение... Ну и разучился им смотреть.

— Попробуй... Если окажется, что и правда... Нам это здорово поможет, — Айви через силу улыбнулась. Адам почувствовал, что ей очень сильно не по себе рядом с ним, отодвинулся на полметра — и ощутил исходящую от нее волну облегчения и признательности.

Воцарилось молчание. Не тягостное, а сосредоточенное: каждый думал о своем, «переваривая» высказанное и услышанное. Айви тихонько раскачивалась взад-вперед, вертя в руке подобранный с пола камешек. Она явно не ожидала такого от их разговора...

Адам прислушивался к себе — и не узнавал себя. Он так давно не вспоминал о своем «даре» — скорее, проклятии, конечно — что сейчас просто чувствовал себя запертым в чужом теле, управляемом чужой волей, не подавляющей его личность, но и не придающей его желаниям и намерениям особого значения. Такое положение дел его решительно не устраивало, и Адам принял единственно верное на данный момент решение: усилием воли вернулся в состояние растерянного паренька, с надеждой взирающего на старших товарищей.

И тут — очень вовремя — проснулся Пауль.

***

Видеть командира плачущей было настолько дико и страшно, что Пауль растерялся больше, чем сам от себя ожидал. Он обнимал Айви за плечи, смотрел поверх ее макушки на Адама и решительно не понимал, что же ему следует сейчас сделать или сказать — или надо просто спокойно сидеть и молчать, и ждать, пока Святая преодолит приступ непозволительной слабости и снова начнет разговаривать своим строгим командирским голосом со снисходительными и ехидными интонациями.

Адам смотрел в глаза Паулю так же беспомощно и растерянно.

Придется просто ждать.

А что еще остается?

Айви наконец перестала всхлипывать и отстранилась. Пауль опасался, что не привыкшая к собственным прилюдным проявлениям эмоций девушка после окончания «приступа» уйдет в другую крайность — начнет грубить, бравировать своим хладнокровием и готовностью лезть к чёрту на рога, отгородится от них стеной нарочитой холодности...

Недооценил. Сильно недооценил.

Стыдно.

— Ох, ребяташки, — сказала Айви, виновато улыбаясь, — что-то меня крепко приложило. Не сердитесь. Сейчас отдышусь — и пойдём дальше.

— Уверена, что отдохнуть не надо?

— Да вроде всё в порядке, — Айви сосредоточенно ощупала живот. — Не болит. Это, скорее всего, тоже галлюцинация была.

— Ну как скажешь, — Пауль поднялся на ноги и отошел к своему брошенному у стены снаряжению. Адам тоже завозился с рюкзаком, пряча взгляд. Недавняя сцена, хоть и обошлась без видимых последствий, все же изрядно выбила свидетелей из колеи.

— Надо вернуться к тому залу, — сказала Айви, разворачивая карту. — Вряд ли вы заметили, куда и на сколько отбежали, пока тащили моё бездыханное тело, — она сухо хмыкнула и постучала пальцем по ламинированному листу. — Адам, краску не потерял?

— Нет. Да мы на самом деле недалеко оттуда — метров на триста отошли. И поворотов и разветвлений не было.

— Всё равно, — Айви поднялась на ноги, — лучше ничего не пропускать. Пауль, пойдём со мной, покажешь дорогу. Адам, сторожи вещи.

— Как скажешь, — Адам протянул Паулю баллончик с краской.

Оказалось, что святилище и в самом деле всего метрах в трехстах по коридору — и святилища как такового больше нет: свод окончательно обрушился, все статуи разбиты, завалены обломками потолочных плит и присыпаны красной пылью.

— Всё равно здесь можно подняться, — сказала Айви, задрав голову и разглядывая неровный край обвалившейся плиты. — Поэтому карту рисуем, как и планировали.

— Интересно, а та белая статуя уцелела? — пробормотал Пауль, водя лучом фонаря по каменному хаосу внутри бывшего святилища. — Не вижу...

— И зачем она тебе? — устало отозвалась Айви. — Развалилась — и хорошо...

Пауль хотел было возразить, но промолчал. Да, ей, наверно, так спокойнее. Пусть

чёртова статуя исчезнет, провалится в преисподнюю, рассыплется в пыль, и пусть даже белая пыль на глаза не попадается...

Стоя спиной к обвалившейся арке входа, Айви деловито чертила что-то на карте, бросая взгляды вперед и в стороны. Пауль краской из баллончика нарисовал двойную стрелку на правой стене и оглянулся на командира:

— Идём?

— Да, всё готово. Дальше на карте еще отмечены коридоры, проверим, есть ли они фактически, — Айви спрятала карту и легко зашагала назад к месту, где они оставили Адама. Пауль задержался на секунду, глядя ей вслед. Вроде бы она полностью восстановилась...

И кто следующий?

Примерно пару километров прошли без приключений. Коридор, в котором они оказались, выбравшись из разрушенного святилища, сохранился хуже, чем тоннели на предыдущих слоях: местами в кладке стен зияли дыры, на полу под ними лежали груды обломков блоков-кирпичей и кучки мелких камешков и красной пыли. Из проломов торчали корни каких-то растений, неожиданные на такой глубине, и Пауль предположил, что именно эти корни и выдавливали камни из кладки. Какие растения могут забраться корнями так глубоко? Очень странно, учитывая, что на поверхности земли над головой — город, а не лес.

Айви тоже явно задавалась этим вопросом. Несколько раз она надолго останавливалась возле таких дыр, разглядывала и трогала корни, отрезала кусочки и складывала в мешки для образцов. Пауль молча наблюдал за ней, понимая: когда ей будет что сказать — она скажет сама, без понуканий.

Адам таким терпением не отличался и после третьей по счету остановки подскочил к Айви и, выхватив у нее из рук один из корешков, спросил:

— Что тут вообще может расти? Чьи... В смысле, каких растений это корни?

Айви, как ни странно, не взорвалась. Определенно, под землей она все меньше напоминала себя прежнюю — стала гораздо терпеливее, уравновешеннее и мягче. И почему-то эти перемены пугали Пауля гораздо сильнее, чем все галлюцинации, с которыми им уже пришлось иметь дело.

— Похоже, там, — Айви указала на потолок, — на предыдущем слое, есть какие-то сады, леса, чёрт знает что ещё. В отчёте экспедиции не упоминалось о растениях, но за пятнадцать лет они вполне могли тут завестись.

Адам кивнул, с задумчивым видом вертя в руках корешок.

Коридор резко свернул влево, и Айви остановилась, чтобы сделать отметку на карте. Пауль обошел ее и выглянул за поворот.

— Ого! — вырвалось у него.

— Что там? — Адам мгновенно оказался рядом, глянул через плечо. — Ух ты! Айви, смотри!

— Что там такого прекрасного нашли? — недовольно буркнула Айви, подходя. — А, чёрт... Понятно...

Коридор за поворотом расширялся, становился выше и шагов через тридцать вливался в огромный зал с куполообразным потолком, поддерживаемым кругом колонн. Пауль насчитал двадцать две колонны — не больше и не меньше. Вдоль стен в беспорядке были

расставлены уже знакомые статуи из красного камня и то ли ящики, то ли тумбы — похоже, деревянные. Посреди зала стояло что-то вроде алтаря, застеленного полуистлевшим полотнищем — непонятно, какого цвета ткань была изначально, но сейчас выглядела красно-бурой из-за пыли. На алтаре стояли различные сосуды, лежали какие-то дощечки и странной формы инструменты — то ли витые ножи, то ли какие-то чудовищные свёрла.

А самым странным во всём этом было то, что, хотя свет налобных фонарей напарников явно не мог достичь противоположной стены зала, всё помещение было освещено — неярко, но достаточно, чтобы разглядеть всё в деталях.

Кто-то зажжёт по всему залу десятки, а то и сотни свечей.

Пауль ощутил на затылке чье-то ледяное дыхание и резко обернулся. Нет, это просто волосы встали дыбом от страха...

Айви по-кошачьи мягко скользнула вперед. Подняла руку над плечом в запрещающем жесте — «Стоять». Беззвучно, плавным и почти незаметным глазу движением извлекла из ножен длинный кинжал и двинулась в обход зала, по кругу между колоннами и алтарем. Вернувшись ко входу, кивнула напарникам:

— Заходите. Никого.

Адам сразу же рванул повторять ее маршрут — обходить зал, восторженно таращась на статуи и причудливые канделябры. Значит, сейчас «у власти» в этой непутёвой голове любознательный и жизнерадостный щеночек. А вот Паулю почему-то было ни капельки не интересно.

Даже не так.

Ему было до тошноты противно разглядывать эти фигуры, издали похожие на людей, а вблизи оборачивающиеся детскими ночными кошмарами.

Трехпалые руки. Уродливые квадратные рты, таких у людей не бывает. А какие в этих ртах зубы? Они торчат по кругу, как у червей?

А какие звуки эти рты издают?..

Пауля передернуло. Он тряхнул головой и прошел в центр зала, к алтарю, внимательно глядя по сторонам — в промежутки между статуями, ящиками и колоннами, старательно избегая фокусировать взгляд хотя бы на чем-то.

— О, смотрите! — восторженно завопил Адам. Айви бросилась к нему.

— Ух ты, вот это да!

И она туда же. Чему там восторгаться? Пауль неохотно подошел ближе, взгляделся в то, над чем склонились напарники... И его снова передернуло.

В одной из чаш у подножия нетипичной статуи — коленопреклоненной, с низко опущенной головой, так, что лица не было видно за каменными складками капюшона, на ложе из истлевшей фиолетовой ткани лежала небольшая фигурка, вырезанная из того же самого молочно-белого, слегка опалесцирующего камня, из которого была изготовлена так напугавшая команду статуя человеческой женщины.

Фигурка изображала новорожденного младенца — без сомнения, человеческого. Размером в ладонь взрослого человека, она была вырезана с изумительной детализацией — ноготки на крошечных пальчиках, сонные морщинки в уголках глаз... Ребенок казался живым, хотя от белого мрамора и веяло холодом.

— Пакость... — пробормотал Пауль, отступая.

— Прекрасная работа, — рассеянно отозвалась Айви. — Но ты прав. Пакость. — Она казалось, не без труда отвела взгляд от фигурки и шагнула назад. — Адам?

— Сейчас, — прошептал тот, продолжая зачарованно глазеть на каменного младенца. — Сейчас...

— Адам! — крик неприятно хлестнул по барабанным перепонкам в тишине святилища.

Парень вздрогнул, будто проснувшись, и отошел от чаши. Неловко стянул очки, потер глаза рукой в перчатке. Вполголоса чертыхнулся, зажмурился и потряс головой.

— Что такое? — негромко спросила Айви. Странно было слышать в ее голосе по-матерински заботливые интонации сразу после резкого окрика.

— Сейчас, сейчас, — забормотал Адам. — Погоди...

Айви шагнула к нему и положила руку на плечо. Он дернулся и сбросил ее.

— Эй! — командир железной хваткой вцепилась в руку Адама выше локтя, рванула на себя. — Ну-ка вернись!

Парень обернулся, вскинул взгляд...

Пауль едва удержался, чтобы не отскочить.

Это был *чей угодно* взгляд, только не щеночка Адама.

К счастью, уже через секунду на него растерянно уставились мокрые и покрасневшие глаза бывшего огневика-дезертира.

— Всё, я тут, всё, — пробормотал он, — всё нормально.

— Что она тебе сказала? — Айви не спешила отпускать руку напарника.

— По... подожди, — прошептал Адам. — Она сказала «подожди». А чего? Кого? Я не знаю... — он всхлипнул. — Чего они от меня хотят?

— Я ничего не слышала, — сказала Айви. — Пауль?

— Тоже ничего.

— Значит, считаем это галлюцинацией. И уходим, — она наконец отпустила Адама и дружески похлопала по локтю. — Всё, всё. Они уже от тебя отстали, хотя бы временно. Просто пойдём дальше. Подальше отсюда, — она явно избегала смотреть на маленькую статую — но и старалась не поворачиваться к ней спиной.

— Ты не хочешь... собрать образцы? — спросил Адам уже почти нормальным голосом.

— Не сейчас. На обратном пути.

Пауль не выдержал и хмыкнул. Громко. Вслух. Айви обожгла его взглядом, но ничего не сказала.

На этом уровне путь стал сложнее — в том смысле, что выдерживать направление оказалось невозможно. Пару раз пришлось подниматься на третий слой и искать проходы там, пробираться по заваленным обломками колонн и обрушившимися плитами сводов коридорам, перебираться через провалы по тросам и снова спускаться на четвертый слой по узким и тёмным, обнаруживающимся в самых неожиданных местах шахтам.

В результате группа прошла за день километров двенадцать, а по прямой — в направлении цели — от силы полтора.

— Всё, сил моих нет! — выдохнула Айви, сбрасывая с плеч рюкзак в одном из относительно чистых коридоров четвертого слоя. — Отдыхаем.

— О, а я только хотел зануть и запросить пощады, — ухмыльнулся Адам, опускаясь на пол у противоположной стены.

Пауль промолчал, но был рад привалу уж точно не меньше прочих.

— Знаете, что меня больше всего напрягает? — Айви вгрызлась в брикет прессованного

соевого белка, отхлебнула воды из фляжки и продолжила с набитым ртом: — Полное отсутствие обитателей. Я точно знаю, что их тут полно. Всяких разных. А на нас до сих пор никто не напал. Ни выродки эорда, ни мутанты, ни даже крысы. И вот я думаю... — она снова набила рот концентратом, и Пауль закончил за нее:

— Как они все подтянутся, да как нападут все разом...

Айви энергично закивала, торопливо жуя.

— Или еще версия, — Пауль тоже взял брикет чего-то прессованного и усушенного до состояния древесно-стружечной плиты, — они за нами наблюдают. Они где-то рядом и ждут удобного момента, чтобы напасть.

— Или они не собираются нападать, а ведут нас куда-то, — добавил Адам.

— Ведут? — Паулю стало очень не по себе, он чуть не подавился крошками брикета. — Как это — ведут? Мы вроде бы сами идём.

— А кто обрушил потолок в том зале? — Адам, прищурившись, уставился на Пауля. — А кто вообще изначально разрушил часть коридоров и лестниц, а часть оставил целыми? Может, они специально устроили такой путь, который приведет незваных гостей туда, куда им надо?

— Кому — им?

— Ну, наверно, Незримым, — развел руками Адам. — Кто тут, под землёй, командует? Они ведь хозяева.

— Идите вы к чертям! — сердито фыркнула Айви. — С вашими мрачными пророчествами отдохнешь, как же... Кто первый сторожит?

— Давайте я, — Пауль и в самом деле поймал себя на том, что после высказанных предположений опасается засыпать.

— Не буду возражать, — пробормотала командир и улеглась, пристроив под голову рюкзак. Повозилась, устраиваясь поудобнее на брусчатке пола, и затихла. Адам несколько мгновений странно смотрел на нее, потом тоже улегся на спину и подложил руки под голову. Глаза парня блестели в слабом свете фонаря. Не спит. Думает...

Усевшись поудобнее, Пауль взгляделся в темноту в глубине коридора. И правда, где они все? Не может быть, чтобы Катакомбы опустели. Не может этого быть. Слишком просто. И крайне нежелательно...

***

Отчаянный крик словно подбросил на месте, вытряхнув из поверхностного, тревожного сна в пахнущую пылью и нагретым железом неприветливую реальность.

— А-а-а! — захлебывался Адам, дергаясь и отмахиваясь руками от чего-то невидимого. — Уйди-и! Не-е-е!.. — и страшнее всего было то, что в его голосе слышались не интонации запаниковавшего взрослого, чующего близкую смерть. Голос парня был скорее детским. Так кричат и бьются в слезах маленькие ребятишки, которым приснился страшный зубастый волк, они проснулись и не нашли рядом маму, зато на фоне окна маячит многорукий черный силуэт, который утром окажется любимым маминым цветком, но сейчас...

— Адам! — Айви уже стояла на коленях перед парнем, хватала того за беспорядочно дергающиеся руки, пытаясь зафиксировать их и уклониться от ударов, которые он наносил ей по лицу и рукам то ли случайно, то ли намеренно — принимая ее за оживший кошмар. — Очнись! Проснись! Тут никого нет! — она наконец мертвой хваткой вцепилась в предплечья

Адама и изо всех сил тряхнула его, да так, что голова мотнулась на тонкой шее и с глухим стуком ударилась о камень.

Парень на мгновение захлебнулся криком, широко открыл глаза... и вдруг отчаянно, совсем по-детски заплакал, забормотал «Мама, мама...».

Это было настолько жутко, что Пауля прошиб холодный пот. Он хотел подняться, подойти к Адаму и сидящей рядом с ним и тоже едва не плачущей Айви и... Не мог пошевелиться. Заставить себя приблизиться к этому проводнику его собственных страхов.

«Мама, мама...».

Китти. Успела ли она понять, что происходит? Или просто заснула крепче обычного — так крепко, что уже больше не проснулась?

«Мама...»

Оксид углерода. Его самый жуткий кошмар. Его самый смертельный враг...

— Адам! — крик заметался между стенами и потолком коридора, дробя ледяную глыбу тоски, в которую некстати вмёрз Пауль. — Очнись, чёрт тебя дери! Пауль, да помощи же! Чёрт, не могу... — раздалось несколько звуков ударов. Рыдания прервались вдохом-взвизгом — и возобновились с новой силой.

Поднявшись и держась на стену, Пауль на дрожащих ногах двинулся к Адаму и Айви. Девушка явно выбивалась из сил, пытаясь обездвигнуть бьющегося парня. Наконец, потеряв терпение, она наотмашь ударила его ладонью по щеке и заорала:

— Очнись, мать твою!.. Убери этого щенка! Сын Идри, я к тебе обращаюсь! Кераэнн нараэрра!..

Адам застыл. Как и Пауль, который от неожиданности споткнулся о собственную ногу и едва не упал.

Губы Адама медленно растянулись в улыбке. Зрелища страшнее в жизни Пауля попадались нечасто.

— Кераэнн маэмар, — сказал «щенок» вкрадчивым и ужасно довольным голосом. — Тиалла мрар.

— Ничего я тебе не «мрар», — дрожащим голосом выговорила Айви, — давай, встряхнись и верни Адама на место. С тобой нам тяжело, сам понимаешь.

Пауль привалился к стене, отчетливо понимая, что от позорного падения на задницу или на колени его удерживает только шероховатая поверхность камня, по которой ткань комбинезона не скользит.

Адам слегка дернулся и обмяк. Осторожно высвободил предплечья из хватки Айви и принялся растирать. Хватка у командира железная — в этом Пауль уже успел убедиться. Синяки гарантированы.

В наступившей тишине отчетливо слышалось ускоряющееся дыхание Адама — с зарождающимися всхлипами и судорожными вдохами.

— Тихо, тихо, — быстро сказала Айви и положила ему руку на плечо. — Что ты видел? Расскажи, и страх уйдет. Только не кричи больше. Силён ты орать, братишка. Я уж думала, потолок рухнет, — она нервно усмехнулась, а Пауль невольно отметил, как естественно у нее прозвучало это «братишка» по отношению к Адаму.

Стоп...

— «Мрар»... — он с трудом выговорил это короткое слово — оно будто бы царапало нёбо и горло, как проглоченный жук с мощными лапками и жесткими хитиновыми надкрыльями. — Сестра?

— Тьфу ты, — Айви резко обернулась к нему, лицо ее исказилось гримасой отвращения. — Не произноси. Меня аж передёргивает всю.

— Эта девушка... — тоненько и жалобно сказал Адам. — У которой волчьей челюсти. Она меня поцеловать хотела... И кусала. Больно... — он потянулся к подбородку, но уронил руку на колени. — Грызла лицо. Глаза. Губы. И говорила... — он судорожно вздохнул.

— Эк тебя проняло, — Айви сочувственно покачала головой. — Вот и думай в следующий раз — проявлять любопытство или лучше не знать лишнего... Успокоился? — парень кивнул. — Еще поспать сможешь? Отдохнули маловато. — Адам кивнул еще раз и улегся на свою подстилку на бок, съёжившись и обхватив руками колени.

Айви помедлила еще пару секунд, ободряюще коснулась локтя напарника, поднялась и отошла к своему рюкзаку.

— Откуда ты знаешь... — Пауль отчаянно хотел спросить — и отчаянно боялся услышать ответ.

Айви поняла его без уточнений.

— Я же с детства Катакомбы изучаю, — еле слышно сказала она и оглянулась на затихшего Адама. — Само собой, и исследования языка тоже. А вот откуда наш щеночек это знает... — она поежилась.

— Зато теперь мы на сто процентов уверены, что он и правда сын Идри, — так же тихо отозвался Пауль.

— Ох, да... Сейчас он в шоке. А как выпится, да как вспомнит, как осознает... — Айви сокрушенно покачала головой. — Надо будет за ним следить. Как бы не натворил чего.

— Думаешь, опасен станет?..

— Для себя, — отрезала Айви. — Не для нас. Ладно, давай отдохнем. Кто первый сторожит?

— Ты спи, если сможешь. Я что-то пока... — Пауль ощущал внутри предательскую дрожь, которая уж точно не позволит расслабиться. Да и мысли роились в голове весьма «громкие». — Посижу, подумаю... Успокоюсь.

— Давай, — Айви улеглась поверх спальника и закрыла глаза. Заснула или нет? Не понять. Но Пауль знал, что искусством «псевдосна» — отдыха в бодрствующем состоянии, по качеству почти равноценного настоящему сну — расслабления всех мышц волевым усилием и очищения сознания от мыслей — она владеет в совершенстве.

Хотелось надеяться, что оставшиеся часы отдыха пройдут спокойно. Никто не начнет орать и биться в припадке ужаса. И сам Пауль в том числе...

***

Адам боялся закрывать глаза. Боялся возвращения кошмара — но ещё больше боялся утратить контроль над сознанием и выпустить того, кто прятался в его глубине. Того, чьи цели и мотивы были неясны и уже этим до смерти пугали.

Адам не был храбрецом, но не был он и идиотом — и, конечно, хотел выжить. Он боялся боли: весь его опыт в отряде Факельщиков не только не способствовал избавлению от этого страха — наоборот, все страдания несчастных, заживо предаваемых огню, и зараженных, и здоровых, Адам словно бы ощущал на своей шкуре. И только сейчас он понял: не будь он сыном Идри и не приходи ему в такие моменты на помощь сознание иного, не разделяющего человеческой боли существа — он неминуемо сошёл бы с ума. В чём бы это выразилось? Он задумался. Возможно, он наложил бы на себя руки. Это самый простой

вариант. Такие мысли, по правде говоря, время от времени его посещали. Развиться в какие-то действия им не давал совершенно детский — а может, звериный — инстинкт самосохранения.

А другой вариант безумия? Адам медленно втянул пахнувший пылью и нагретым железом воздух. Да, он стал бы спокойным, хладнокровным убийцей. Таким, как Шестопалый и другие командиры. Стал бы истинным чудовищем.

Вот что выявляет нейрочума. Она чётко разделяет людей и нелюдей. И тот мужчина, отец Морри, и девушка, о которой рассказывала Айви — кем они были? Разве их можно назвать чудовищами? Они всего-навсего хотели жить. Хотели защитить своё потомство. Они не убивали ради забавы, ради удовлетворения бессмысленной жажды крови. Они просто хотели выжить. И нападали на тех, в ком видели угрозу для себя и детей.

Нейрочума...

Ребакт. Террум.

Почему заболевают не все?

Священный Сосуд. Что Незримые сказали преподобному Милфорду?

И откуда, чёрт побери, так много знает о происходящем Айви, если, по её же словам, рядовых церковников никогда не посвящали в эти секреты?

Кто, чёрт задери эту взрывоопасную девицу, её отец?

Вот у Адама отец — Незримый. Может, поэтому нейрочума уже столько лет обходит его стороной?

«Мрар». Сын Идри назвал Айви сестрой...

Адам обхватил себя руками и беззвучно застонал, затрясся, как от перепада давления. Ему было страшно. Он уже привык полагаться на «старших» — на жесткого и ехидного Пауля и на вспыльчивую, но удивительно добрую и надёжную Айви. А теперь...

Айви сама — невесть кто. И, в отличие от Адама, она, возможно, даже не знает, что она — не та, кем себя считает, и не «знакома» со своим скрытым вторым «Я». А Пауль... Адам чувствовал в нём трещину. Она дала о себе знать уже давно, повреждение в медном теле колокола, незаметное глазу, но отчетливо слышимое в звуке. А теперь эта трещина становилась всё шире и шире. И Адам даже боялся предположить, что будет хуже — если окружающий кошмар хлынет Паулю в незащищенную душу или же если то, что в ней скрыто, найдет выход наружу.

Да и самому себе Адам теперь ни на грош не доверял. Он боялся заснуть — и дать проснуться тому, кто скрывался в его сознании. Как же договориться с ним? Он, Адам, до жути, до истерики хочет жить. Но ведь то существо тоже наверняка не хочет умирать? Всем живым тварям свойственно желание жить. Надо как-то с ним договориться...

Адам закрыл глаза и сосредоточился. Представив, что погружается в темноту внутри собственной черепной коробки, он тихонько позвал: «Идриалор...».

Сознания словно коснулось мягкое невесомое облачко. Адам едва не подскочил, с трудом сдержал крик — он ведь так до сих пор и не верил, что чужеродная часть его личности на самом деле ответит ему.

«Боишься», — констатировал бесплотный голос в его голове.

«Боюсь. Боюсь умереть. Боюсь боли».

«Не бойся. Я не хочу умирать. Я буду нас защищать. У нас одно тело. Мы не умрём».

«Я — нет. А они?»

«Пока они не опасны — будут живы».

«Они не опасны», — с горячностью заверил Адам.

«Не бойся», — повторил внутренний голос, и сознания снова будто бы коснулась теплая и мягкая волна.

Адам улыбнулся, глубоко вздохнул и расслабился. Кажется, со второй личностью удастся поладить. Все-таки на самом деле они — один и тот же человек. У них много общего, и страх смерти как одна из основополагающих черт характера Адама — тоже общий.

Адам с самого детства боялся смерти. Даже тогда, когда ещё толком не понимал, что это означает. Всё умирало — прибитые морозом, осенью засыхали трава и цветы, цепенели и дохли насекомые. Умирили у знакомых собаки, кошки, рыбки... И смерть — это крик, это слёзы. Он помнил, как отчаянно рыдала, кулачками размазывая по щекам слёзы, соседская девочка Джули, у которой машина сбила щенка...

Смерть — это боль. Смерть — это отчаяние. Это страх, длящийся мгновение, которое превращается в вечность. Откуда было взяться этому знанию у ребёнка?

Теперь он понимал. Древнее, мудрое и недоброе, бесконечно усталое существо, которое дало ему жизнь и само получило частичку его жизни, делилось с ним своим опытом, который насчитывал века, а скорее всего — даже тысячелетия.

И как можно было рассчитывать на то, что неокрепший детский рассудок выдержит бремя этого знания?

Адам с рождения был не таким, как другие дети. Он рано сообразил, что другие люди не видят тех странных, забавных, а временами страшноватых существ, которых частенько попадались ему на улицах города, следовали за ним, подавали какие-то знаки, которых он не понимал... Странно, что мать не заметила этого. А может, она замечала, но не хотела верить...

Адам был постоянным пациентом детского невролога и психолога. Лет до четырёх он страдал богатым набором нарушений сна и поведения: снохождение, ночные страхи, беспричинные смены настроения, затяжные истерики... Лечение, лечение. Уколы, таблетки, массаж, водные процедуры. Детский сад для детей с отклонениями в развитии. Адам не помнил почти ничего из этого периода. За исключением маминого взгляда, который он иногда ловил, засыпая. В тёмных влажно блестящих глазах полыхало такое страдание, что даже маленький несмышлёныш Адам чувствовал горячее желание как-то утешить маму, он же чувствовал, как ей плохо... Но просто засыпал, побеждённый усталостью и таблеткой очередного успокоительного.

А потом всё резко прекратилось. Врачи наверняка недоумевали и разводили руками: чудо, не иначе! Что об этом «чуде» подумала мама — Адам так и не узнал. Сам же он запомнил только одно: однажды вечером, когда он засыпал на краешке маминой кровати, на грани между сном и бодрствованием его сознания коснулась какая-то мягкая и тёплая волна... И сразу стало так хорошо и спокойно, и маленький Адам улыбнулся тому неведомому, кто пришёл защитить его от страшных снов и пробуждений где-нибудь в кухне или в кладовке — стоя на дрожащих ногах, во время снохождения налетев на какой-нибудь предмет мебели и громко плача от страха и боли.

Но «спутники» не исчезли. Поскольку они были с Адамом с почти бессознательного возраста и ни разу не причинили ему вреда, он и не боялся их — только со временем понял, что для других людей их не существует, так что попытки рассказать маме «во-он про того» забавного зверя с большими ушами, висящего на стене дома, приводят только к тому, что мама почему-то начинает волноваться, щупать Адаму лоб и торопится скорее увести его с

улицы домой. Наверно, маме просто не нравятся эти звери, решил Адам, и с тех пор они стали его тайными друзьями, с которыми он только украдкой обменивался взглядами и заговорщицкими жестами.

А потом он проговорился.

И с тех пор его странные «друзья» стали для него символами боли и ужаса в глазах мамы. Они несли боль, а значит, они пахли смертью. И он перестал улыбаться и подмигивать им, научился замечать их боковым зрением и отворачиваться, смотреть куда угодно, только не в их сторону. Научился убеждать себя в том, что это просто игра света и тени, солнце в глаза, соринка попала... Изгнал их из своего сознания и мира — как он думал.

Оказывается — не до конца.

А потом выяснилось, что мама знала о *них*. И просто так же, как и он, пыталась выгнать из своего сознания и из своего мира тот факт, что её сын их тоже видит.

А на что она надеялась? Что плод чудовищного эксперимента окажется обычным, нормальным ребёнком?..

Да, Адам старался изо всех сил, чтобы стать — или, точнее, *казаться* таким. Больше всего на свете он боялся причинить боль маме. Потому что боль — это смерть.

Маме и так постоянно было больно. Она плакала и кричала во сне. Просила оставить её в покое, не трогать, отпустить... Но, похоже, её так и не отпустили. Отзвуки этих криков, хриплых, отчаянных, Адам продолжать слышал до сих пор — нет, не во сне. Чаще — наяву.

А потом случилось то, чего Адам так отчаянно боялся всю свою жизнь. Мама умерла. И вместе с ней умерла надежда когда-нибудь узнать, понять: кто же он такой на самом деле?

Адам резко сел, хватая ртом воздух. Он всё-таки уснул?..

Нет, это просто тот, *второй* коснулся разума.

Так вот зачем он здесь...

Просто именно здесь, в родных подземельях Идри, спрятан тот ответ, который мама унесла с собой в могилу.

Кто он, Адам?

Вдруг стало жутко холодно.

А хотел ли он это узнать?

Страх — это боль. Боль — это смерть.

Не поддаваться страху...

Адам обхватил себя руками, часто, со всхлипами дыша.

— Эй, ты чего? — раздался в гулкой тишине коридора шёпот Пауля.

— Нормально, просто сон плохой, — с трудом выговорил Адам, усилием воли унимая сотрясающую тело дрожь. — Всё, сплю дальше, — он улёгся на спину и задышал размеренно и медленно, успокаивая сердцебиение. Ничего не угрожает... Он ведь обещал...

И — новый приступ страха, новая волна дрожи сотрясла тело.

А почему он так уверен, что на самом деле вступил в контакт со своей «второй личностью», а не придумал этот внутренний диалог — для самоуспокоения?..

Что, если он просто обычный сумасшедший?

«Спокойно... Спокойно, Адам... Дыши. Вдох, раз-два-три, выдох. Спокойно».

Главное — не дёргаться. Потому что дёрнешься — получишь пулю в лоб или нож в сердце от командира или от Пауля. А главное для нас что?

Правильно. Главное — выжить. Сумасшедшим или нормальным, человеком или

чудовищем, Адам отчаянно жаждал только одного — жить.

Пульс постепенно успокаивался, дыхание стало ровным, спокойным уже без напряжённого контроля. Адам закрыл глаза и наконец позволил сознанию соскользнуть в сон, в чёрную пустоту, на краю которой его разум балансировал последние полчаса.

***

Айви сменила Пауля как раз тогда, когда усталость одолела страх, и часовой начал позорно клевать носом. С благодарностью кивнув, он вытянулся на спине, не ощущая ни жёсткого неровного пола под собой, ни впивающихся в затылок острых граней чего-то лежащего в рюкзаке, и мгновенно заснул.

Проснувшись, он обнаружил, что Айви и Адам уже успели вскипятить воды на походной горелке и, как ни в чём не бывало, пьют чай с шоколадом. На полу перед ними лежала разложенная карта, в которую то один, то другая время от времени тыкали пальцем, проводили кривую черту и вопросительно взглядывали на собеседника.

Паулю стало не по себе: ему показалось, что эти чёртовы потомки эордианских божеств общаются как-то телепатически, чтобы он, Пауль, не мог выяснить, что они задумали.

— О, наконец-то, — весело сказала Айви, заметив, что бывший лучевик пошевелился. — Давай сюда. Во-первых, мы ещё не весь чай выпили... Поторопись. А во-вторых, ждём твоих предложений. Мы тут немного заблудились, да... — она чему-то широко улыбнулась и неожиданно подмигнула Адаму.

Это выглядело до того дико, что Пауль покрылся мурашками.

— Ты смотри, как его перекосило, — прыснул Адам, заметив ошарашенное лицо напарника. — Да не бойся, мы не спятили. Так, дурачимся немного, чтобы обстановку разрядить. Айви рассказала, что это один из психологических приёмов реабилитации тех, у кого родственники умерли от чумы. У них в лечебнице так делали.

— А-а, — с облегчением протянул Пауль. — А я и правда напугался, на вас глядя.

— Да, об этом мы как-то не подумали, — смущенно сказала Айви и забросила в рот ещё кубик шоколада. — Мы-то уже полчаса так сидим. И расслабляемся по полной, да ведь? — она покосилась на Адама, тот энергично закивал. — Похоже, метод-то рабочий. А начали мы... знаешь с чего? Сыграли в «камень-ножницы-бумага». Победителю досталось на один кубик шоколада больше.

— И шоколад вы лопаете просто так, — вздохнул Пауль. — Неприкосновенный запас. Точно в детство впали.

— Да мы чуть-чуть... — ухмыльнулся Адам. — Вставай, и тебе два кубика выдадим. А то ты чересчур бледный и мрачный.

— Давайте, — Пауль достал кружку и налил себе остывшего чаю. — А что там с картой? Вы серьёзно сидите и гадаете насчёт направления?

— По сути — да, — Айви обвела пальцем участок на карте. — Можно сказать, что мы где-то вот тут. Но это вся конкретика. А если говорить о точности нашего местоположения, она не радуется — плюс-минус пара километров.

— А как же твои замеры углов и расстояний?

— Ну-у, — командир развела руками, — относительно какой-то точки наше местоположение можно рассчитать довольно точно. А вот местоположение самой этой точки — извините...

— Весело...

— Не то слово. Присоединяйся, — и Айви пододвинула к Паулю лист карты.

После множества приблизительных вычислений всё-таки было принято решение о том, как и куда двигаться. Пауль предложил спуститься на пятый слой — «Чего тянуть-то!», и никто не возразил.

— Стало быть, ищем спуск, а дальше как тропа выведет, — сказал Адам.

— Не совсем, — Айви строго глянула на него. — Общее направление я пока стараюсь выдерживать. Всё-таки двигаться куда-то совсем не в ту сторону — глупо. Пока есть возможность идти хотя бы *приблизительно в ту сторону*.

— Это само собой. Жаль только, что на все эти измерения столько времени уходит...

— Кому-то потом эти наши карты могут спасти жизнь.

— Это в том случае, если мы сами выживем, — заметил Пауль.

Он сам на это уже не рассчитывал.

И сам удивлялся своему спокойствию, осознавая это.

Как часто случалось и раньше, колодец будто бы из ниоткуда возник посреди коридора, и Пауль снова, чертыхнувшись, попятился от края ничем не обрамлённого круглого отверстия в полу. Айви опустилась на одно колено, отметила на карте пройденное от места привала расстояние и, достав большой фонарь, осветила вниз.

— Лестница, — она удовлетворенно кивнула, выключила и убрала ручной фонарь и прибавила яркость налобного. — Я пойду первой. Адам за мной. Ребятки, — она тяжело вздохнула, поворачиваясь лицом к напарникам, — будьте очень внимательны. Вы уж простите моё занудство, вы и так всё понимаете... вроде бы. Но там, — она выразительно покосилась в провал, — начнётся что-то, к чему мы точно не готовы. И вы за себя отвечать не сможете. И я тоже. И друг для друга мы можем стать самыми страшными монстрами и самыми опасными врагами. Так что...

— Да поняли мы, — тихо сказал Адам, глядя в сторону.

— Вот и хорошо. — Айви еще раз вздохнула, и Паулю вдруг словно пролилась за шиворот ледяная капель: он понял, что командир *боится*. Что она с трудом уговаривает себя спуститься по этой лестнице в жадную чёрную глубину. Пытается не показать виду, но — не справляется.

А ведь именно её хладнокровие — пусть только и внешнее! — всё это время было невидимым щитом, заслонявшим отряд от кошмаров, сообразил Пауль.

— Давай-ка я пойду первым, — спокойно сказал он.

Айви вздрогнула и бросила на него быстрый взгляд. *Догадалась, что он понял...*

— Давай, — кивнула она, стараясь скрыть благодарность, прозвучавшую в голосе.

Пауль без лишних слов сел на край колодца, нащупал ногами ступени и, развернувшись, начал спускаться.

Шаг, перехватить, шаг, перехватить...

Десять, двадцать. Сорок. Шестьдесят.

Стоп. Семьдесят или уже восемьдесят?

Ноги начинают мелко дрожать. Плохо. Плохо...

Вдруг становится жарко. Или это не жар, а холод? Словно морозные иглы впиваются в кожу. А дышать всё тяжелее. Во рту привкус меди.

Шорох одежды и стук подошв по металлическим ступеням тонут в гулкой пульсации крови в ушах и превращаются в совсем другие звуки.

Смех. Кашель. Хрипы.

Детские смех, кашель и хрипы.

«М-мор-ри...»

«*Китти!* Котёнок, иди обедать!»

«Не хочу-у!»

«Иди, иди скорей, котёнок-чертёнок! Пауль пришёл!»

«Пауль? Ой, иду-иду! Пауль, приве-ет! Смотри, что я нарисовала! Я тебя нарисовала!»

Это ты! Правда ведь, похож?..»

Хрип. Кашель.

«Мама... Мамочка... Софи... Мэг...»

Голову сдавливают огненно-ледяной обруч боли, накатывает тошнота. В ушах — тонкий противный писк. Перед глазами пляшут белые мушки.

Это он.

Монооксид углерода.

Он никого не щадит. Ему безразлично, кто ты — невинное дитя или безжалостный убийца. Он просто входит в твои лёгкие, как к себе домой, и растворяется в крови. Прямо как вирус нейрочумы... Вытесняет кислород и занимает *своё* место.

Пауль обеими руками обхватил один из столбов лестницы и замер, зажмурившись и глубоко дыша. Сверху приближались постукивания — следом быстро спускалась Айви.

— Эй, что с тобой? — пробился через отвратительный писк в ушах ее напряжённый голос.

— Сейчас, — прохрипел Пауль. — Отдохну... Сейчас, — его трясло, и он цеплялся за шершавую ледяную металлическую штангу, как в детстве за материнскую руку.

— Держись, — Айви спустилась ещё ниже, её рука легла поверх его кисти, сжимающей перекладину лестницы. Тепло сквозь перчатку... Пауль глубоко вдохнул, задержал дыхание и медленно выдохнул. Открыл глаза.

Морок отступал неохотно, отзвуки детских голосов ещё всплывали среди какофонии хриплого дыхания, шорохов и поскрипываний. Но сознание уже ухватило за спасительную мысль: это всё ядовитые испарения подземелий, это всё ненастоящее...

Может, когда-то оно и было настоящим. Но не сейчас и не здесь. А здесь есть командир, которая, хоть и сама перепугана до полусмерти, всё же держит его, Пауля, за руку и делится теплом...

Он нужен ей живым и вменяемым.

Он нужен...

Нужен.

Пауль встряхнулся, медленно разжал судорожно стиснутые руки и осторожно переставил ногу на одну ступеньку ниже.

— Порядок? — спросила Айви, слегка сжав его руку, прежде чем отпустить.

— Н-ну, — Пауль быстро глянул вверх, — лучше, чем было, точно.

Айви резко вдохнула, явно собираясь сказать что-то ещё, но промолчала и коротко кивнула. Пауль кивнул в ответ и продолжил спуск.

Лестница закончилась внезапно, мелко дрожащие ноги с облегчением утвердились на надёжном каменном полу... который в следующее мгновение с гулом и грохотом обрушился. Ослабевшие руки беспомощно скользнули по ступеням, и Пауль заорал в голос, проваливаясь

в черноту.

Удар о дно этой черноты оказался не столько болезненным, сколько противным и зловонным: громкий плеск, чавканье, с головы до ног окатила тепловатая жижа. Пауль, автоматически сгруппировавшись при падении, погрузился в неё, едва не захлебнулся и забарахтался, пытаясь подняться и оскальзываясь на покрытой слизью брусчатке пола *шестого* слоя.

— Пауль! — срывающийся в панику голос Айви пробился сквозь шум крови в ушах и хлюпанье грязи. Пауль наконец поднялся на ноги, шагнул в сторону и едва не упал снова, споткнувшись об обломки рухнувшего перекрытия. Торопливо содрал с правой руки перчатку, протёр ею стекло налобного фонаря, стянул заляпанные грязью очки и повязку и отозвался:

— Жив! — и замолчал, испугавшись звучания собственного голоса.

Со всех сторон забормотало, зашептало, захныкало тихонько — эхо тысячами разных голосков повторило, искажая до неузнаваемости, это короткое слово.

«Жив... Жи... Жди... Ди...»

Пауль осторожно двинулся вперёд, нащупывая ногами ровные участки пола под слоем грязи. Тусклый свет налобного фонаря упёрся в стену темноты. Ручной фонарь оказался ненамного полезнее — стен свет не достигал, беспомощно прыгая по торчащим из маслянисто поблёскивающей жижи обломкам.

— Ничего не вижу, — сказал Пауль, — погоди немного, сейчас обойду помещение...

— Нет! Стой! — хрипло выдохнула Айви и завозилась, зашуршала рюкзаком. — Стой на месте. Спускаюсь.

Пауль послушался приказа, но продолжил потихоньку продвигаться вперёд, нащупывая ногами пол. Когда Айви спустилась на тросе, и за спиной послышался плеск, он обернулся через плечо.

— Судя по звуку, это большой зал с колоннами или чем-то таким, — сказал он, и слова его исказило и растащило по углам эхо. — Если бы здесь кто-то был — нас бы уже услышали и прибежали.

— Может, и так, — нервно отозвалась Айви, отцепляя трос от страховочного механизма. — Адам! Давай.

Адам спустился и деловито смотал трос, чертыхаясь, когда его концы падали в вонючую жижу.

Айви достала ручной фонарь и выставила яркость на максимум.

— Ну что ж, пойдём поздороваемся, — с веселой злостью сказала она. Пауль покосился на нее. — Шестой слой, — пояснила она. — Тут уж вообще интересно будет. Пойдёмте развлекаться, — она переложила фонарь в левую руку и вытащила кинжал. Пауль сделал то же самое, неожиданно почувствовав прилив уверенности от ощущения ребристой рукояти в ладони.

Помещение оказалось уже знакомым круглым залом-святилищем, только побольше — колонн здесь было тридцать три. В центре, там, где должен был стоять алтарь, будто бомба разорвалась: и от алтаря, и от статуй, и от ближайших колонн остались только обломки. Видимо, поэтому свод и рухнул, подумалось Паулю. Он уже был ненадёжным, а тут ещё почти стокилограммовая туша сверху спустилась...

Выходов из зала оказалось два. Айви вернулась к дыре в потолке, сверилась с картой и решительно указала на дальний. Пауль опередил её, не обращая внимания на недовольное

сопение, поднялся по невысокой каменной лесенке к низкому прямоугольному проёму и выглянул наружу.

— Святые Незримые! — вырвалось у него.

— Ох чёрт! — одновременно с этим прозвучало голосом Айви выражение, обращённое к силам намного более древним, чем хозяева этих подземелий.

За проёмом открылся длинный коридор, залитый ярким светом. В нишах на стенах, в уродливых многорожковых канделябрах, на ящиках и каменных подставках горели сотни свечей. Горели ровно, ярко-жёлтым пламенем, наводящим на мысль об электрических лампах.

И звучала музыка.

Пауль сначала не поверил ушам. Галлюцинации?.. В воздухе разливалась тоскливая, щемящая мелодия, выводимая одним-единственным инструментом, звучащим как нечто среднее между скрипкой и флейтой. От надрывного вибрирующего стога сжималось сердце, охватывали тоска и болезненная апатия.

Пауль помотал головой, пытаясь стряхнуть наваждение — и краем глаза заметил, как изменилось лицо у Айви.

— Слышишь? — тихо спросил он.

— Музыка? — так же едва слышно отозвалась командир. — Ну и пакость... Интересно, мы одно и то же слышим? — и она пропела несколько нот унылой мелодии. Пауль кивнул.

— Вы тоже слышите, — упавшим голосом сказал подошедший сзади Адам. — Значит, тут точно кто-то есть, и он...

Вдруг желтый свет, заливающий коридор, стал нестерпимо ярким, сверкнул бело-голубой молнией и погас. Пауль инстинктивно шагнул вперёд, заслоня собой спутников. После слепящей вспышки темнота казалась особенно густой, и луч налобного фонаря таял буквально в метре от лица. Левой рукой Пауль выхватил второй нож, до боли в глазах всматриваясь в смоляную темень.

Музыка стала громче. Ладони вспотели. Предчувствие опасности прошло по позвоночнику ледяной волной.

Впереди раздался тихий топот. Музыка всхлипнула и оборвалась, и в этот же момент перед лицом Пауля что-то сверкнуло. Рефлекторно уклонившись, он выставил вперед кинжал в левой руке, поднимая правую для атаки. Сталь звякнула о сталь, руку отбросило в сторону. Пауль наугад махнул кинжалом в правой руке — не попал. Справа раздался свист — Айви тоже пыталась попасть по невидимому в темноте врагу, с бешеной скоростью размахивающему слабо светящимся в темноте мечом.

— В сторону! — раздался сзади властный голос — голос Адама или, точнее, сына Идри. Пауль бросился влево, беспрекословно подчиняясь чужеродной силе.

Фонари по-прежнему давали очень мало света, но Адам, казалось, без труда видел в темноте. Звенела сталь, раздавались хриплые выдохи-выкрики невидимого существа, бывший Факельщик же двигался абсолютно бесшумно, лишь время от времени издавая жутковатые утробные смешки.

Пауль тщетно пытался рассмотреть хоть что-то в свете своего налобного фонаря, а Айви, не теряя времени, вытащила ручной фонарь и включила на максимум рассеянный свет, осветив происходящее в коридоре. Две фигуры метались от стены к стене, каким-то чудом не задевая статуи, канделябры и подставки с погасшими свечами: Адам, вооружённый двумя длинными изогнутыми ножами, и непонятное нечто в изодранном кроваво-красном

балахоне с капюшоном, скрывающим лицо. Ростом враг превосходил Адама раза в полтора, но казался в два раза тоньше — не гибкий, а словно многосуставный, ломающийся силуэт. Существо двигалось невероятно быстро, и Адам явно успевал за ним только благодаря *нечеловеческой* реакции своей второй сущности.

Свет вдруг переместился, Пауль бросил взгляд вбок и назад и похолодел. Айви, положив фонарь на пол, обеими руками держала пистолет и сосредоточенно целилась.

По загрявке снова прокатилась морозная волна. Что она собирается делать? Как можно *точно* попасть в одну фигуру из двух, если они так бешено кружатся и скачут?.. Пауль беспомощно смотрел, как командир перемещает дуло пистолета вслед за какой-то видимой одной её точкой в воздухе. Выражения лица за очками и маской не разглядеть — о чем она думает сейчас, на что рассчитывает?..

Выстрелы ударили по перепонкам и по нервам — раз, другой. Изломанная фигура остановилась на лету, смешно подскочила на месте и сломалась окончательно, рухнула на пол. Меч отлетел в сторону, звякнув о камни.

Пауль с хрипом втянул воздух, сообразив, что всё это время не дышал. Айви застыла с поднятыми руками, сжимающими пистолет — а потом вдруг упала на колени, будто это её только что подстрелили, осторожно положила пистолет на пол перед собой и, скрючившись, повалилась на бок.

Пауль одним прыжком оказался на полу рядом с ней, наклонился, услышал тяжелое дыхание — длинные вдохи и выдохи без пауз — и понял, что её тошнит. Положил руку на плечо и ощутил, как Айви колотит озноб.

— У нас трофей, — быстро сказал он, понимая, что лучше всего чем-то отвлечь командира. — Эордианский меч. Поднимайся, пойдём посмотрим.

Айви стянула с лица маску, сплюнула и скривилась.

— Адам... — она приподняла голову и огляделась.

— Всё в порядке с ним. — Пауль оглянулся через плечо. — Сидит и меч разглядывает.

На самом деле Адам сидел, поджав ноги, рядом с трупом эордианца и внимательно разглядывал его лицо, приподняв истрепанную ткань капюшона, но об этом Пауль пока предпочёл умолчать.

— Эй! — окликнул он Адама. Тот встрепенулся, торопливо поднялся на ноги и подошёл ближе.

— Что с ней? — встревоженно спросил он, указывая взглядом на Айви.

— Шок, — коротко ответил Пауль. — Сейчас пройдёт.

Айви медленно села.

— Адам, чёрт тебя дери, — слабым голосом сказала она и вдруг расплакалась, закрыв лицо руками и отворачиваясь.

— Ну чего ты, — Адам опустился рядом с ней на пол — и, к изумлению и ужасу Пауля, обнял командира за плечи. А та, к ещё большему смятению напарника, не только не стала вырываться и отстраняться, а повернулась к Адаму, вцепилась ему в плечи и спрятала лицо у него на груди, продолжая всхлипывать и судорожно вздыхать. Адам поверх её головы встретился с Паулем взглядом, точно таким же ошарашенным, какой наверняка был сейчас у самого лучевика.

«Нервы совсем...» — одними губами произнёс Пауль. Адам еле заметно кивнул.

Надо как-то побереечь командира, иначе... Скоро она пойдёт вразнос. Не железная Айви, ох, не железная, как бы она сама о себе ни думала.

Но как поберечь — в этих условиях?

Да никак. Надо идти вперёд и надеяться на лучшее.

Пауль поднялся на ноги и подошёл к труп у эрдианца. Осторожно опустился на колени рядом, приподнял ткань капюшона. Содрогулся, быстро опустил. Лицо статуи — квадратный четырёхгубый рот, выступающие скулы, впалые щёки. Широко открытые тёмно-лиловые глаза подёрнуты дымкой. Кожа вся в каких-то струпьях, лишаях... Пауль брезгливо потрянул кистью, которой касался одежды эрдианца. Переносят ли местные обитатели нейрочуму?..

Наверняка переносят. Если верны слухи о том, что вирус пришёл из Катакомб.

А слухи эти однозначно подтвердили эти двое чёртовых «избранных». Надо полагать, они знают, о чём говорят. Лучше держаться подальше от трупа.

А вот меч Пауль взял в руки и долго разглядывал, вертя и так, и этак, помахал им, взвесил, выполнил несколько атак, чтобы оценить баланс. Меч был слегка изогнутым, как сабля, лёгким и неправдоподобно острым — может, падающий волосок и не разрезал бы, но близко к тому. Хороший трофей...

Айви наконец успокоилась, поднялась на ноги и встала поодаль, наблюдая, как Пауль упражняется с мечом.

— Дай попробовать, — сказала она негромко, и лучевик мгновенно остановился и передал оружие командиру. Айви отошла подальше, встала в стойку...

Пауль всегда полагал, что «разинуть рот от удивления» — просто фигуральное выражение. Но сейчас он самым натуральным образом разинул рот, уставившись на нечто среднее между боем с тенью, балетом и магическим ритуалом, разворачивающееся перед его глазами.

Эрдианский клинок сверкал в свете фонарей серо-зелёным стальным блеском, как мутноватый весенний ручей. Айви, держа меч двуручным хватом, словно бы перетекала из стойки в стойку, будто бы сама став ледяной живой водой, наполненной энергией весенней пробуждающейся природы, несокрушимой мощью горных рек, напитанных талыми водами с ледников. Пауль знал, что их командир — искусный фехтовальщик и училась у лучших мастеров Академии боевых искусств. Но то, что он видел сейчас, было чем-то большим, чем просто упражнения с мечом. Айви и клинок, как давно разлучённые брат и сестра, нашли друг друга и слились в ритуальном танце узнавания и приветствия.

Шли минуты, Айви не останавливалась, находя всё новые и новые стойки, удары, имитируя уклонения и контратаки. Пауль боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть прекрасный морок. Адам восхищённо сопел, так и не поднявшись с пола. Наконец серебристо-серый вихрь остановился, Айви отсалютовала неведомо кому и подошла к напарникам, держа меч лезвием назад в чуть отведенной в сторону руке.

— Отличный клинок, — только и сказала она. Паулю почудилось в её голосе что-то необычное... Но, поколебавшись, он решил пока считать, что *просто почудилось*.

Айви соорудила из куска брезента «ножны» для своего нового клинка и приладила их к поясу слева.

— Вот, так-то лучше, — пробормотала она. — Идём дальше, пока ещё кто-нибудь не прибежал.

Адам косился на неё с опаской и старался держаться по правую руку. Пауль, смерив щенка презрительным взглядом, встал слева, хотя близость чужеродного клинка и у него вызывала холодок где-то в желудке.

Свечи в коридоре, в котором на группу напал эрдианец, погасли, но через сотню шагов вдали снова забрезжил свет. Айви осторожно вытянула из ножен свой новый меч. Пауль так и шёл, не выпуская кинжал из правой руки. Адам, покосившись на Айви, тоже достал оружие, но не кинжал, а пистолет.

— Здесь ведь уже обычная порода, — вполголоса сказал он, перехватив вопросительный взгляд Айви. — Ты сказала — огнестрел опасен только там, где это чёрное стекло...

— Ну да, ну да, — пробормотала командир — после её собственного «подвига» возразить ей было нечего.

Свет впереди становился ярче, и наконец группа вышла в очередное святилище, на этот раз — всего с одиннадцатью колоннами и без алтаря по центру. Оно было так же ярко освещено сотнями свечей с ровным, неподвластным движениям воздуха пламенем.

Айви не стала обходить зал и разглядывать статуи, ограничившись беглым осмотром — не притаился ли кто-нибудь в тени колонн. Адам, который обычно едва не выпрыгивал из-за спины командира, стремясь всё обшарить и осмотреть, на этот раз насторожённо замер спиной к стене и только медленно поворачивал голову из стороны в сторону.

Айви сверилась с картой.

— Плохо дело, ребята, — сказала она. — Второй выход из этого зала уведёт нас практически назад. Что делать будем?

— А какие у нас варианты? — Пауль пожал плечами. — Пойдём туда и будем искать способ вернуться на прежний курс.

— Так, — Айви кивнула, пряча карту. Пауль отметил, что мнения Адама она не спрашивала — и в брошенном на неё коротком взгляде щечка на долю секунды блеснуло усталое раздражение потомка Незримого. — Будем надеяться, что развилок на этом слое не меньше, чем было наверху. Вперёд.

Новый коридор, неосвещённый, пустой и тихий. Тройной звук шагов дробило и множило эхо. Противный скрип черепков под ногами напоминал писк каких-то мелких тварей...

Или...

Айви коротко вдохнула-всхлипнула, луч фонаря заметался во все стороны, задрожал и наконец замер, высветив...

Пауля передёрнуло.

Шорох, писк, сухое пощёлкивание.

Рябит в глазах. Нет. Просто пол тоннеля шевелится, течёт, идёт волнами.

Навстречу им по коридору катилась отвратительная, волнуемая и тускло поблёскивающая, как поток жидкой грязи, пищащая и постукивающая когтями по брусчатке живая масса.

Крысы...

Крупные, даже не с кошку, а со среднюю собаку. Блестящие глазки, нервно подёргивающиеся морды с короткими усами. Чёрные лоснящиеся шкуры, отвратительные голые хвосты. А сколько их... Сотни.

Пауль так и не понял, каким чудом он ухитрился за доли секунды рассмотреть столько подробностей. В следующее мгновение он уже выхватывал ручной огнемёт.

— Назад! — заорал он. — Адам, чёрт дери!.. Стой! Назад!

Сопляк выхватил кинжалы — хоть пистолет-то не потерял, кретин? — и бросился навстречу шевелящейся реке. Скрестил клинки перед собой, развёл в стороны — брызнула

кровь, полетели ошмётки. Писк усилился. Крысиное море заволновалось сильнее, вокруг Адама образовался «полуостров», который быстро превратился в остров, когда твари сомкнули ряды у него за спиной.

— Уходи оттуда, идиот! — заорал Пауль и вскинул огнемёт. Адам не отреагировал, продолжая яростно рубить крыс вокруг себя. Он уже с головы до ног был покрыт кровью. Несколько десятков тварей уже лишились голов, но море чёрных тел казалось нескончаемым. На что этот ненормальный рассчитывает?

— Отойди! — Пауль бросил взгляд вниз и отшатнулся: пока он орал на напарника, крысиный поток докатился до его ног. Пинком отшвырнув мерзких тварей, он шагнул назад... и споткнулся обо что-то, лежащее на полу. С трудом удержав равновесие, он быстро оглянулся и снова заорал — теперь уже нечленораздельно, дико и отчаянно.

Айви сидела на полу на коленях и пятках, вытянув перед собой руки ладонями вперёд, словно отталкивая кого-то или что-то. Она содрала с лица очки и маску, и лицо её в слегка разбавленной светом фонаря темноте казалось белым, как камень, из которого были вырезаны те жуткие статуи. Глаза были широко раскрыты, но явно ничего не видели, рот искривился в страдальческой гримасе.

Крысы уже облепили её и вгрызались в защищённые только тканью комбинезона ноги, карабкались выше, примеривались к животу и груди, нацеливались на лицо, на застывшие в смертельном ужасе глаза...

Пауль левой рукой ухватил Айви за комбинезон на груди, рывком поднял с пола, подхватил, поставил на ноги, одновременно пытаясь стряхнуть повисших на ней крыс.

— Адам, мать твою! — голос его сорвался на какой-то нечеловеческий визг. — Да помоги, мутант драный!..

Айви что-то бормотала одними губами, но Пауль не мог разобрать ни слова. Обхватив командира за талию, он перебросил её через плечо и обернулся. Где там этот?..

«Этот» стоял в шаге за спиной и протягивал руку.

Пауль вложил в неё огнемёт.

Ад.

Огонь, истошный визг, вонь палёной шерсти.

Дым, удушливый и непроницаемый. Визг усиливается.

И снова.

Огонь. Дым. Визг. Треск. Смерд.

Ничего не видно. Всё уже закончилось? Или только началось?

Кто-то тянет за руку. Кто-то? — естественно, Адам.

— Пойдём!

Куда? Кругом крысы. Выхода нет.

С плеча свисает тяжёлое и какое-то ненастоящее тело командира. Комбинезон промок. Сколько крови...

— Быстрее! — тянет изо всех сил, пытается сдёрнуть с места, отодрать от брусчатки проросшие корнями сквозь камень ноги Пауля.

Шаг. Ещё шаг.

— Вээр...

— Тихо, тихо. Всё хорошо.

Кто это сказал? Второе — Адам. А первое?

— Вээр триарра праа...кх-х-х...

— Молчи. Тихо. Магриар мрар.

— Да перестаньте вы болтать на этом чёртовом наречии! — не выдержал Пауль. — И без вас тошно!

— Сюда, — Адам тянул его за собой, уверенно выбирая путь между обугленными трупами крыс — судя по всему, дым совершенно не мешал ему ориентироваться в пространстве. Пауль покорно шагал, придерживая на плече Айви и с ужасом осознавая, что комбинезон на нём промокает всё сильнее...

— Всё, здесь безопасно, — выдохнул Адам, отпустил руку Пауля и в следующее мгновение мешком свалился на пол.

Пауль наконец смог как следует сфокусировать зрение. В зале, где они оказались, было светло — горел уже знакомые свечи. Лучевик с ходу не мог сообразить, вернулись ли они в уже знакомое святилище или прошли вперёд и нашли очередное такое же.

Пауль осторожно снял Айви с плеча и уложил на пол.

— Да чёрт... — он только глянул на пропитанные кровью лохмотья комбинезона, и в грудь словно бы хлынул жидкий азот.

Столько укусов. Крысы Катакомб.

Заражение неизбежно.

Неужели всё закончится... вот так?..

Он сидел перед командиром, казалось, уже очень долго, смотрел на мокрые обрывки ткани, кажущиеся чёрными в слабом свете фонаря... Понимал, что надо что-то делать — и не мог пошевелиться.

Она же истечёт кровью...

И что? Оно и к лучшему.

Что ты несёшь? Кто сказал тебе, что она заражена?

А разве может быть иначе?

Из оцепенения его вывел резкий толчок в плечо. Пауль завалился набок, выставил руку в сторону и чувствительно ударился косточкой запястья об острый обломок. Резкая вспышка боли немного привела его в чувство.

Адам с ножом в руке склонился над Айви. Пауль рефлекторно дёрнулся, увидев занесённый над командиром блестящий клинок, но опомнился и сообразил, что парень разрезает на командире одежду, чтобы добраться до ран. Айви была в сознании, лицо её едва заметно болезненно кривилось, но она не издавала ни звука и даже не моргала, что пугало особенно сильно.

Адам спиной заслонил Айви от Пауля, и лучевик видел только его энергично двигающиеся локти, слышал шуршание и позвякивание. Адам копался в рюкзаке, доставал одни предметы и прятал другие, звякал ножницами, шипел аэрозоль-антисептик, трещали упаковки перевязочных пакетов.

«Неплохо он умеет обращаться с ранами — для огневика», — мелькнула мысль. Факельщики не подбирают и не лечат своих раненых — а значит, научиться этому на службе сопляк не мог. Да кто ж ты на самом деле, мутант проклятуший?..

— Всё, — Адам устало разогнулся и повернулся к Паулю. — Перевязал. Как уж смог... Изодрали её просто зверски. Наверняка будет заражение. Надо поставить антибиотик. И обезболивающее.

— А может, ребакт? — вырвалось у Пауля. Какой смысл, одёрнул он сам себя. Всё равно от чумы он не поможет. Эх, командир...

Айви дёрнулась, глаза её широко распахнулись, но, поймав взгляд Адама, она расслабилась и снова прикрыла глаза.

— Да ни к чему ребакт, — Адам достал шприц и ампулу с антибиотиком. — Хватит и этого. Доза высокая, поставим трижды — и всё будет хорошо.

— Хорошо? — хрипло переспросил Пауль. — Ты что несёшь? Какое «хорошо»? — он смутно понимал, что его несёт в опасном направлении, но остановиться уже не мог. — Её крысы изгрызли! Крысы! Из Катакомб! Эордианские чёртовы твари! И какое теперь «хорошо»? Нейрочума ей гарантирована!.. И как быстро...

— Нет... — пробормотала Айви. — Не... гха... — она закашлялась и скривилась от боли. Адам торопливо придвинулся ближе, приподнял ей голову и плечи.

— Помолчи, а, — сказал он с какой-то странной интонацией. Пауль сначала ощутил болезненный укол где-то за грудиной — видимо, там, где обитали упрятанные поглубже воспоминания, а потом сообразил, от чего: примерно таким тоном Мэг разговаривала с захворавшими сёстрами.

Айви слабо улыбнулась, немного подняла левую руку над полом. Адам подхватил её кисть и сжал в ладонях — таким нежным, таким привычным и естественным жестом, что Пауль немного опешил. Что за отношения между этими двоими?.. Попробуй он обнять командира — получил бы затрещину. А щечку это не просто сходит с рук, а ещё и всячески приветствуется. Та-ак...

Адам осторожно положил руку Айви на землю, несколько мгновений внимательно вглядывался ей в лицо, потом осторожно поднялся на ноги и махнул Паулю: «Отойдём». Пауль, ещё во власти странного раздражения и подозрительности, неохотно последовал за ним. Отойдя на десяток шагов, Адам развернулся и привалился спиной к стене. Пауль встал в паре шагов перед ним, скрестив руки на груди. Он готовился к непростому разговору, но Адам неожиданно стянул очки и повязку и глянул на старшего напарника жалобно и растерянно.

— Какой же я дурак, — прошептал он, и в голосе его звучало такое искреннее раскаяние, такая злость на самого себя, что Пауль как-то разом оттаял, опустил руки и невольно шагнул ближе. — Это я виноват. Если бы я не полез в кучу этих тварей. Я же знал... — он скривился, едва не плача.

— О чём знал? — снова холодея, спросил Пауль.

— Что Айви до смерти боится крыс, — глухо ответил Адам. — Что она ничего не сможет сделать, если они до неё доберутся. Надо было или оставаться с ней рядом, или тебя предупредить...

— Да уж, — выдохнул Пауль. — И что теперь? Насколько сильно её погрызли?

— Укусов тридцать, — Адам опустил голову, — не смертельно, но заживать будет долго. И тяжело. Надеюсь, антибиотики не просроченные...

— А насчёт нейрочумы... — у Пауля пересохло в горле, и он кашлянул и сглотнул.

— Не будет у неё нейрочумы, — хмуро отозвался Адам. — Не переживай.

— Да почему ты так уверен? Откуда ты, чёрт дери, знаешь? — Пауль снова начал заводится.

— Просто знаю, и всё, — тяжёлым металлом блеснул из-под светлых бровей «щечочка» взгляд сына Идри — и тут же скрылся, сменившись обычным растерянно-жалобным

выражением. — Я точно знаю, но откуда — не могу рассказать. Прости, Пауль. Я понимаю, что ты мне ни черта не доверяешь, я и сам себе не доверяю, что уж тут... Но насчёт Айви — это совершенно точно.

— Она и сама знает, что ей не угрожает вирус? — Пауль прищурился.

— Думаю, она догадывается, — медленно произнёс Адам. — Точно знать она не может.

А вот я — могу.

Стало душно. Пауль со свистом вдохнул полной грудью и закашлялся.

***

Шорох, писк, сухое поскрёбывание. Как шум накатывающей волны, несётся на Айви слитый в единое звуковое полотно негромкий топоток тысяч лапок. Влажно поблёскивающие носы, ртутные капельки глаз, лоснящаяся чёрная шерсть, голые розовые хвосты...

Вот она — смерть. Вот это смерть, а не ваша смешная нейрочума.

Крысы быстро и легко уничтожат вас. Они окружают вас, облепят ноги, вскарабкаются по одежде, вопьются сквозь ткань в тело и начнут рвать его острыми, как иглы, зубами. Вы будете стряхивать их, но на месте каждой твари мгновенно возникнут три, пять новых... Писк, шорох, хруст. И ваши дикие, нечеловеческие вопли.

И польётся кровь. Горячая, остро пахнущая железом и вашим страхом.

И этот запах привлечёт новые полчища крыс из недр лабиринтов. Все подземелья набиты крысами. Не эорда здесь хозяева. И не Незримые.

Это царство крыс. Это их гнездо. Людям тут не место.

Здесь люди — лишь пища.

Белеют где-то в темных пыльных тоннелях дочиста обглоданные кости...

«23 октября. Вернулся Дрейк. Невменяем, непрерывно кричит. Не понимаю, как он вообще нашёл дорогу назад. Штанины комбинезона разорваны, в крови. Хромает и не даёт себя осмотреть. Вколол ему последнюю дозу транквилизатора. Едва подпустил к себе со шприцом. Сильная тошнота, сухие позывы. От воды отказался. Транк. подействовал через 15 мин. Отключился.

Очнулся через час, рассказал, что произошло. Теперь я понимаю, почему его тошнило. На них с Лестер напали крысы. Он отбил, а её загрызли. Они её просто съели у него на глазах. Прости, Джунипер. Покойся с миром. Хотя о чём я? Какой мир?»

Айви рывком села и перегнулась вбок, давась горькой слюной. В желудке было пусто, желчь поднялась к горлу, но всё же отступила. Айви глубоко задышала, но через пару вдохов сорвалась на стон.

Издранные крысами ноги жгло как огнём. И не только ноги. Айви казалось, что у неё болит каждый нерв во всём теле. А от резкого движения боль ещё усилилась, и девушка хрипло закричала.

Чьи-то руки надавили на плечи, принуждая опуститься на подстилку. Айви инстинктивно сопротивлялась — боль не давала толком осознать происходящее. Кто-то выкрутил ей руку, сжал. Сгиб локтя кольнуло.

— О, ты и так умеешь... — произнёс знакомый голос.

Боль уплывала, медленно и неохотно, но всё же отдалялась, словно её отгораживало от сознания слоями ваты. Один за другим... Наконец мучительное, дёргающее жжение притупилось достаточно, чтобы девушка смогла сфокусировать взгляд.

Над ней сидел Пауль с перекошенным от ярости лицом. Над его плечом маячила перепуганная физиономия Адама.

— Оклемалась? — с непонятной злостью спросил бывший лучевик. — Вот и отлично. А

теперь рассказывай.

— С-што? — пересохшие губы и обожжённая желчью гортань отказывались издавать членораздельные звуки.

— Что у тебя там вышло с крысами. Почему ты боишься крыс, но не боишься нейрочумы. Кто ты, чёрт тебя дерит, такая! — рявкнул Пауль.

Адам схватил его за плечо.

— Не ори ты на неё! Она же еле живая! Потом...

— А ты заткнись пока, мутант грёбаный! — зло ощерился Пауль, мотнув головой. — С тобой разговор будет позже. Отдельный. И приватный, — двинув плечом, он оттолкнул Адама, стоящего у него за спиной на коленях. Парень потерял равновесие и шлёпнулся на задницу.

— Итак, — глаза Пауля опасно заблестели. — Я очень внимательно слушаю.

Айви опешила. Что это на него нашло?

— Т-ты чего? Ты не... — она осеклась. Можно ли спрашивать человека, находящегося под воздействием галлюциногенного газа, не находится ли он под воздействием галлюциногенного газа?..

— Я — не, — усмехнулся Пауль. — Я, похоже, единственный из троих пока ещё «не». Рассказывай. Хватит с меня этих ваших грёбанных эордианских тайн!

— Каких ещё эордианских...

— Я сказал ему, что у тебя не может быть нейрочумы, — подал голос Адам. Айви вздрогнула.

— Ты-то откуда это знаешь? — вырвалось у неё.

— Ты сама сказала, что тебе ни разу не ставили ни ребакт, ни террум, — тихо отозвался Адам.

Пауль резко развернулся к нему.

— А причём тут...

— При всём, — Айви наконец поняла, чего от неё хочет лучевик. Ну что ж, пора раскрывать тайны. Во-первых, это может помочь — непонятно, правда, чем, но на всякий случай лучше поделиться всей информацией. А во-вторых... Скрывать больше незачем. Терять уже нечего. Кажется, они только что миновали точку невозврата.

— Ладно, — Айви с трудом приподнялась и села. Боль в ногах всколыхнулась от движения, но быстро утихла, спрятавшись до поры до времени в ватном коконе обезболивающего. — Слушайте. Да, в силу определённых обстоятельств я узнала, что мне нейрочума не угрожает. Точнее, я не была уверена, потому что... Да элементарно мне кто-то мог этого ребакта в чай подлить! И не спрашивайте, зачем, — она чуть переменила позу и поморщилась. — Много что в моей жизни не нравилось людям...

— Какая связь между ребактом и чумой? — нетерпеливо перебил её Пауль.

— Самая прямая, — Айви хмуро глянула на него. — Преподобный Милфорд заключил сделку с Незримыми. Тем не хватало подопытных... И они дали ему этот чёртов сосуд, который преобразовывал любую налитую в него жидкость в лекарство. В чудесную панацею. От всех известных и неизвестных человеческих болезней.

— А чума?..

— А чума — не *человеческая* болезнь, — выразительно произнесла Айви.

— То есть?.. Да не тяни ты!

— Ты знаешь, в каких отношениях Незримые были с эорда?.. Это что-то вроде

симбиоза, но один из симбионтов полностью подчиняет волю и сознание второго. Эорда были нужны Незримым как некие наборы манипуляторов, конечностей, что ли... И эти чёртовы «боги» заставляли своих рабов творить такое... — Айви скривилась. — В общем, те не выдержали многовекового насилия над своей природой. И их стал косить какой-то мор. Они мутировали, сходили с ума — только так они могли вырваться из-под контроля. Незримые стали искать лекарство, ясное дело. А чьими руками они в лабораториях изготавливали всякие зелья и вакцины? Опять же тех самых несчастных эорда. И эти бедолаги окончательно спятили.

— То есть люди стали лабораторными крысами...

— Скорее, морскими свинками, — недобро усмехнулась Айви. При слове «крысы» её снова замутило. — Крысы все закончились. Эорда ведь и размножаться перестали. Неудивительно...

— Так, ладно, — Пауль снова перебил её. — Это всё, конечно, хорошо... То есть ничего хорошего, но я понял. Вопрос у меня другой: откуда ты всё это знаешь, а-а? — и он угрожающе надвинулся на Айви.

Адам спокойно положил ему руку на плечо.

— Тихо, — сказал сын Идри — и от этого голоса воздух словно бы заискрился морозными кристалликами. У Айви перехватило дыхание, а с губ непроизвольно сорвалось: «Вээр...».

— Танаири мрар, — Адам улыбнулся одним уголком губ. — Не пугай его ещё больше. Он вряд ли способен сейчас мыслить здраво.

— Заткнитесь, — слабым голосом сказал Пауль. При звуках эордианской речи его явственно перекосило, но сбросить руку Адама с плеча он всё же не рискнул.

— Пауль, — мягко сказала Айви. — Чего ты так напрягся-то? Мы те же самые люди, с которыми ты полез в Шлюз. Мы тут всё с теми же целями, которые обговаривали вначале. Ты чего злишься-то?

— Не понимаешь? — голос Пауля опять задрожал от ярости. — Так я объясню. Прямым текстом скажу. Всё вы наврали о ваших целях! Герои выискались. Лекарства для выживших раздобыть решили, ага... Спускаемся сюда — и я выясняю, что ни один из вас понятия не имеет, куда идти. Потом выясняю, что вы — чёртовы мутанты эордианские... — голос Пауля неожиданно дрогнул, звякнул... Обидой, слезами?.. — Я вам верил, — продолжил он уже совсем другим тоном. — Я думал, вы такие же, как я. Я думал, вы ищите смысл...

— Какой ещё смысл? — не выдержала Айви. — Что ты за чушь нести начал? Ты точно не под газами местными?

— Так, — Пауль вскинулся, сжав кулаки. — Хватит. Я жду ответа: откуда тебе всё это известно? Про чёртовых Незримых, про проклятущего Милфорда, про сосуд этот грёбаный? И что у тебя там вышло с крысами?

Адам дёрнулся, но Айви жестом остановила его.

— Я стащила и прочитала отчёт последней экспедиции, — слова с трудом выталкивались откуда-то из груди, душили, царапали горло. Но время настало, и удерживать их внутри было больше нельзя — и не имело смысла. — Там написано, что мою мать сожрали крысы. Заживо.

Пауль явственно смутился.

— Я предполагал что-то в таком роде, — сказал он чуть более мягким тоном. — С этим прояснилось. Я... тебе сочувствую. Но это не объясняет всего остального. Откуда ты знаешь

столько о Катакомбах, можно догадаться — раз читала отчёт. Вопрос в том, как тебе удалось его раздобыть. Представляю, как он у вас охраняется...

— Мой отец — Патриарх Церкви, — просто ответила Айви.

В наступившей вслед за этим тишине можно было расслышать не то что дыхание — казалось, биение пульса каждого из троих. Пауль замолчал и замер. Адам медленно поднялся за его спиной, словно став больше ростом.

Вот и сказаны эти слова. Вот и связаны эти словосочетания. «Мой отец» и «Патриарх Церкви». Как бы хотелось Айви, чтобы в её жизни они никогда не стояли рядом!

Семейные тайны, чёрт бы всё побрал...

— Что уставились? — горько усмехнулась Айви. Удалось удивить напарничков, ничего не скажешь... Вон как Адам позеленел. Он-то думал, что раз она с ним по-эордиански говорит, так он всё о ней знает, загордился сопляк, нос начал перед Паулем задирать... А вот шиш тебе. У командира ещё много всякой дряни припрятано — от вас обоих. — Не всё же тебе одному благородным происхождением щеголять... — она перехватила взгляд Адама, дёргающийся между нею и затылком Пауля.

— Да уж... Щеголять, — выдохнул Адам и скрылся за плечом Пауля — обмякнув, опустил на пол. — Я уж теперь и не знаю, кому больше повезло с папашей...

— Вот и я не знаю, — Айви почувствовала во рту химический привкус. — Мой отец — один из тех, кто контролирует производство и применение ребакта. Он чёртов лаборант Незримых! — она сплюнула горькую слюну. — И я до сих пор не понимаю — они его поработили так же, как эорда, или... — она глубоко задышала, подавляя тошноту.

— Или он действует по своей воле, — тихо закончил за неё Пауль. Айви молча кивнула.

Пауль поднялся на ноги и отошёл на пару шагов. Отвернулся, потянулся к поясу. Адам, наблюдавший за ним, подобрался и положил руку на рукоять кинжала. Но бывший лучевик всего-навсего затянул ремень потуже.

— Я хотел помочь людям, — глухо сказал он. — Если бы можно было вернуться назад, и мне снова предложили бы полезть в эту вонючую дыру, чтобы добраться до лекарств для бедолаг из Ветошей — я бы полез. Потому что другие способы самоубийства я считаю... Недостойными, — он обернулся. — Я просто хочу сдохнуть так, чтобы в последний момент жизни меня от себя не тошнило. А вы...

— А что мы? — перебил его Адам. — Какие у нас цели, как считаешь?

— Понятия не имею, — огрызнулся Пауль. — А вы мне не скажете.

— Мы всё тебе сказали сразу, — Айви наконец отдышалась. — Но ты нам не веришь.

— Теперь — не верю, — мёртвым голосом сказал Пауль. — И я ухожу. Один.

— Ты рехнулся? — Адам буквально взвился в воздух.

— Да. А ты — нет? — осадил его холодный, *мертвенно-спокойный* голос бывшего лучевика.

— И что ты собираешься делать? — Айви, шипя сквозь стиснутые зубы, как могла быстро поднялась на ноги и встала перед Паулем. — Без карты. Без напарников для пересечения больших трещин. Куда пойдёшь?

— А какая разница? — Пауль выглядел уже совершенно спокойным — приняв решение, он, казалось, превратился в некое запрограммированное на его выполнение устройство. — Пойду туда, куда дорога выведет. Кое-кто тут высказывал предположение, что нас намеренно направляют куда-то. Если так, значит, там и встретимся... — он опустил на колени у кучи снаряжения и стал выбирать нужное.

Айви словно вдохнула морозный туман. В груди закололо ледяными иглами.

— Спятил, — сказала она и сама поразилась тому, как жалобно прозвучал её голос. —

Пауль. Уймись, пожалуйста... Не делай этого.

— Заткнись, — ровно сказал Пауль, застёгивая «потолстевший» рюкзак. — Ты мне больше не командир... Преосвященство.

Айви отшатнулась, как от пощёчины.

***

Забыться хоть ненадолго... Поспать, пока ещё хоть как-то действует обезболивающее. Раны затягиваются быстро — Адам, оказывается, неплохо разбирается в перевязках и заживляющих препаратах. Это, конечно, радует, но и спать мешает — кожа вокруг ран саднит и чешется. Айви выпила ещё таблетку антигистамина, надеясь, что это уменьшит зуд, и получила, как минимум, полезный побочный эффект: её начало интенсивно клонить в сон.

Проснувшись с дурной головой и с пересохшей глоткой, она осторожно села, прислушиваясь к своим ощущениям. Болит... Сильно. Но уже не так дёргает. Надо поменять повязки. Она огляделась, ища Адама. Парень дремал сидя, привалившись спиной к стене и неудобно свесив голову набок. Надо его разбудить — в такой позе не отдыхают, а окончательно теряют трудоспособность.

Айви поднялась на ноги, хромая, подошла к Адаму и потрясла его за плечо. Парень шумно вдохнул, дёрнулся и выставил руки перед собой в жесте защиты.

— Это я, — Айви предусмотрительно отступила назад. — Просто хотела сказать... Ложись нормально. Шея заболит ведь.

— А, да, спасибо, — сонно пробормотал Адам, повалился на бок, подтянул под голову рюкзак и засопел.

Айви вздохнула и отошла к стене, к своей подстилке. Осторожно уселась, вытянув ноги. Надо сменить повязку да надеть наконец штаны — те, что были на ней, изгрызенные и окровавленные, Адам просто срезал, чтобы перевязать раны на ногах. В Катакомбах не холодно, конечно, скорее наоборот, но без штанов всё равно некомфортно.

Процедура далась нелегко — не раз и не два Айви до крови кусала губу, чтобы не заорать в голос и не разбудить Адама. Под конец, когда все бинты были отодраны от ран, Айви уже без стеснения заливалась слезами. Свежий слой заживляющего бальзама ментоловой прохладой немного притупил боль. Туго забинтовав голени и бёдра, Айви порылась в рюкзаке, нашла запасные штаны и приступила ко второй части своего «подвига» — принялась засовывать непослушные обмотанные толстыми слоями бинтов ноги в штанины.

Когда с одеванием было покончено, она, тяжело дыша, расстегнула куртку, а потом и вовсе стянула, оставшись в мокрой от пота футболке. От тела исходили волны жара, будто она полдня таскала тяжести. Сердце колотилось часто и поверхностно — сказывалась лошадиная доза обезболивающего. Айви подтянула к себе конденсер, вылила из него воду в кружку и жадно выпила.

От скрежета металлического баллона по камню проснулся Адам. Подскочил, как укушенный, заозирался. Наткнувшись взглядом на Айви, выдохнул и обмяк. Не обнаружив поблизости Пауля, сник и обхватил себя руками.

— Не вернулся? — пробормотал он.

— Нет пока, — отозвалась Айви. — Ну, может, проветрится немного, одумается да

вернётся. Если не съедят.

Адам покосился на неё с явным осуждением, но ничего не сказал.

— Слушай, может, объяснишь, что на него нашло? — поинтересовалась Айви. — Я отключилась, вы меня вытащили... От чего он так взбесился-то?

— А ты не поняла? Он же вроде объяснил...

— Он сказал, что якобы мы ему ввали. Вот тут я немного охренела. Как ввали, о чём ввали? Чего он от нас ожидал-то вообще?

— Да вот, знаешь, — Адам вздохнул, — я так понял, что у него какие-то личные счёты к Незримым. А вот какие — ума не приложу.

— Та-ак, — протянула Айви. — Значит, нас он ловит якобы на вранье, но о своих делах с Незримыми предпочёл не распространяться. Ну вернись только, герой... Сама лично голову откручу.

— А я думаю, он не вернётся, — еле слышно пробормотал Адам.

— Почему это ты так уверен? — Айви прищурилась.

— Он как будто себя потерял, — неуверенно сказал Адам. — Как будто сломался. И теперь он ищет скорее смерть, чем выход.

— Ну какого чёрта!.. — простонала Айви. Она чувствовала — Адам прав. Но что всё-таки сломало спокойного, хладнокровного, ехидного лучевика — ей было непонятно. Воздействие здешних газов, полей и прочей чертовщины? Возможно. Но должна ведь быть у человека какая-то «болевая точка», куда прицельно бьют эти факторы. У Адама это — тайна его происхождения и как результат — отчуждённость от людей. У Айви — смерть матери в Катакомбах и конфликт с отцом. А у Пауля?

Айви открыла рот, чтобы задать вопрос, но тут же снова закрыла.

Нечего сказать. И нечего спросить. Слишком мало они успели узнать о напарнике. Слишком мало о себе он счёл нужным рассказать. Вот это прокол, командир... Сунуться в пекло неизвестно с кем. Доверить жизнь — свою и напарника — неизвестно кому...

А впрочем, чего уж тут сокрушаться: об Адаме она тоже знала недостаточно. И о себе, как ни странно это признавать, тоже.

А теперь информация посыпалась на неё, как камни из прорвавшегося истлевшего мешка. Только и следи, чтобы не пришибло или не перебило ногу.

Тайны, чёрт бы их подрал...

И тут Айви в первый раз в жизни засомневалась — а так ли уж хорошо знать правду?

Тайны становятся тайнами не без причины. И охраняют себя сами — не гнушаясь любыми средствами.

Ну что ж, хотели правды? Получите. Сами напросились...

***

Теперь оставалось только ждать. Ждать возвращения Пауля, ждать, пока заживут раны — и пока прояснится в голове. Айви валялась, разглядывала карты, жевала что-то, пила таблетки, ненадолго засыпала. Адам молча рылся в рюкзаке, перебирал снаряжение, чистил оружие. Дремал, привалившись спиной к стене, отчего не всегда было понятно, спит он или просто погрузился в размышления.

Айви только радовалась полной тишине. Разговаривать ей не хотелось совершенно. Она постоянно невольно напрягала слух — не раздадутся ли в коридоре за аркой выхода приближающиеся шаги?

Тишина. Должна бы успокаивать — почему же так пугает?

Шли часы. Сколько их утекло в никуда — Айви даже не пыталась сосчитать.

Проснувшись в очередной раз, она вдруг отчётливо осознала — пора идти. Куда, зачем — неважно. Их время в этом святилище истекло. Она подтянула к себе рюкзак и стала укладывать вещи. Достала бальзам и перевязочные пакеты — перед выходом надо ещё раз сменить повязку.

На этот раз процедура далась намного легче. Регенерирующие свойства бальзама оказались на высоте. Айви управилась за каких-то полчаса и даже почти не ругалась. Одевшись, она уселась на пол у стены и устало привалилась к ней, прижав затылок к прохладному камню.

— А страшно подышать-то, — послышался вдруг жалобный мальчишеский голос.

Айви покосилась на Адама, который сидел у стены шагах в пяти, подтянув колени к подбородку. Заспанный и помятый, он больше обычного походил на подростка.

— Я ведь ничего ещё в жизни толком не видел, — продолжил парень, запрокидывая голову. На тощем горле дернулся острый кадык. — Только из школы — сразу в казармы. К психам этим. Родные умерли. И потом... Ни друзей. Ни... — он повёл головой вправо-влево, прижав затылок к стене, и по пещере разнеслось неприятное шуршание. — Девушки у меня так и не было. Ни разу даже не целовался ни с кем, — он замолчал, будто ожидая какой-то реакции на свои слова. Айви, естественно, промолчала. Что этот сопляк себе думает? Нашел подружку для разговоров по душам...

Адам завозился — зашуршали и заскрипели черепки, устилающие пол — и подо двинулся чуть ближе.

— Слушай... — он кашлянул и сглотнул, и Айви чутким носом уловила исходящий от него терпкий запах страха. Боится? Чего? Что он там задумал? Она не шевельнулась, но внутренне подобралась, готовая в любой момент сорваться с места или перехватить атакующую руку.

— Мы же всё равно тут умрем, это точно, — голос парня вдруг стал заискивающим. Запах страха усилился, но Адам, сделав рукой странный нервный жест, будто брезгливо стряхивал с пальцев какую-то налипшую гадость, все же договорил: — Ты же девушка. Ты могла бы...

Айви остолбенело уставилась на него, не сразу сообразив, что этот ненормальный имеет в виду. А когда до нее дошло...

Лицо Адама в свете лампад выглядело пугающе осунувшимся, под глазами залегли темные тени, которые делали его похожим на одну из жутких статуй в святилищах. Под взглядом напарницы он мгновенно сник и торопливо отполз подальше.

— Ну ты придумал, — Айви покачала головой. — Так и хочется тебе кровушку проверить. Безумие налицо.

— Почему безумие-то сразу, — буркнул Адам, пряча взгляд.

— Потому что — может, разве что нейрочуму я сочла бы достаточным оправданием для этого бреда, — спокойно ответила Айви. — Слушай внимательно, мышонок, и запоминай. Еще один такой намёк — и я достану свою пятую конечность, — она выразительно погладила рукоять кинжала в ножнах на поясе, — и твоя... проблемка отпадёт сама собой. В буквальном смысле, — и она многозначительно покосилась куда-то в область низа живота парня. — И... папашу на помощь можешь не звать. Не успеет он прибежать. Поверь. Не успеет.

— П-понял, — Адам снова судорожно сглотнул и суетливо отполз ещё дальше. — Ох, прости... Что это я вообще несу такое... Чёрт, — он то ли хмыкнул, то ли всхлипнул. — Спятил я, да? Это просто... Правда галлюцинации такие?

— Надеюсь, что они, — усмехнулась Айви, откидываясь на стену.

Адам еще немного повозился, улегся, прижавшись спиной к стене и подложив под голову рюкзак, и наконец-то затих.

Айви сидела неподвижно, вслушиваясь в гулкую тишину подземелья. Казалось, что по коридорам неслышно бродит голодное эхо, которое только и ждет малейшего звука, чтобы вцепиться в него и растрясти, размножить, разбросать по всем закоулкам, кавернам и бездонным колодцам.

Все-таки зря она не оглушила и не связала этого психа...

Вот куда он потащился один?..

— Слушай, — вдруг подал голос Адам. Рано обрадовалась — сопляк ещё не заснул... — Можно спросить?

— Смотри о чём, — устало вздохнула Айви.

— Ты о чём или о ком думаешь, когда вот так сидишь, смотришь в темноту и понимаешь, что мы все скоро умрём?

— Ну, вот прямо сейчас я сижу и жалею, что все-таки не треснула Пауля по башке и не связала, — призналась Айви. — А что?

— Да нет, не об этом я... А вот есть же кто-то, кого тебе в самом деле жалко больше никогда не увидеть? Или наоборот — что вот скоро ты умрёшь и встретишься с кем-то на том свете. Ну, такое поверье... У тебя есть... был парень? Муж? Да, может, и дети — ты же старше меня...

Айви медленно выдохнула.

— Я не хочу наносить тебе травмы, — сказала она ровным голосом, — ты пригодишься мне целым и здоровым. Поэтому я настоятельно рекомендую, — и, молниеносным движением вскочив на ноги и подлетев вплотную к парню, схватила его за куртку на груди, приподняла над полом и трянула так, что он ударился затылком о стену, — заткнуться и никогда, — она трянула его еще раз и закончила отрывисто, повышая интонации с каждым словом: — Не. Поднимать. Больше. Подобные. Темы, — отшвырнув парня, Айви развернулась и шагнула в темноту, шипя сквозь зубы от боли — время для таких рывков, конечно, ещё не пришло... Но уж очень сильно взбесил щенок своим бредом.

— Эй, ты куда? Прости, я больше не буду! — нагнал её испуганный голос. Айви только дёрнула плечом и вышла из святилища в коридор, со злостью топчя хрустящие черепки на полу.

Отойдя шагов на тридцать — сюда свет лампад уже не проникал, и вокруг сомкнулась уже привычная смоляная тьма — Айви остановилась и шагнула в сторону, вытянув руку. Ладонь задела прикрывающую стену полотнище, от прикосновения рассыпавшееся в пыль. Остатки украшений в святилище, такие же пыльные и истлевшие, как и сами божества, которым здесь поклонялись...

Айви, скрестив ноги, уселась на пол и прислонилась к стене плечом и виском. Камни древней облицовки стен, любовно обтёсанные почти до зеркальной гладкости неизвестными, умершими много веков назад строителями, приятно холодили вдруг заплывшую голову сквозь ткань капюшона.

«Парень... Муж. Дети».

«Да пошёл ты!»

Айви даже передёрнуло.

Что значит быть чьей-то женой?

«Ты не посмеешь! Ты моя жена! Я запрещаю тебе!».

Вот что это означает.

«Да, дорогой, не кричи так, разбудишь...».

«Во-от, сейчас ты о дочери вспомнила! А что с ней будет, если ты там сгинешь, ты подумала?.. Да что ты за мать? Посмотри на себя!..».

Грохот мебели, сдвоенные быстрые шаги.

«Отпусти, я поняла! Прости меня. Больше не буду заводить разговоры на эту тему».

«Надеюсь, ты мне не врешь».

«Да как я могу, дорогой...».

Да, она не врала. Больше она не заводила разговоров на эту тему. Просто однажды собралась и покинула дом. Ушла туда, куда её звали беспокойный ум и сердце. Ушла, оставив мужа и дочь — Айви, которую тогда еще звали Анной...

Отец, как мог, старался сгладить ситуацию для дочери. Говорил, что мама просто уехала в экспедицию и скоро вернётся, показывал какие-то сводки из Археологического университета о результатах исследований... Но Анна прекрасно понимала, что случилось на самом деле. Ночами беззвучно плакала, прощаясь с матерью — и училась ненавидеть отца.

«*Не вставай между человеком и делом его жизни...*»

И вот школа окончена, преподнесённый отцом сертификат на обучение в университете на юриста разорван и выброшен в окно.

Здравствуй, Археологическая академия.

Прощай, *папочка*.

Мать оставила немного денег в банке, поручив бабушке Люсии распоряжаться счётом до совершеннолетия Анны. Поэтому отцовские чеки и переводы отправлялись назад, а Анна жила в университетском кампусе скромно, но со спокойной совестью. Подрабатывала вечерами в баре мойщицей посуды, чтобы тратить как можно меньше маминых денег. Они должны были остаться на покупку снаряжения для экспедиций...

Бабушка в письмах иногда вскользь упоминала об отце. И Анне было этого достаточно. Жив — и ладно.

Две клятвы произнесла Анна в свой одиннадцатый день рождения — первый из череды грустных праздников вдвоём с отцом.

Первая: она станет археологом.

Вторая: она *никогда* не станет чьей-либо женой и тем более — матерью.

Осознание ужалило внезапно и больно, как оса, попавшая в складки одежды. Айви тихо заплакала.

Только сейчас она поняла, как это было глупо.

Она думала, что этой клятвой противодействует попыткам отца установить контроль над её жизнью. А что в итоге получилось?

Именно через это решение отец и контролировал её жизнь.

Она не стала врачом или учительницей, актрисой или водителем автобуса. Она стала археологом — только потому, что этого *не хотел* её отец. Только поэтому... Весь мир она променяла на глупую детскую месть. Месть непонятно кому и за что. Месть самой себе — за непонимание и страх.

И теперь эрдианские лабиринты, которые должны были открыть ей тайны о ней самой, позволить свершить возмездие, примирить со своей жизнью — хотя бы и прямо перед смертью, станут просто её могилой. Пыльной, заброшенной могилой. Без имени, выбитого на камне. Без дат начала и окончания земного пути. Без слов скорби и памяти.

Сама виновата...

Айви плакала горько и искренне, как в детстве — в том раннем, настоящем детстве, которое закончилось для неё в возрасте одиннадцати лет. И сквозь слёзы звала единственного, кто мог бы её утешить и защитить:

— Папа. Папочка...

III. ПУСТОТА. 3.1

III. ПУСТОТА

*And if you're taking a walk through the garden of life
What do you think you'd expect you would see?
Just like a mirror reflecting the moves of your life
And in the river reflections of me
Just for a second a glimpse of my father I see
And in a movement he beckons to me
And in a moment the memories are all that remain
And all the wounds are reopening again*

Iron Maiden — Blood Brothers

Дневник Роальда Ругге (выдержки)

1 октября 1993

Состав экспедиции:

- 1. Начальник — Питер Вольф, антрополог, заведующий лабораторией*
- 2. Хорэс Пратт — геолог*
- 3. Джозеф Вернер — геолог*
- 4. Франц Штарк — биолог, химик-фармацевт*
- 5. Арнольд Ланге — биолог, генетик*
- 6. Кристоф Темари — археолог, спелеолог*
- 7. Питер Юнг — археолог, антрополог*
- 8. Роальд Ругге — археолог, старший научный сотрудник (я)*
- 9. Вернон Дрейк — фельдшер*
- 10. Джунипер Лестер — археолог, старший научный сотрудник*

Спуск в Шлюз осуществлён в 10.00 по местному времени. В первый день за 4 часа прошли 2,5 км. Подробности пути записываю в альбом с картами. Сегодня особых трудностей не было, за исключением того, что почти каждого хотя бы по разу стошнило. Здесь как-то необъяснимо воняет — то одним, то другим. Непонятно чем: кругом ничего, кроме камней, чему тут вообще вонять?

Собрали материалы:

1. Образцы ткани, из которой изготовлены занавеси на стенах и покрывала на алтарях. Судя по первоначальному осмотру, ткань сейчас используется другая. (Вывод: цивилизация не вымерла, продолжает отправлять ритуалы, возможно, видоизменяет их. Следовательно, может появиться новый материал и для фармацевтов).

2. Образцы ритуальной утвари, скульптур и пр. Пока всё хорошо знакомо, подобные есть у нас в хранилищах. Но мы всё равно возьмём хотя бы минимальное количество, чтобы произвести сравнение.

Очень душно. Возможно, системы вентиляции тоннелей всё-таки разрушились, и зорда не стали их чинить. Перссон высказывал гипотезу о том, что обитатели Эо спускаются

всё глубже, чтобы мы, жители поверхности, не могли до них добраться. Обидно было бы так и не найти их нынешнее место обитания. У меня обширный план исследований — другого случая попасть сюда может никогда не представиться.

Дневник Анны Лестер

Запись 1. Апрель 2008

Я не знаю, какое число. Да и неважно. Мы спустились в Шлюз 12 апреля 2008 года. Значит, сейчас точно 2008 год и, скорее всего, по-прежнему апрель. Начну вести записи. Не ради пользы или научной ценности. Просто чтобы с ума сходить помедленнее.

Пауль ушёл. Думаю, уже не вернётся. Адам стал тихим и ещё более пугливым. От каждого шороха дёргается и чуть не подпрыгивает. Во сне опять плакал. Держу в кармане дозу транквилизатора. Если начнёт буйнить, не знаю, как буду с ним справляться.

Раны у меня почти зажили. Сегодня мы прошли 4 км. Почти без сложностей. В одном месте пришлось разобрать завал. Затишье пугает больше, чем шум и нападения.

Чувствую себя отвратительно. Тут, в подземельях, чем глубже спускаешься, тем яснее становятся мысли. Странно. Но я многое поняла о себе. Там, наверху, я наделала столько глупостей, что мне сейчас просто до смерти стыдно и тошно. Я свою жизнь сама в полное дерьмо превратила. Не хочется жить. И даже радуется, что жить мне и не придётся — во всяком случае, наверху уж точно.

Только папу жалко. Он будет по мне скучать. Я напишу это здесь, вдруг мой дневник когда-нибудь найдут:

Папа, прости меня за то, что я была такой. Я всё поняла, хоть и поздно. Прости.

П Р О С Т И. Я тебя люблю. Твоя дочь Анна.

11 апреля 2008 года. Резиденция Церкви Священного Сосуда

— Вызывали? — Айви остановилась на пороге, склонив голову и согласно этикету не глядя на хозяина кабинета.

— Входи, Анна, — раздался усталый низкий голос, и она подняла взгляд.

Её отец, Реджинальд Лестер, Патриарх Церкви Священного Сосуда, сидел за массивным дубовым столом у стены напротив двери. Всю обстановку кабинета составляли этот стол, жёсткое кресло, шкаф с книгами справа от входа и три стула для посетителей. На один из них Патриарх и указал дочери.

Айви послушно села и сложила руки на коленях.

— Мне доложили, что ты слишком часто лезешь куда не следует, — ровным голосом начал Лестер. — Что берёшь со своей группой самые опасные квадраты и лезешь в самые крупные заварушки. Позволь поинтересоваться, что тобою движет? — он неожиданно замолчал. Айви ожидала длинной тирады и приготовилась с покорным видом выслушать всю причитающуюся долю ворчания с разными степенями громкости и строгости, но недвусмысленная пауза дала понять, что поставленный вопрос был не риторическим, от неё в самом деле ждут ответа — и немедленно.

Она подняла взгляд на отца.

— А что? Вы ведь знаете, ваше преосвященство, что наш отряд — один из самых результативных в плане спасения выживших и доставки их на базу. Естественно, что мы с нашим опытом и подготовкой...

Патриарх ударил ладонью по столу. Негромко. Но Айви мгновенно замолчала и с

трусом удержалась, чтобы не втянуть голову в плечи.

— Я спросил тебя, зачем ты лезешь в пекло, — не меняя тона, произнёс он. Тихо, спокойно произнёс... Спокойствие и гладкость смыкающегося над головой свежезамешанного бетона. — Я могу ответить за тебя, если ты боишься произнести это вслух. А ты только подтверди, что я прав.

— За меня? Ответить?.. Да что ты вообще можешь обо мне знать! — выкрикнула Айви, забыв про подчёркнуто подобострастный тон обращения солдата к командующему.

— Ты моя дочь, — спокойно заметил Лестер. — Я знаю о тебе достаточно, чтобы... Всерьёз опасаться за твою жизнь и здоровье. Особенно психическое.

— Ты меня в психи записать решил? — Айви зло прищурилась и засунула руки в карманы, что являлось уже прямым и вопиющим нарушением этикета.

— Не я, — тон Патриарха оставался таким же ровным и спокойным. — Ты сама с этим успешно справилась. Ты знаешь, какая у тебя репутация среди других воинов?

— Думаю, да, — Айви вздёрнула подбородок.

— А я думаю — нет, — отец снисходительно посмотрел на дочь. — Они считают тебя чокнутой. Считают, что у тебя перегорели предохранители, — Патриарх выразительно постучал по лбу согнутым пальцем. — От страха.

— Что-о?.. — Айви даже привстала со стула. — От страха?!

— Да, представь себе, — в голосе Лестера впервые проскользнули какие-то нотки человеческих эмоций — бесконечная усталость, разочарование... Боль? — Они считают, что ты рехнулась от постоянного страха, и поэтому как командир представляешь опасность для своих подчинённых. Никто добровольно не пошёл бы к тебе в отряд, спроси любого. И твоим ребятам все искренне сочувствуют.

— Да как так? — Айви не верила ушам. — У меня за полгода даже серьёзных ранений ни у кого не было! И людей мы приводим в среднем больше остальных! Что за хрень ты несёшь?..

— Не ори, — Патриарх чуть повысил голос — как раз настолько, чтобы командирские интонации в нём прорезались, но не возобладали над ледяным спокойствием — так коротко сверкает сталь меча, на пару миллиметров вытянутого из ножен. Демонстрация силы — ненавязчивая, но убедительная. — Ты же не хочешь, чтобы вся база узнала, что нас с тобой связывают... не совсем иерархические отношения?

Айви захлебнулась воздухом и села-упала на стул.

Патриарх откинулся на спинку кресла и сцепил руки в замок.

— Ты теряешь связь с реальностью, — тихо сказал он. — И это меня пугает.

— Ты о чём? — буркнула Айви.

— У меня такое ощущение, что с начала эпидемии ты заигрываешь со смертью. Не чума — так пуля. Не пуля — так зубы мутанта. Зачем, Анни?

— Не называй меня так!.. — зашипела Айви.

— Как хочу, так и называю. В конце концов, это имя тебе дал я.

— Ну так забери обратно!

— Ну и что ты мне сейчас демонстрируешь? — Лестер подался вперёд. — Именно то, о чём я говорю. Ты не в себе. Ты путаешь воспоминания со своими фантазиями. Ты искала виноватого — и создала монстра из того, кто попал под руку. Из меня. Но этот монстр существует только в твоём воображении.

Айви исподлобья глянула на него, постаравшись вложить в этот короткий взгляд всю

многолетнюю, тщательно возвращенную ненависть.

— Ты её бил, — сказала она. — Я слышала.

— Я тысячу раз повторял, — устало вздохнул Патриарх, — и повторю ещё раз, хоть это и бессмысленно. Я — её — не бил. То, что ты слышала, исходило от неё самой. У Джун были серьёзные проблемы с нервами. Она могла...

— Знаю! — Айви снова сорвалась на крик. — Знаю всё твоё враньё, выучила до последнего слова! И то, что ты ей лечиться предлагал, и что каких-то психотерапевтов именитых приглашал... Всё слышала! Но я-то совсем другое знаю...

— Что — другое? — Лестер вдруг как-то перекосясь набок, словно внутри него сломался несущий стержень. — С тобой она на такие темы не говорила, это точно... Откуда ты можешь что-то знать? Ты всё сама напридумывала...

— Она говорила во сне!.. — выпалила Айви — и осеклась.

— Вижу, что-то начало доходить, — Лестер едва заметно улыбнулся. — Послушала собственный бред и уловила несостыковку. Как бы я хотел, чтобы и с Джун такое происходило... хоть иногда.

Айви обхватила себя руками и поёжилась, будто в кабинете внезапно стало холодно.

— Ладно, хватит уже этих... Семейных воспоминаний, — буркнула она. — Зачем вызывали, ваше преосвященство?

— Хотел лично довести до твоего сведения, что ты отстранена от патрульной службы по моему представлению и по результатам голосования на заседании Триумvirата. Чтобы не смотрела на Учителя как на врага. Он был, мягко говоря, недоволен. Но Ректор меня поддержал. Он тоже знал Джун. И хорошо знает тебя. Два голоса против одного.

— Вот! Учитель-то лучше вас знает, чего я на самом деле стою! Это ведь он давал мне задания и принимал донесения!..

— Да-да. И поскольку докладывала ему ты сама, он знал ситуацию только с твоих позиций. А вот у Ректора другие сведения. Среди медиков уже давно распространилось мнение, что в твоём отряде плохо вооружённые и необученные ребята из медицинской академии выживают только благодаря внимательности Лафоре. Который в числе прочего и тебе не раз жизнь спасал.

Айви дёрнулась, хотела было возразить, но... Вспомнила один эпизод, другой. Промолчала.

— Так что теперь именно он стал командиром твоей группы — теперь уже официально. И без такого дестабилизирующего фактора, как ты. А что делать с тобой — мы пока ещё не решили. Ты опасна для других — с этим мы разобрались, хотя бы временно. Но ты опасна и для себя, и нам ещё предстоит понять, как справиться с этой проблемой.

— Да что вы прицепились-то ко мне? Какая во мне такая уж ценность?

— Я просто не хочу потерять... ещё и тебя, — тихо сказал Лестер. — Анни... Посмотри на меня. — Айви, не поднимая взгляда, помотала головой. — Пожалуйста. Прошу. Ты же Святая не по должности, а по призванию... Ты милосердна по своей природе. Посмотри на папу, девочка...

Это было неожиданно. И... Это был запрещённый приём. Айви услышала в голосе отца интонации, которые помнила с детства. Ласковые, успокаивающие... Любящие. И сердце подвело, сыграло злую шутку. Оно... откликнулось.

Айви... вернее, Анна нерешительно подняла голову и встретилась взглядом с Реджинальдом Лестером. С отцом.

И будто тёплая вода заструилась по сердцу. Щекочущие, ласкающие струйки.

Это слёзы. А может, кровь.

Айви захотелось заплакать. Броситься к отцу, как в детстве, обхватить за шею и ощутить, как сильные руки самого сильного в мире человека обнимают, надёжно укрывают от всех бед...

Нет. Это всё обман. Он тобой играет...

Айви опустила взгляд и изо всех сил вцепилась в сиденье стула.

— У тебя глаза Джун, — сказал Лестер. — Я просто хочу смотреть в них... Хоть иногда.

Айви сорвалась с места и вылетела из кабинета. Дверь с грохотом ударилась о стену коридора.

Дневник Роальда Ругге (выдержки)

2 октября 1993

Мы спустились на второй уровень. Здесь легче дышать. Похоже, моя гипотеза насчёт вентиляции верна. Образцы тут интереснее. Я нашёл несколько ритуальных сосудов, подобных которым у нас нет. Дрейк и Штарк сразу же вцепились в них, но Вольф запретил проводить эксперименты на участниках экспедиции. Похоже, Д. и Ш. вознамерились изловить живого эорда. Они не отступятся. Уже наливали в эти сосуды воду и проводили анализы. Хоть у нас и нет с собой точного оборудования, но то, что они получили при помощи походных анализаторов, похоже, привело их обоих в состояние научной эйфории.

Кстати об эйфории. Было несколько странных эпизодов — то один, то другой вдруг начинали хохотать без видимой причины. Когда мы спрашивали, над чем они смеются, те не могли внятно объяснить. Да, нас предупреждали, что тут могут быть галлюциногенные газы. Хорошо бы, если их действие ограничивалось веселящим эффектом.

3 октября 1993

Третий уровень. Спускались по длинной лестнице в узком колодце. Я испытал на себе воздействие галлюциногенного газа (далее буду обозначать ГГ) и чуть не свалился и не сбил спускающихся передо мной. Было очень страшно. Прямо из каменной кладки на меня вдруг вытаращились страшные глаза — с красными радужками и двойными чёрными зрачками. Зрачки вертелись, и это было так противно, что меня чуть не стошнило. Ещё и запах появился мерзкий. Как гнилая трава. Ненавижу этот запах. В общем, день для меня начался неважно.

У всех разные галлюцинации. Темари сказал, что будто погружался в кисель или сильно солёную воду — его просто выталкивало назад давлением. Вернер тоже ощутил запах, но не противный, а скорее слишком сильный запах цветов или парфюма — такой, что даже голова закружилась, и он едва не сорвался. Дрейку достались голоса — они выкрикивали что-то прямо в уши, пугали и будто бы пытались добиться, чтобы он потерял концентрацию и упал. Вольф сказал, что слышал бормотание на эордианском — что-то на тему «белый камень, чёрный камень», насколько он смог перевести. В общем, стараются как могут.

За день прошли 12 км. Это немало, учитывая, что на третьем уровне чаще попадаются завалы из разрушенных стен и перекрытий.

Нашли несколько святилищ эорда. Архитектура и убранство во всех почти одинаковы,

кроме числа колонн, поддерживающих своды. Оно всегда кратно 11. У зорда, напомню, одиннадцатеричная система счисления. На третьем уровне самый большой зал был с 33 колоннами. Говорят, что на более глубоких слоях находили и с 55. Хочу увидеть это собственными глазами.

Апрель 2008

Пауль споткнулся и едва не упал. Пока восстанавливал равновесие, скользнул взглядом по сторонам — и заметил нечто, заставившее споткнуться ещё раз.

Он был в тоннеле один.

И тоннель был совершенно незнакомым. Квадратного сечения, стены сложены из длинных узких блоков, похожих скорее на плиты, а не на кирпичи, как было раньше. Некоторые блоки чуть торчали из кладки, как миниатюрные полочки. То тут, то там на этих полочках прилепились серо-жёлтые свечи, освещающие коридор...

Стоп. Тут Пауль окончательно очнулся, остановился и выронил рюкзак, который почему-то нёс в руке, а не на плече.

Освещающих — как? Тусклым, дрожащим желтоватым светом.

Человеческим светом обычных человеческих восковых свечей.

Что вообще происходит? Где все?

Ногой отшвырнув рюкзак к стене, Пауль заметался по коридору. Пробежал шагов двести в одну сторону, вернулся, пробежал столько же в другую. Сквозь тяжёлое хриплое дыхание под конец «спринта» начали явственно пробиваться истерические всхлипы.

Коридор казался бесконечным. Луч мощного ручного фонаря, выкрученный на максимальную дальность, не высвечивал вдали ничего, кроме таких же, словно сходящихся в одной точке буро-коричневых стен, подсвеченных будто бы плывущим в воздухе желтоватым сиянием.

Пауль на подгибающихся ногах отошёл к стене, к своему рюкзаку. Осторожно сел, привалился спиной к неровной кладке. Ребро одной из «полочек» впилося в затылок. Пауль надавил сильнее. Ну же, голова, работай. Вспоминай...

Последним, что он помнил, был тяжёлый запах крови. Склонённая над чем-то — или кем-то? — спина Адама. Так, что случилось? Крик, слёзы...

Крысы.

Пауль вскинулся, чувствуя, как все волосы на теле встают дыбом, и огляделся по сторонам. Прислушался. Тихо. Всё тихо. Это было не здесь. Это было не с ним.

Айви изгрызли крысы. Он вытащил её, точнее, их обоих вытащил чёртов зордианский полукровка. Самого Пауля, может, цапнули пару раз, он не заметил...

...А вот с этого места поподробнее. Пауль, мгновенно покрывшись ледяной испариной, торопливо вскочил и стянул штаны. Осмотрел и ощупал ноги. Нет, укусов нет. Спокойно. Спокойно... Нет заражения.

Усевшись снова, Пауль нащупал затылком выступ, проясняющий мысли, стиснув зубы, до боли надавил на него и попытался сосредоточиться. Что же было дальше-то? Почему он один? Где остальные?

Что было дальше... Он смутно помнил какую-то то ли ссору, то ли просто истерику. У кого она случилась? У Адама, наверно. Хотя... Всё тонуло в сером тошнотворном тумане. Как же это, оказывается, неприятно — терять память...

Покопавшись в обрывках воспоминаний, Пауль решил, что всё-таки сам, на своих ногах

покинул лагерь. Вот только с какой целью — он так и не понял, как не смог определить и того, где он сейчас находится и как вернуться. Карт он при себе не обнаружил, что неудивительно: Айви ни за что не отдала бы их... Добровольно. Ну что ж, уже хорошо — значит, чтобы отделиться от группы, он никого не пришиб. Пауль усмехнулся. Вот, значит, какие вы, галлюциногенные газы и магнитные поля... Завели куда-то, поиграть решили. Ну что ж, как завели, так и выведете. Пауль решительно поднялся на ноги, закинул рюкзак на спину и двинулся в том направлении, откуда пришёл.

Через час ходьбы он не на шутку забеспокоился. Коридор тянулся и тянулся — без ответвлений, подъёмов и спусков, обстановка — если можно так назвать её полное отсутствие — также не менялась. Красно-бурые стены, торчащие края плит-блоков, огарки свечей... Пауль, чертыхнувшись, остановился и оглянулся назад. Точно такой же бесконечный коридор. Так... Что-то тут не то.

Порывшись в рюкзаке, Пауль выудил самую бесполезную в нынешних условиях вещь — тёплый свитер, скатал валиком и положил на пол в центре коридора. Затем вскинул рюкзак на плечи и, не оглядываясь, быстро зашагал дальше.

Пройдя сто шагов, оглянулся... И крепко выругался звенящим от страха почти детским голосом. Валик шерстяной ткани болотно-зелёного цвета лежал в шаге позади.

— Ну и чего вы от меня хотите? — выдохнул Пауль, кривясь то ли в сардонической улыбке, то ли в гримасе боли. — Зачем я вам? Чего вам надо? — последние слова он выкрикнул, резко разворачиваясь на пятках и бросаясь бежать в обратном направлении.

Сто шагов. Стоп. Обернуться. Вот он, чёртов свитер, никуда не делся. Лежит, злорадно ухмыляясь, посреди пыльного красно-коричневого коридора.

— Чёрт тебя дери! — заорал Пауль и изо всех сил наподдал ногой по ни в чём не повинной тряпке. Свитер отлетел к стене, а Пауль плюхнулся на его место на колени и жалобно застонал.

Сознание затопила паника, густая и обжигаящая, как раскалённое масло. Пауль содрал с лица маску и очки, сдёрнул перчатки и обхватил руками голову. Раскачиваясь, как в приступе боли, он тихонько мычал сквозь стиснутые зубы и пытался ухватить за скользкий хвост последние остатки самообладания.

«Пропал... Не вернуться... А как там они... Как там Айви... Адам, сопляк... Он один её не вытащит...»

«Так. Стоп. Успокоиться. Как это не вытащит? А кто разогнал крыс, когда ты, могучий храбрый лучевик, стоял как статуя и только что в штаны не напустил?»

«Но Идри же не вселяется в него по заказу. В другой раз может и не прийти на помощь...».

«Не тебе судить, паникёр чёртов. Адаму виднее, что там у него за отношения с папашей. Да и сама Айви Незримым не чужая...».

Так. Пауль отнял руки от лица и глубоко вздохнул. Задержал дыхание и медленно выдохнул. И снова вдохнул — резко и со всхлипом.

Он вспомнил! Вспомнил, почему и как он ушёл от группы.

Он дико обозлился на этих «чёртовых эордианских выроdkов» за то, что они якобы скрывали от него истинные причины своего стремления в Катакомбы. А он, значит, поймал их на вранье...

Пауль застонал и бессильно плюхнулся на задницу.

Он. Поймал. Их. На вранье.

Он запрокинул голову и засмеялся, срываясь на вой.

2004 год. За месяц до смерти семьи Пауля

— Ты куда? Элизабет, я с кем разговариваю?! Стой!

— Мам...

— Что «мам»? Куда собралась на ночь глядя, спрашиваю?

Ильса стоит у двери, положив одну руку на кованую ручку, а второй сжимая какой-то свёрток. Всё тело её напряжено, будто она опасается, что мать сейчас выберется из продавленного кресла и бросится за ней.

— Что в руке? — мать тяжело дышит, пытаясь выпутаться из складок рваного одеяла. Ильса быстро взглядывает на неё и снова отворачивается. — Отвечай, чертовка! — голос пожилой женщины срывается на визг.

— Мам? — из своей комнаты высовывается Пауль. В гостиной горит лампа, и он щурится после темноты своей спальни с плотно занавешенными окнами. Силуэт сестры у двери кажется непроницаемо-чёрным.

— Уйди! — шипит на него мать. — Скройся!

— Да в чём дело-то? — Пауль, естественно, не слушается приказа и выходит в гостиную. Останавливается посреди вытертого малинового ковра и растерянно переводит взгляд с сестры на мать. — Чего ты орёшь-то на неё? Ей уже не шестнадцать, хочет уйти на ночь глядя — пусть идёт...

— Ты погляди, что она с собой взяла! — визжит мать, наконец отбрасывая одеяло и тяжело поднимаясь на ноги. Делает шаг к дочери, та отступает, прижимая к себе таинственный свёрток.

— А что это такое-то? — Пауль всё не может сообразить, в чём суть конфликта. Сестра что-то похищает у мамы? Выносит из дома какие-то ценности?

— Незачем тебе знать, — шипит мать, боком-боком подбираясь к Ильсе. Та дёргает ручку вниз и выскакивает на лестничную площадку. Мать с криком бросается за ней, но налетает на захлопнувшуюся дверь и бессильно молотит по ней руками с узловатыми пальцами и пергаментно-сухой кожей.

Пауль перехватывает запястья матери, разворачивает её к себе.

— Ну-ка тихо. Сядь, — он осторожно ведёт её назад к креслу. У Гертруды пару месяцев был инсульт, и такие волнения ей точно ни к чему. Усадив мать и закутав ей ноги одеялом, Пауль садится перед креслом на корточки, берёт худые кисти матери в руки и легонько сжимает. — Ну что такое-то? Расскажи, а то, может, мне пойти догнать её?

Гертруда выпрямляется, в глазах её ненадолго загорается давно потухший зелёный огонь.

— Нет уж, Полли, — горестно вздыхает она. — Если уж дочь Арнольда Ланге что-то вбила себе в голову, никто её не остановит...

Пауль медленно поднимается на ноги.

Арнольд Ланге.

Пакет из коричневой крафт-бумаги.

Шкатулка, всегда запертая на ключ, у маминого изголовья.

Почему ни он, ни сестра ни разу не слышали настоящего имени своего отца?

— Она стащила какие-то документы? — хрипло спрашивает он.

— Да, сынок, — голос Гертруды звучит как звон треснувшего медного колокола —

тревожно и мёртво. — Она нашла ваши метрики. И пошла с ними в Церковь. Считает, что они что-то нам... То есть вам ещё должны.

— Церковь? — Пауль снова опускается на плешивый ковёр. — А причём тут Церковь? Мама... Мам?..

Мать больше не произнесла ни слова. Пауль сначала насмерть перепугался — думал, что её парализовало, пропала речь. Но всё же он был медиком, хотя и стоматологом-младшекурсником.

Поняв, что мать просто ушла в себя, замкнулась в своей тревоге, он отступился от неё с расспросами, не без труда уговорил прилечь, и она, повздыхав, всё же забылась тревожным сном. Сам он погасил свет, уселся в кресло, поставив локти на колени и уткнувшись лбом в сцепленные руки, и стал ждать возвращения сестры.

Ильса вернулась за полночь. Входная дверь открылась беззвучно, в прихожую скользнула невидимая в темноте чёрная тень. Пауль вскинулся и зажёл припасённый крошечный фонарик. Рассеянный луч высветил заострившееся, какое-то разом постаревшее лицо сестры.

— Куда ты ходила? — еле слышным шёпотом спросил он. Ильса дёрнулась, закрываясь рукой от света, и Пауль заметил, что пакета при ней нет.

— Полли, — выдохнула она, — ну зачем ты в это лезешь? Не надо тебе знать...

— Надо, — перебил её брат. — Я тоже сын Арнольда Ланге, так ведь? — при этих словах Ильса явственно вздрогнула. — А значит, тоже имею право знать всё...

— Ладно, братик, — горько вздохнула Ильса. — Наверно, ты прав. Тебе тоже надо знать. Мало ли что... Только пойдём на кухню. Чтобы мама не проснулась.

— Пойдём, — Пауль на цыпочках последовал за сестрой по коридору.

То, что той ночью он узнал от сестры, не особенно его шокировало. Да, он подозревал, что с их с Ильсой отцом всё совсем не так, как объясняла мать — да она, по правде говоря, и не утруждалась сочинением такого уж правдоподобного вранья. По версии Гертруды, отец её детей был кадровым военным, который служил в закрытых гарнизонах и не имел права официально заводить семью. Выходило, что однажды он приехал в отпуск — и через девять месяцев родилась Ильса, потом он приехал ещё раз — через шесть лет — и родился Пауль.

Фамилия у детей была материнская — Грочек. И за все двадцать два года жизни Паулю ни разу не пришлось в голову выяснить, какую фамилию они с сестрой носили бы, зарегистрируй отец отношения с их матерью...

А оказалось — всё так, да не так.

Их отец и в самом деле не имел права заводить семью. Только вот не военным он был, а сотрудником секретного предприятия по производству ребакта.

Из этого следовала ещё одна «любопытная» деталь: сотрудникам упомянутого предприятия строжайше запрещалось покидать его территорию. Ильса ни разу не видела отца, а стало быть, он не появлялся в доме Гертруды с тех пор, как поступил на секретную службу — с года рождения дочери. Родственников на территорию завода тоже не пропускали. И как тогда появился на свет Пауль?..

«Я — пробирочный?»

— Да какая разница, — шептала Ильса, обнимая за плечи ошеломлённого брата, — ну есть же всякие технологии для этого дела, ЭКО, к примеру, и ничего в них нет страшного и

противного. Тебя же не клонировали, а нормально зачали, ну подумаешь, дистанционно...

Пауль сдавленно хмыкнул — а скорее, всхлипнул, уткнувшись носом в плечо сестры. Он был несколько не против высокотехнологичных способов воспроизводства. Вот только уверенности в том, что его биологический отец — действительно Арнольд Ланге, у него почему-то не было. Несмотря на поразительное сходство между ним и сестрой. Что-то было не так. Он это чувствовал. И потом он получил жуткое косвенное подтверждение своим подозрениям — когда мать и Ильса в одночасье заболели и разорвали друг друга в клочья. Сам же Пауль не то что не заболел, он в это время просто мирно отсыпался после ночного дежурства — и проснулся только от грохота кресла, которое обезумевшая Гертруда швырнула через всю комнату, целясь в свою страшно искореженную мутациями дочь.

Нейрочума обошла его стороной. Смертельный вирус, уничтожающий человечество, пощадил его.

Он — не человек.

Дневник Анны Лестер

Запись 2. Апрель 2008

Адам заболел. Сильный жар, озноб, тошнота. Мне кажется, он простудился. Предложила поставить ребакт — ему-то можно. Странно посмотрел на меня, но согласился. Сейчас спит. Давно уже спит. Я даже волнуюсь. Уж очень давно спит.

Проснулся. Лихорадка прошла. Но что-то не так. Не могу понять, что.

Рассказал, что во сне говорил с отцом. И не может понять, в самом деле говорил или приснилось. Идри сказал, что мы идём не туда. Что надо спуститься ниже и повернуть назад. Прямо на 180 градусов повернуть. И тогда мы выйдем куда нужно. Я была бы рада подсказке. Но что если это всё-таки просто сон?

Дневник Роальда Ругге (выдержки)

5 октября 1993

Начались проблемы. Вернер заболел. Вчера ночью он вдруг закашлялся, да так, что его несколько раз вырвало кровью. Дрейк осмотрел его, сделал анализы. Никаких вирусов или бактерий. Дали антибиотик, изолировали до утра. Ребакт пока решили не тратить, посмотреть, не поможет ли а/б. А В. ночью взбесился и разодрал медицинскую палатку. Рычал, глазные яблоки вращались независимо друг от друга. Странные симптомы. Какой-то неизвестный нейровирус? Дрейк не знает. Вкололи транк., подействовал как-то странно. Не сразу. И не полностью. Никогда не видел, чтобы человек под такой дозой ещё дёргался.

Утром проснулся вроде бы вменяемым. Вольф распорядился вести его дальше связанным. Подчинился. Но смотрит на нас как-то нехорошо. Или мне уже мерещится?

Нашли спуск на 4, но сегодня остались на месте. Спускаться с таким Вернером Вольф не рискнул.

Апрель 2008

Айви, сидя на полу с собранным рюкзаком на коленях, с опаской косилась на копошащегося среди кучи снаряжения Адама. Тот был всё ещё очень бледным, но выглядел странно довольным и даже, как ей казалось, слегка улыбался и напевал, собирая вещи. Вот как теперь отличить хорошее самочувствие и расположение духа у напарника от лёгкой формы помешательства?..

А никак. Не кидается — пока не кидается — и будь рада.

— Идём? — жизнерадостно спросил щеночек, поднимаясь на ноги и закидывая на плечи рюкзак.

— Ты чего такой довольный? — не выдержала Айви, глядя на него снизу вверх.

— А чего мне недовольным быть? — удивился Адам. — Вот вчера я недоволен был, да... Ни попить, ни поесть. А сегодня наелся как следует, сил прибавилось, не тошнит — жизнь прекрасна! Пойдём уже!

— Да уж, и правда — как мало человеку для счастья надо! — фыркнула Айви. — Пойдём... Пока жизнь опять плохеть не начала.

— Что у нас по направлению? — бодро поинтересовался Адам.

— Примерное я вычислила, — сказала Айви с сомнением. — Но по сути уже понятно — выдержать его мы не сможем. Поэтому просто идём куда идётся. И надеемся на случай или на помощь.

— То есть ты... Не доверяешь моему сну? — тихо уточнил Адам.

Айви остановилась и, прищурившись, уставилась на парня.

— А ты сам доверяешь, что ли?

— Не знаю, — Адам сник. Погас, как фонарик, в котором разрядилась батарея. Айви сообразила: он-то верит, что отец приходил поговорить с ним и помочь... А она своими сомнениями — здоровыми сомнениями! — разбивает эту веру.

— Ну ладно, давай проверим, — неохотно выговорила она. — Всё равно не знаю, куда идти. Так почему бы и не попробовать пойти назад?

— Давай, — Адам снова повеселел.

Айви стало не по себе — *ещё больше* не по себе, чем было до этого. Если окажется, что якобы указанный ему отцом путь заведёт их в какую-то ловушку, парень, даже если выживет, явно окончательно утратит почву под ногами. А он и так...

— Смотри! — вскрикнул вдруг щеночек и чуть не вприпрыжку поскакал вперёд.

— Чёрт тебя, да погоди ты!.. — Айви рванула за ним. Что там ещё...

Адам затормозил на пороге очередного святилища и обернулся. Глаза его горели восторгом — видно было даже сквозь очки. Айви подошла ближе и направила луч фонаря в широкий дверной проём.

— Ох ты!..

Это святилище отличалось от всех, что они видели раньше. Здесь не было статуй людей или зорда. Этот зал был посвящён Незримым.

Адам, задрав голову и стиснув фонарь двумя руками, переходил от одного постамента к другому. На шестиугольных каменных колоннах высотой примерно в два с половиной метра стояли, сидели, лежали скульптуры самых причудливых форм, изображающие существ, неопишуемых в своей отвратительности и при этом вызывающих ощущение почти нестерпимой, преступной гармонии.

Многоглазые головы, многопалые конечности. Головы гладкие и покрытые выростами — щупальцами, волосами? Тела шарообразной формы, тела вытянутые наподобие сосиски, тела плоские, как листы картона... Разнообразие форм поражало, но некоторые общие черты можно было заметить абсолютно у всех существ: разрез глаз — миндалевидная форма, изящно приподнятые внешние уголки; тонкие «пальцы» с тремя фалангами — хотя количество самих пальцев могло варьироваться от трёх до шести, причём у одной особи на разных конечностях могло быть различное их число; и странное, необъяснимое сходство «выражений лиц». Все статуи, кого бы они ни изображали, словно смотрели на пришельцев сверху вниз с сочувствием и отеческой снисходительностью.

Адам надолго замер у одной из колонн. Айви подошла ближе и посмотрела вверх. На шестиугольной площадке лежало что-то вроде улитки-слизня с тремя парами конечностей по бокам — две трёхпалые и четыре четырёхпалые «руки» свисали по бокам колонны, будто неведомое существо устало и бессильно припало к камню постамента. Яйцеобразной формы голова с четырьмя глазами, узким безгубым ртом и четырьмя выростами на месте носа была приподнята так, будто существо вынырнуло из дрёмы, разбуженное каким-то шумом снизу.

— Идри, — полувопросительно произнесла Айви.

— Да, — шёпотом отозвался Адам. — Вот так он обычно... Со мной и гулял.

Прилепится к стенке и смотрит на меня сверху... — парень вдруг стянул маску и очки. — Слушай, а правда, чего ради мы до сих пор в масках ходим? От галлюциногенных газов они всё равно не спасают. А каких-то ядовитых газов тут нет.

— А чего это ты решил именно сейчас её снять? — насторожилась Айви.

— Так он попросил, — Адам беспомощно оглянулся через плечо. — Говорит, давно меня не видел, попросил показать лицо...

— Он с тобой говорит? — Айви ощутила, как по загривку прокатилась холодная волна, и отступила от колонны. — Вот прямо сейчас?

— Ну да. Говорит. Сказал, что рад видеть.

— Я не слышу, — Айви старалась, чтобы её голос звучал нейтрально, не напряжённо — но понимала, что ни черта у неё не получается.

— Сейчас, — сказал Адам не своим голосом. И Айви услышала.

— *Сложно распознать истину. Сложно поверить себе. Опасно верить себе. Но и не верить опасно.*

На эордианском. Глухим голосом со странным тембром. Голос исходил не от Адама. Он шёл... Отовсюду.

Айви шарахнулась от колонны и едва не сшибла спиной стоящий позади высокий канделябр.

— Осторожнее! — вскрикнул Адам. — Не бойся! Всё хорошо!

Но Айви не слушала — она пулей вылетела из святилища и остановилась, со всхлипами переводя дыхание, только шагах в тридцати от входа.

— Ну чего ты, — Адам показался в проёме, укоризненно глядя на неё. — Они ведь к нам по-хорошему...

— По-хорошему? — взвизгнула Айви. — Как к лабораторным мышам? Пока до нас очередь на опыты не дошла, можно и покормить, и погладить?!

— Айви, Айви, — успокаивающе заговорил Адам, медленно и осторожно подходя ближе, — не надо пугаться. Они ведь не все такие. Не все жестокие... как фашисты какие-нибудь. Есть и такие, конечно. Но не все. Ведь и люди не все хорошие. Кому, как тебе, этого не знать. Но ты же от всех людей поголовно не шарахаешься...

Айви, не моргая от ужаса, смотрела, как он приближается — и отчаянно пыталась сдвинуться с места. Она понимала, со всей ясностью видела — в глазах, в голосе, в походке: к ней сейчас подходит *не Адам*. Но некая сила будто бы приклеила её подошвы к земле — и склеила губы, не давая вытолкнуть из себя ни звука.

— Не подходи! — зашипела она наконец — и поняла, что сказала это *по-эордиански*. Адам дёрнулся — и замер на месте. Ошеломлённо заморгал.

— Что?..

Айви с облегчением выдохнула.

— Ничего. Всё в порядке. Пойдём скорей отсюда.

Следующие два часа они просто молча шли вперёд — с каким-то остервенением, не экономя силы, неосознанно ускоряя шаг. Айви косилась на Адама с опаской, но и с сочувствием: после визита в святилище и «встречи» со статуей своего предполагаемого отца он выглядел пришибленным, был рассеян и явно размышлял о чём-то невесёлом. Пару раз споткнулся почти на ровном месте. В конце концов, когда впереди показалась арка очередного святилища, Айви решительно приказала:

— Побудь здесь.

Сбросив рюкзак на пол к стене, она подождала, пока Адам, не выказывая ни малейшего недовольства или удивления, усядется рядом с ним, и зашагала по коридору, не оглядываясь, но напряжённо прислушиваясь к происходящему за спиной. Адам приказа не послушался.

Войдя в круглый зал с тридцатью тремя колоннами, Айви сразу же поняла, что поступила правильно. Здесь ждали именно её — одну.

За центральным алтарём, лицом ко входу, стояла статуя Белой Матери с вытянутыми вперёд и сложенными ковшиком ладонями. В них лежало нечто, напоминающее недоразвитый эмбрион. Айви не разбиралась в тонкостях внутриутробного развития человека, но предположила, что плод развит примерно наполовину. То есть после рождения нежизнеспособен.

Осторожно приблизившись к статуе, Айви заглянула под каменные складки капюшона. На неё глянули печальные и понимающие глаза Джун Лестер.

Айви отшатнулась, луч фонаря метнулся вбок. Неловко ступив, она подвернула ногу и вскрикнула от боли. Крик заметался под сводами зала, искажаясь, дробясь на отдельные ноты и снова складываясь — в печальную мелодию, выводимую тоненьким женским голосом, словно кто-то плакал о давней, но ещё кровоточащей в сердце потере.

*— Спи, мой лучик солнца,
спи под каменным одеялом,
искупаю тебя в моей крови,
чтобы ты стал сильным и смелым...*

Айви выронила фонарь и зажала уши. Ударопрочный корпус выдержал, свет не погас, но удар металла о камень разбил наваждение. Голоса стихли. Айви опустилась на пол, нашарила откатившийся фонарь. Ощупала лодыжку — ничего страшного. Посидела с полминуты, медленно вдыхая и выдыхая. А что дальше? Посмотреть в глаза правде — или с позором сбежать?

— Мама?..

Айви поднялась во весь рост и шагнула к статуе, задрав голову — до спазма в мышцах, чтобы не позволить себе трусливо опустить взгляд.

И через несколько мгновений с облегчением выдохнула, сорвавшись на протяжный дрожащий стон.

Показалось...

У статуи было человеческое лицо, это правда. И глаза действительно смотрели печально и сочувствующе. Но она не была похожа на Джун — точнее, она была похожа на всех человеческих женщин сразу, на всех, кто когда-то терял своих детей, рождённых или так и не успевших сделать первый вдох. Одна женщина смотрела в лицо другой, которая если и не стала ещё её сестрой во скорби, то уже понимала — скоро это произойдёт.

Не задумываясь, Айви сняла перчатки, вытянула из ножен эрдианский клинок и медленно провела лезвием по подушечке левой ладони. Показалось, что к руке приложили раскалённое железо, но это ощущение почти мгновенно сменилось успокаивающим холодом. Шагнув к алтарю, Айви протянула ладонь, по которой скатывались крупные тёмно-алые капли, к одному из пустых ритуальных сосудов. Пошевелила пальцами, чтобы усилить кровотечение. Постояла, наблюдая, как на дне чаши скапливается густая жидкость, почти чёрная в голубом свете алтарных свечей.

Синие язычки пламени вдруг встрепенулись, словно в зал ворвался поток свежего

воздуха. Айви вдохнула полной грудью, чувствуя себя на удивление сильной, отдохнувшей, как будто не отдавала кровь, а получала её. Перевернула ладонь, посмотрела — и уже почти не удивилась, не найдя и следа от длинного глубокого пореза.

Подняв голову, она снова заглянула в глаза Матери.

— Я всё правильно сделала, мама? — тихо спросила она. Не осознавая, на каком языке говорит.

Обойдя святилище, Айви не нашла здесь чего-то нового: те же статуи, покрывала, сосуды, свечи. Образцы собирать не стала и заторопилась назад, к Адаму, сообразив, что понятия не имеет, сколько она пробыла здесь — в некоем подобии транс, отдавая кровь.

Адам обнаружился на месте. Он дремал, привалившись к сложенным друг на друга рюкзакам. Лицо его оставалось суровым даже во сне. Айви тихонько уселась в нескольких шагах, решив не будить его, хотя и не прочь была бы достать из рюкзака конденсер и попить — всё-таки потеря крови ощущалась. Но Адам всё же проснулся, суетливо вытащил из-под спины её рюкзак и протянул ей.

— Ну что там?

— Обычное святилище, — Айви принялась увлечённо рыться в рюкзаке, лихорадочно решая: рассказать о произошедшем или лучше не надо?.. Адам, однако, учуял её смятение.

— Не совсем обычное, так? — мягко сказал он.

Чёртов Идри. Ну не мог промолчать...

— Да, не совсем, — Айви достала конденсер и наконец напилась, выиграв ещё несколько секунд на размышления. — Ничего плохого, но... — и она, время от времени косясь на ладонь, где еле заметно белел тонкий шрамик, рассказала о своем ритуальном приношении.

— Интере-есно... — протянул Адам. — Можно глянуть? — он потянулся к руке Айви. Та позволила ему осмотреть и прощупать след от пореза. — Да, любопытно... Если бы ты не сказала, что ещё четверть часа назад отсюда хлестала кровь — я бы не поверил. Шрам есть, но выглядит он старым. Многолетним.

— Значит, они взяли сколько надо и заживили рану, — устало сказала Айви. — Думаю, где-то в эордианских лабораториях сейчас празднуют. Такой уникальный образец заполучили — кровь, не заражённая ребактом...

— Да ещё и от *чистого* человека, — добавил Адам с улыбкой.

Айви молча покосилась на него.

— Ты что, сомневаешься? — ахнул парень, вытаращившись на командира. — Ты — тоже?..

— Не знаю, Адам, — Айви потёрла глаза, — я уже ни в чём не уверена. Вот взять того же Пауля. Ты из неполной семьи, у тебя вроде бы нет отца — юридически, скажем так. А у него? Он о семье хоть что-то говорил?

— Про мать и сестру — да, — Адам почесал затылок, — а про отца... Нет, не припоминаю.

— То-то же. Заметь: у нас всех какие-то странности с отцами. Мой — вообще один из ответственных за производство ребакта. И судя по тому, что меня так и не привили, он прекрасно знает о его свойствах. И, возможно, не дал меня привить именно потому, что хотел сохранить *чистый образец*...

— Да ну тебя, — Адам слабо махнул рукой, — всё-то тебе заговоры в твоей семье

мерещатся... — он осёкся, но было поздно. Айви молниеносно схватила его за руку, дёрнула на себя.

— Ну-ка, ну-ка, — с весёлой злостью, отдающей истерикой, произнесла она, — что тебе известно о заговорах в моей семье... *Вээр?*..

— Вот именно, — спокойно сказал Адам, не пытаясь высвободить руку. — Брат. А у нас не только дети одних и тех же родителей считаются братьями и сёстрами. Тут всё сложнее...

— «У нас»? — Айви выпустила руку Адама и попыталась отодвинуться подальше.

— Ну да, у нас, — Адам невесело усмехнулся. — Я сейчас про вторую семью, скажем так. Связь через кровь. А она может быть очень... неочевидной. Кто-то когда-то дал кому-то кровь, тот поделился ещё с кем-то, и пошло распространение. Но все, кто одной крови, слышат и понимают друг друга. Слабее или сильнее — смотря какой длинной была цепочка связей. Но тем не менее... И я могу немножко залезать тебе в голову, уж прости... — он виновато опустил голову. — Пользовался я этим всего раз или два, и то как бы ненамеренно... Он, — Адам мотнул головой куда-то в сторону и вверх, — иногда так быстро даёт распоряжения, что я не успеваю их осмыслить, чтобы решить, выполнять или нет.

— Он?..

— Ну, отец, — Адам поморщился. — Идри.

— Так получается, он может тобой управлять? — Айви стало жарко, пульс подскочил до ста двадцати, не меньше, а кисти и ступни, наоборот, будто в жидкий азот окунули.

— Нет, — Адам быстро глянул на неё и мгновенно сообразил, о чём она думает. — Ох, Айви, я не то хотел сказать... Он не так... Хотя... — он отвернулся. — На самом деле я и сам не знаю, — упавшим голосом продолжил он. — Я думаю, что моя воля свободна, но это ведь тоже может быть наведённая ими иллюзия, так ведь?

— Само собой, — осторожно сказала Айви, внимательно следя за выражением лица напарника.

— Но я уже говорил — почему-то я ему доверяю, — упрямо сказал Адам, словно с кем-то споря — с самим собой, со своим недоверчивым рассудком? Похоже, так. Сердце, ищущее отцовской любви, спорило с разумом, говорящим, что безжалостный экспериментатор не может быть хорошим, любящим отцом...

— Я понимаю, — тихо сказала Айви. — Понимаю. Я вот... тоже хочу доверять. Ох как хочу. И не могу... А так хочется, — её голос предательски задрожал. Адам обнял её за плечи. Это оказалось так естественно, так *по-родственному* — и ведь уже не в первый раз! — что Айви и умом, и сердцем окончательно поверила — Адам её брат. Как, каким образом, через сколь длинную цепочку крови — неважно.

«А может, в этом и есть смысл?» — подумалось ей.

Потерять родителей — и найти братьев.

Мы не одиночки. Мы не один, один и один. Нас трое. Мы должны идти плечом к плечу.

Пауль... Вернись...

Дневник Роальда Ругге (выдержки)

7 октября 1993

По-прежнему третий слой. Завтра спуск на 4.

Вернера мы потеряли. Ночью он напал на Пратта, и тот спросонья ткнул его в живот ножом.

Вольф распорядился провести вскрытие. Дрейк что-то такое при этом нашёл, что до

сих пор внятно рассказать не в состоянии. Да и вообще, вскрывать друга... Вольфа я, конечно, понимаю. Надо выяснить, в чём опасность. Ну так пошёл бы и сам вскрыл! Тоже медик как-никак.

Апрель 2008

Адам, задрав голову, стоял перед постаментом и глупо улыбался.

Сверху на него сочувствующим, снисходительным и добрым, но при этом оценивающим взглядом смотрел отец.

Идри. Совсем как в детстве, на улицах города. Только маленький Адам тогда не знал, как его зовут. Но уже тогда понимал, чувствовал доверчивым детским сердечком: эта жуткая, ни на что не похожая мешанина щупалец и глаз — его самый лучший друг. Жаль, что маме о нём не расскажешь. Ей бы он наверняка тоже понравился...

И сейчас Адам улыбался, чувствуя, как по всему телу растекается щекочущее тепло, как будто утреннее солнышко пригревает макушку мальчика, который опять забыл надеть кепку, хоть мама и напомнила дважды перед выходом на прогулку. И отец ласково укоряет: «Ну что же ты, теперь напечёт голову, потом опять будешь спать полдня и много интересного пропустишь!».

— Рад тебя видеть, — сказал Адам. Молча, мысленно. Но Идри услышал.

«Я тоже, сынок», — чужая мысль коснулась разума мягко, как кисточка из беличьей шерсти. «Покажи лицо, пожалуйста. Хочу увидеть, каким ты стал. Да и вообще — здесь ваши фильтры не нужны. Они не защищают от страха, ты ведь уже понял, верно?»

— Да, понял, но не знаю, как объяснить остальным.

«Просто скажи. Они поймут. Они ведь не чужие здесь».

А дальше случилось то, что происходило с ним уже не раз — и всегда оставляло двойственное чувство: его собственное сознание словно отправляли отдохнуть, заботливо желая приятных сновидений; но как в его отсутствие пользовались его телом и разумом — он помнил весьма смутно. Или не помнил вовсе. Это пугало, заставляло относиться к самому себе с недоверием и опаской — и искренне переживать за спутников.

Адам хотел доверять Идри. Отчаянно хотел верить, что для него сын — не просто плод эксперимента, возможно, один из сотен подобных ему, более или менее удачных. Но как можно на это надеяться, если ты понятия не имеешь о том, есть ли у этих существ эмоции, хоть сколько-то подобные человеческим?

Что-то привело его в чувство, какая-то короткая фраза. Приказ? Кто его отдал? И какая часть его существа послушалась этого приказа? Адам не знал. Он просто подчинился и бросился бежать подальше от святилища вслед за командиром.

Потом они долго шли молча. Адам чувствовал насторожённость Айви, а сам он был слишком подавлен, чтобы пытаться как-то развеять обстановку. Он думал о том, как же всё-таки ему воспринимать себя. Как сумасшедшего? Или как человека, которому наконец-то приоткрывается истина — хотя бы самый её краешек?..

Адам невольно усмехнулся. Да, наверно, именно так рассуждает каждый сумасшедший, когда только начинает соскальзывать в пропасть безумия. Когда балансирует на краю и думает, что скрип и скрежет под ногами ему просто мерещатся.

Плохо, плохо...

***

— Что ещё он тебе сказал? — спросила Айви. Адам думал, что разговор закончен — командир уже минут пять сидела неподвижно, молча, и невидящим взглядом смотрела в пол.

— Ну, например, что сюда не пускают случайных людей, — сказал Адам. — Что все, кто сюда попадает, так или иначе связаны с экспериментами с кровью Незримых. С тобой понятно, со мной тоже. А Пауль?

— Насчёт Пауля я могу только предполагать, — медленно сказала Айви, глядя куда-то в багровую темноту коридора. — Не буду пока ничего говорить, но... Подозреваю, что ты прав: мы все трое — братья и сестра по крови. Именно по этой тёмной крови, — она взглядом указала на рукоять эордианского меча. — Видел же — у эорда кровь фиолетовая, и у тех, кто там, на поверхности, мутировал, она тоже со временем темнела.

— Но мне же с самого детства постоянно делали анализы, — возразил Адам, — и кровь была самая обычная...

— В том и дело. Похоже, что те, кого мы ловили и убивали наверху — плоды неудавшихся экспериментов. А мы...

Адам проглотил следующий вопрос, как горсть сухого песка.

Дневник Роальда Ругге (выдержки)

8 октября 1993

С самого утра у Лестер началось сильное кровотечение. Говорил я — не надо брать женщину!

Опять застряли. Занялся разбором и каталогизацией образцов.

9 октября 1993

Лестер в норме, теперь проблемы с Вольфом. Его всё утро тошнило, причём отравиться он не мог — все едим одно и то же. В промежутках между спазмами пытался что-то сказать, но речь затруднена. Дрейк хотел поставить транк., но Лестер отговорила — может быть асфиксия рвотными массами.

Взял у меня тетрадь и написал, что ему сильно воняет. Даже если дышит ртом. Никто из нас никаких запахов не ощущает.

Часа через два прошло, но идти он не в состоянии. Опять застряли.

Апрель 2008

Что-то мешало, причиняло неудобство, настойчиво возвращало к реальности из серого марева спасительного забытья. Пауль попытался пошевелиться и хрипло выругался, неловко повалившись на бок. Оказывается, он уже чёрт знает сколько времени сидит на полу, подогнув под себя одну ногу, и она затекла до полной потери чувствительности. А сейчас её колото тысячами иголок. Боль была почти нестерпимой, и Пауль, шипя и непечатно ругаясь, вытянул ногу и принялся её растирать, получив в результате ещё более «приятные» ощущения.

Сколько он так просидел? Он с трудом вспомнил, что вроде бы плакал... Или просто выл, кусая губы и молотя кулаком по каменной кладке стены. Он поднял руку к лицу — костяшки были покрыты запекшейся кровью, смешанной с рыжей пылью. Чертыхнувшись, он достал конденсер и кусок бинта и принялся смывать грязь.

Обработав ссадины и посмеявшись сам над собой — уже почти подох, но заражения

крови всё ещё боится! — Пауль выпил оставшуюся в конденсере воду и сложил вещи в рюкзак. Надо идти. Куда? А какая, в сущности, разница? Не сидеть же на одном месте и не ждать смерти, как какая-нибудь пыльная каменная статуя недоделанного эордианца.

Шагая по коридору, Пауль несколько раз ловил себя на том, что бросает быстрые взгляды вправо-влево, ища спутников, за которыми надо присматривать, чтобы вовремя заметить признаки галлюцинаций. Как же здесь пусто... Его вдруг захлестнуло нестерпимое чувство одиночества, потерянности в недрах планеты. Ощущение километровой толщи камня над головой навалилось и придавило, будто на плечи легла настоящая мраморная плита. Пауль пошатнулся, сгорбился, но упрямо продолжил шагать. Губы противно защекотало, он раздражённо провёл рукой под носом и ошалело уставился на алую полосу на тыльной стороне ладони.

Магнитное поле? Инфразвук? Он торопливо скинул рюкзак и сел на пол. Запрокинул голову, сжав переносицу. Кровь лилась ручьём, стекала в носоглотку, и это было настолько противно, что Пауля чуть не стошнило. Он сильнее сжал переносицу и попытался усилием воли замедлить подскочивший пульс.

В висках бухало, как будто неподалёку забивали сваи под высотный дом. Во рту было горько и отдавало железом. Пауль медленно и ровно дышал, стараясь ни о чём не думать, и считал вдохи и выдохи. На тридцатом вдохе тиски, сжимающие голову, начали ослабевать.

Кровотечение прекратилось. Пауль полез в рюкзак за водой и выругался: в конденсере плескалось от силы миллилитров пятьдесят. На умывание это тратить не стоит... Он осторожно поднялся на ноги, прислушиваясь к ощущениям. Вроде бы прошло... Ничего не давит. Можно идти дальше.

Запах крови безумно раздражал, буквально сводил с ума и вытаскивал из глубины памяти самые отвратительные эпизоды из патрульной жизни Пауля. Разорванные на куски тела — в их числе и женские, и детские. Отвратительные мутации убийц: оскаленные острые зубы, кривые когти, удлинённые узловатые пальцы. Острые волчьи уши на человеческих головах и тёмно-серая волчья шерсть на изящных женских руках...

— Зачем вы всё это устроили? — неожиданно заорал Пауль, остановившись посреди коридора и запрокинув голову. — Зачем вам это всё?..

Сознание заволочла горячая красная пелена. Пауль, из последних сил удерживая себя от того, чтобы не броситься с разбегу на стену, побежал, всё ускоряясь, по коридору. Вымотаться до оупения... Задохнуться и упасть без сил...

Чего он не учёл — так это того, что падать может оказаться слишком высоко.

Когда пол под ногами исчез, Пауль с жутким воплем, странно наложившимся на чувство абсолютной умиротворённости и осознание правильности происходящего, полетел в пустоту.

Дневник Роальда Ругге (выдержки)

10 октября 1993

Наконец четвёртый слой. Здесь очень интересно. И если бы не смерть Вернера, я бы однозначно порадовался тому, что попал сюда. Мы нашли святилище с 44 колоннами, а в нём — необычные скульптуры: до этого нам попадались статуи только из чёрного и красного камня, а здесь было несколько потрясающе красивых скульптур из белого мрамора (или чего-то подобного, не разбираюсь). Что самое странное — эти статуи явно изображают людей. Но не таких, как мы, черты странно искажены. Явно другая форма

костей черепа. Переходная раса?

А что если эорда произошли от людей? Вот это интересная гипотеза!

Нашли несколько книг. Начну расшифровку, не дожидаясь подъёма на поверхность. Не утерплю.

Апрель 2008

Падение отчасти смягчили вода, которой было на полу примерно по пояс, и слой густой грязи под ней. Но всё же удар оказался весьма чувствительным. Пауль едва не захлебнулся, потому что далеко не сразу смог встать на ноги и поднять лицо над поверхностью воды. Отплёвываясь и кашляя, он кое-как протёр лицо и стекло налобного фонаря и огляделся.

Такая же пещера, как десяток предыдущих. Круглый зал с низким потолком и единственным выходом, к которому ведут несколько ступеней. Мелькнула мысль, что эти залы, где уровень пола ниже, чем в коридорах и святилищах — похоже, отстойники, резервуары или что-то в этом роде, и служат для накопления воды, для чего бы она ни применялась.

Попытавшись сделать шаг, Пауль вскрикнул и закусил губу, после чего начал ругаться и отчаянно плевать, снова ощутив во рту отвратительный привкус здешней грязи. Судя по всему, на сей раз падение не обошлось без последствий: ногу простреливало болью. Перелом? Сесть на пол, чтобы получше разобраться с травмой, Пауль не мог: голова скрылась бы под водой. Наступать на ногу было чертовски больно, да и идти по скользкому дну с предположительно сломанной лодыжкой было затеей, мягко говоря, рискованной. Пауль прикинул расстояние до лестницы: метров десять. Ну что ж, какие ещё варианты... Набрав полную грудь воздуха, он опустился на четвереньки и пополз по дну в направлении выхода.

Когда грудь уже разрывалась от недостатка кислорода, руки нащупали первую ступеньку. Отлично, не придётся повторять манёвр. Пауль вскарабкался по невысокой лестнице и наконец вынырнул из вонючей жижи.

Отдышавшись, он выбрался в коридор и огляделся. Всё то же самое: бесконечный красно-бурый тоннель в обе стороны. Редкие свечи, которые скорее обозначают направление коридора, чем освещают его. Пауль достал из рюкзака ручной фонарь, включил. Потрясающая техника. Сколько раз он падал, тонул и подвергался всяким нехорошим воздействиям вместе с хозяином — и до сих пор целёхонек. Чего не скажешь о самом хозяине, кстати...

Пауль, шипя от боли, стянул ботинок и задрал штанину — лодыжка опухала на глазах. Ощупал — вроде бы характерной для перелома резкой боли и подвижности там, где её быть не должно, не обнаружил. Но ощущения всё равно препаршивые. Может, это и не перелом, но от этого не легче. Идти всё равно не получится.

Пауль с досадой стукнул себя кулаком по колену здоровой ноги. Вот же идиот! Кто заставлял лететь чёрт знает куда, не глядя под ноги? Псих! Придурок, спятивший от страха. Ну и что теперь делать?..

Для начала успокоиться, строго сказал он сам себе и полез в рюкзак за аптечкой. Естественно, там нашлись и обезболивающее, и эластичный бинт, и мазь, снимающая отёк. Перевязав ногу, Пауль отполз подальше от входа в вонючий зал-коллектор и расположился у стены. Хотелось есть, но ещё сильнее хотелось сперва прополоскать рот, а воды в конденсере было мало. Он надеялся, что в непосредственной близости от этой лужи влажность воздуха выше средней по тоннелям, и в приборе быстро наберётся достаточное количество воды. Поэтому он, сплюнув пару раз, просто улёгся на спину, подложив под

голову рюкзак, и расслабил мышцы.

В тоннеле было тихо, как и всегда. Но раньше эта тишина на привалах всё же хоть изредка, но нарушалась шуршанием одежды, дыханием, покашливанием, негромкими разговорами напарников — эта тишина не была *мёртвой*. Сейчас же Паулю было до такой степени одиноко — и так страшно ощущать себя единственным живым существом в тянущемся на десятки километров каменном лабиринте, что он невольно начал бороться с этой тишиной — как мог: возился, шуршал одеждой, шмыгал носом, покашливал и в конце концов начал тихонько напевать.

Will we ever know what the answer to life really is?

Can you really tell me what life is?

Maybe all the things that you know that are precious to you

Could be swept away by fate's own hand.

We're blood brothers,

We're blood brothers... *

«Я просто хотел жить. Я хотел чувствовать себя живым. Я хотел просто быть нужным кому-то. Пусть даже тем, кто никогда не узнает моего имени и не увидит моего лица. Но то, что они помнили бы обо мне — просто абстрактно помнили: *тот парень, который вытащил меня из кошмара...* Их воспоминания, пусть недолгие, пусть мимолётные... Они удержали бы меня в мире живых. Не позволили бы исчезнуть, раствориться... в монооксиде углерода, газообразном веществе без цвета и запаха.

А теперь я один. И никто не вспомнит меня. Я — чудовище. Я хуже тех, на кого охотился там, наверху. Я бросил товарищей. И я перед смертью ещё и запачкал память о себе враньём.

Почему я не рассказал? Почему я побоялся сказать ей, как меня на самом деле зовут?

Я ведь знал, что мой отец был в той экспедиции. Знал?..

Я забыл!

Я так старался об этом забыть! Я не хотел быть частью этого эксперимента!

Я... Так же, как и Адам... Я просто хотел... Просто забыл.

Я не врал!...».

Пауль рывком сел и вцепился в голову. Мотая ею из стороны в сторону и раскачиваясь, он выкрикивал что-то, сам не понимая, что кричит. Постепенно крики сменились всхлипываниями и неразборчивым бормотанием. Пауль сначала застыл с прижатыми к вискам кулаками, потом медленно опустил руки и улёгся на спину. Голодная тишина коридора жадно подхватывала и далеко разносила звуки тяжёлого рваного дыхания и сбивчивого шёпота, похожего на бред.

«Эгоист?»

Ну же, скажи, сам себе признайся хотя бы сейчас: чего ты хотел... Чего ты хотел добиться? Ты хотел увидеть в их глазах... Благодарность? Признание того, что ты... Именно ты — герой, именно ты их спас. Ведь не тому ты радовался, что спас их, не тому, что они остались живы. Было бы тебе дело до её жизни... если бы её спас не ты, а кто-то другой? Если бы ты узнал об этом... Ну да, ты бы подумал: вот и хорошо, ещё одна невинная душа избежала страшной смерти... Но где тут искренность, а? Чувства...

Никаких чувств ты не испытал бы. Никаких. Ты такое же чудовище, такое же... Как и все они, и даже хуже. Они мутировали из-за вируса, а ты? Что с тобой-то случилось? Ты ведь изначально был таким! Что тебя таким сделало? Неужели и вправду люди — чудовища по самой своей природе? Монстры без всяких мутаций... Неужели не нужно быть плодом чудовищного... чужеродного эксперимента, чтобы родиться чудовищем и вырасти чудовищем? Чтобы стать таким же, как эти... Нелюди, Незримые... Отправляют детей... Своих собственных детей на лабораторный стол. Помещают эмбрион в пробирку и спокойно наблюдают, как тот развивается. Им же неважно, что этот эмбрион почувствует, когда родится, когда осознает, кем он родился... Когда вырастет и в один прекрасный день подойдёт к зеркалу в ванной и увидит... Посмотрит в глаза монстру. И скажет: это я? Разве это я?

А поймёт ли он? А понял ли я? Нет, похоже, я так ни черта и не понял. Кем я вырос, кем я был, кем я стал, кем я должен был стать... Я так и не понял. Зачем? И я так до сих пор и не понимаю. А может, это мы как раз нормальные, а все те, кто стонет, и плачет, и жалеет, и жертвует собой — все эти дурацкие Святые — может, это они уроды? Может, это они действуют против законов природы, против закона эволюции — выжить ведь должен сильнейший. И продолжить род. Не добрейший, не тот, кто умеет сопереживать и плакать вместе с другими... А тот, кто перешагнёт упавшего и пойдёт дальше. Потому что цивилизация держится на таких. Жизнь на Земле держится на таких. На тех, кто, не вслушивается в жалкий писк рудиментарной совести и просто переступает через упавших и идёт вперёд.

Но что делать-то? Я не хочу быть таким. И я не могу быть таким! Скорее всего, я об этом очень сильно пожалею. Но сейчас я это осознал, я не хочу продолжать...

И что дальше? Остаться здесь? Где мне и место, монстру, уроду... Или попробовать выбраться на поверхность? И что-то изменить... Что? Да что ты можешь изменить, Полли?

Маленький Полли, который кричал сестре: «Ты злая, ты меня мучаешь!», когда она уговаривала тебя принять лекарство или лечь спать вовремя. Да, те, кто желает нам добра, так или иначе становятся в наших глазах мучителями. Они вторгаются в наш мир и наводят там свои порядки. А мы сопротивляемся... Проклинаем их.

И возможно, именно поэтому где-то внутри нас происходит этот надлом. И мы начинаем осознавать: не всё из того, что нам приятно — нам на пользу, и не всё из того, от чего мы страдаем, на самом деле ранит нас. И отсюда следует логичный вывод — не всё, что мы считаем полезным для других, может быть для них приятным. Вот и выбор — оставаться монстрами, чудовищами, но при этом нести некую защиту, или становиться «Святыми» — но своим бездействием способствовать упадку, разложению... Сложно. Сложно! Я не понимаю!

И сейчас, когда я уже не надеюсь с кем-то поговорить об этом, я особенно чётко вижу: даже если для меня есть будущее, я его не хочу.

Я не хочу, я не смогу дальше жить с этим пониманием. Если попробовать вернуться к тому, с чего я начал — я нужен. Я им нужен. Если я выберусь, возможно, я смогу им чем-то помочь. Вопрос в том — нужна ли им эта помощь. Не лучше ли просто отойти в сторону и оставить всё как есть? Вот он, этот вечный жуткий выбор: что будет большим злом — действие или бездействие? У нас всегда есть несколько вариантов действий, и мы выбираем между ними, но всегда остаётся и выбор бездействия, а мы о нём порой даже не

задумываемся... Отойти в сторону и дать ситуации развиваться в соответствии с её внутренней логикой. Ты проявляешь пассивность — или ты проявляешь мудрость? Вмешиваешься или позволяешь событиям происходить естественным путём?

Эорда... Они ведь хотели просто жить. Но пришли Незримые и посчитали, что должны вмешаться, потому что они, видите ли, знают, как сделать жизнь эорда лучше. И что в итоге? Они просто уничтожили целую цивилизацию. Разрушили своей помощью, убили своим сочувствием. Теперь я это вижу. Я вижу, в чём была слабость эорда. Я понимаю, почему Незримые хотели им помочь — если предположить, что мы, люди, вообще способны понять их чувства и мотивы хотя бы приблизительно. Что Незримые дали эорда? Это всё, безусловно, прекрасно и полезно. Магия, чудодейственные лекарства, какие-то генетические технологии, возможно... Но что они при этом у них отняли? То, что было намного, в сотни раз важнее. Возможность быть самими собой. Эорда получили это всё — чужеродное — и утратили своё. Им дали костыли — и у них атрофировались мышцы конечностей. Я не хочу так делать! Не хочу быть такой силой, быть воплощённой подменой понятий! Помощь не должна становиться убийством! Если вопрос поставлен таким образом — я выбираю бездействие. Я не буду делать ничего для того, чтобы найти вас и помочь вам. Я не буду делать ничего, чтобы помочь себе. Если у судьбы есть на меня какие-то планы, пусть она действует сама. Прощайте.»

Пауль проснулся и понял, что проспал чёрт знает сколько времени в неудобной позе: всё тело затекло и ломило, левая рука онемела до потери чувствительности. Растирая руку, он осторожно пошевелил травмированной ногой. Болело заметно меньше, а значит, всё-таки не перелом. Хорошо...

В конденсере набралось поллитра воды, из чего Пауль сделал вывод, что спал он по меньшей мере четыре часа. Теперь можно было и прополоскать рот, и попить, и немного умыться, и поесть.

И снова поставить перед собой вопрос — что дальше?

На месте воспоминаний о часах, предшествующих этому нездоровому сну, в голове колыхался тошнотворный туман. Пауль помнил, что упал в дыру в полу, но не мог вспомнить, как так вышло, что он упал. Помнил, как выбирался из коллектора, но не помнил, как уснул. Складывалось впечатление, что всё это время он находился под воздействием галлюциногенного газа.

Но вот то, что он задавался вопросом — что же ему делать дальше со своей жизнью, он помнил, хоть и смутно. Выводы, которые были сделаны, всплывали в памяти обрывками, не стыкующимися между собой деталями паззла.

Пауль усмехнулся и сказал вслух:

— Иногда в галлюцинациях больше логики, чем в реальности, а?

Эхо уже привычно подхватило его фразу, раздробило на отдельные звуки, разобрало и сложило снова — в непонятную фразу на незнакомом языке, которая повторялась и повторялась на разные голоса и с разными интонациями, пока ошеломленный человек не понял наконец, что хотят сказать ему эти древние пещеры — от имени навсегда покинувших свой дом обитателей:

— *Иногда обмануться — честнее, чем оставаться честным с собой.*

Пауль сложил вещи в рюкзак и осторожно поднялся, держась за стену. Наступил на

повреждённую ногу, покачался, притопнул. Терпимо. Значит, надо двигаться. Куда? Снова по привычке патрульных — вправо.

Коридор, который казался бесконечным, закончился на удивление быстро. Всего минут через двадцать ходьбы — а это около двух километров — Пауль наткнулся на то, что им до сих пор ни разу не попадалось в Катакомбах — на запертую дверь.

Возвращаться назад и искать другой выход не хотелось, и он достал из рюкзака всё, что хоть как-то могло помочь при взломе замка. Повозившись минут пятнадцать и попутно убедившись, что технологии изготовления замков у эорда застряли где-то в средних веках, Пауль наконец услышал долгожданный щелчок и толкнул створки.

В глаза ударил резкий белый свет, и Пауль, зажмурившись, отскочил от проёма: мало ли что бросится на него вместе со светом? Однако ничего не происходило. Он осторожно выглянул за дверь. И, затаив дыхание, шагнул внутрь... В храм света?

Стандартное святилище на двадцать две колонны. Но всё здесь было ослепительно белым: и стены, и потолок, и даже «тумбы», на которых стояли свечи и ритуальные сосуды. И статуи... Такой красоты Пауль ещё не видел ни здесь, в Катакомбах, ни вообще в жизни. Белоснежные, искусно вырезанные то ли изо льда, то ли из кусков кристаллического сахара, то ли из чистейшего дорогого мрамора — они словно светились изнутри, будто поглощали синеватый свет свечей, а затем излучали его — охлаждённым до морозного звона.

Температура в святилище явно была точно такой же, как и в коридоре, но Паулю мгновенно стало холодно, будто он шагнул в рефрижератор. Медленно идя между постаментами и канделябрами, он озирался по сторонам, впитывая эту ледяную чужеродную красоту и растворяясь в ней.

Это было ожившим сном. Воплощением грёзы. Прекрасной предсмертной галлюцинацией, подаренной этим неприветливым местом непрошеному гостю. Потому что в реальности такого просто не могло существовать.

Пауля словно что-то звало, влекло всё дальше в глубь святилища. И, обогнув центральный алтарь, он понял, чей это был зов.

Точно напротив входа у стены стояла статуя, не похожая на другие. Остальные скульптуры в этом святилище изображали людей, и только эта была статуей эордианской женщины. Такой же, как у других, капюшон, прикрывающий лицо — но под ним четырёхгубый квадратный рот, округлённый до «О» в скорбной гримасе; узкие глаза с приподнятыми и сильно заострёнными внешними уголками; нос — четыре отверстия на небольшой выпуклости.

Трёхпалые руки женщины были вытянуты вперёд, и в «лодочке» узких ладоней лежал младенец.

Точнее, фигурка младенца, намертво приковавшая к себе взгляд Пауля.

Кроваво-красная — будто прозрачный стеклянный сосуд в форме ребёнка, наполненный свежей, ещё горячей артериальной *человеческой* кровью.

Пауль машинально протянул к фигурке руку.

Сердце подпрыгнуло к горлу и замерло, будто он спускался на скоростном лифте... А может, даже падал в сорвавшемся лифте...

Голубой свет стал режуще-белым, как в операционной, затем сгустился до ослепляющей синевы. Барабанные перепонки болезненно вдавило. Сердце заныло, голова налилась свинцом. Замутило, резко подскочил пульс, сердце время от времени словно бы спотыкалось и пропускало удары.

Инфразвук?

Пауль схватил фигурку, развернулся и бросился к выходу. Только чудом не сшибив ни одного канделябра, обогнул центральный алтарь и, уже ничего не видя, наугад побежал вперёд.

В голове постепенно прояснялось, и наконец он рискнул остановиться и оглянуться назад. От святилища он отбежал шагов на двести, из щели между полуоткрытыми створками дверей выбивались жёсткие голубые лучи, освещающие начало коридора, но, судя по всему, преследовать Пауля невидимые стражи не собирались.

Сплюнув кровь, которая, естественно, пошла носом и во время бега попадала в полуоткрытый рот, Пауль поднял к глазам руку с зажатой фигуркой. И в очередной раз поразился детализации скульптуры: морщинки и складочки кожи, ногти на крошечных пальчиках... Из-под припухших век смотрели неожиданно и жутковато живые глаза. Пауль невольно засмотрелся в них — и с трудом прервал контакт. От ощущения, что он только что смотрел в глаза живому существу, по загривку прокатилась волна холода. Появилось стойкое неприятное чувство наблюдающего взгляда в затылок. Пауль огляделся по сторонам и предсказуемо никого не увидел. Что ж, теперь уж точно надо ожидать визитов непрошенных гостей — похоже, он стащил некую святыню этого слоя, и её должны попытаться отобрать. А может, вернуть, пока не поздно?..

Пауль посмотрел на двери святилища. Развернулся, посмотрел в глубь коридора. Вполголоса чертыхнулся и зашагал вперёд.

«Не отдам!».

Миновав вход в коллектор, Пауль словно углубился в зеркальное отражение того самого коридора, который остался за спиной. Ни ответвлений, ни дверей... Красные стены, арочный свод, редкие свечи. Полчаса, час пути...

Нога начала настоятельно просить об отдыхе. За всеми этими чудесами Пауль почти забыл о травме, но пострадавшая конечность не забыла: если под действием адреналина и прочих «отвлекающих факторов» он смог без заметных неприятных ощущений пройти на повреждённой ноге десяток километров, рано или поздно должна была наступить расплата. И она настигла его как раз перед долгожданной развилкой.

Нога ступила на незаметную глазу неровность пола, лодыжку прострелило болью. Пауль охнул, перенёс вес тела на здоровую ногу и остановился. Спешка и некоторая невнимательность объяснялись тем, что он увидел впереди — метрах в двухстах — темнеющий в левой стене проём и заторопился к нему, устав от однообразия бесконечного коридора. Подумав, он решил пока не приближаться к развилке — мало ли что его там поджидает. Доковыляв до стены, он сбросил рюкзак и осторожно уселся на пол.

Нога распухла и, что очень не понравилось Паулю, посинела. Что такое он ухитрился с ней сотворить?.. Поменяв повязку и добавив противовоспалительный укол, он выпил воды, перекусил, улёгся на пол и расслабил мышцы. Но уснуть не удавалось. В голове словно что-то щёлкало, гудело, похрустывало... Пауль со вздохом поднялся, пошарил в рюкзаке и вытащил завёрнутую в пластиковый пакет фигурку ребёнка. Посмеиваясь сам над собой, соорудил из запасной футболки «колыбель», вытащил фигурку из шелестящего пластика и уложил на ткань, укрыв её краешком. Посидел с полминуты, рассеянно глядя на алеющую на фоне серой ткани голову младенца. Покачал головой: дожили, в куклы играть начал... И улёгся на рюкзак, отметив, что посторонние шумы в голове прекратились. Похоже, всё-таки

угадал...

«Пауль... Проснись».

— Кто здесь? — Пауль дёрнулся и сел, нащупывая выключатель налобного фонаря. Включил, повёл лучом вокруг — никого. — Чёрт... — проворчал он и только хотел выключить свет и снова улечься, как...

Услышал звук.

Мягкий топот чьих-то лап. Быстро приближающийся.

Пауль взвился как подброшенный, не обращая внимания на пронзившую ногу боль, и выхватил левой рукой нож, правой — пистолет. Повернулся к источнику звука.

И едва успел вскинуть руку и сделать два выстрела.

Чёрное бесформенное пятно. Скрежет когтей по камню. Хрип. Фиолетовая влажная глубина пасти. Белые зубы. Горячее зловонное дыхание.

Удар. Воздух вышибло из лёгких, сгруппироваться не удалось. Тяжесть мохнатой туши придавила к полу. Пистолет Пауль выпустил, упершись правой рукой в грудь зверя и пытаясь нащупать горло. Вцепился в шерсть, сдавил, чувствуя под пальцами клочкотание и вибрацию — чудовище рычало, в лицо Паулю летели брызги слюны. Левую руку с ножом он выставил перед собой, когда зверь навалился на него — по предплечью побежала горячая жидкость.

Изо всех сил отталкивая от себя зверя, рвущегося оскаленной пастью к его лицу, Пауль, не обращая внимания на боль в плече, которое зверь полосовал когтями, резко отвёл левую руку назад — и выбросил вперёд со всей силой, которую можно было развить, когда ты придавлен к полу. Раз, другой, третий... Чудовище каждый раз дёргалось, но не отступалось. Правая рука слабела, скользила по шерсти, пасть придвигалась всё ближе, ближе... Пауль чётко видел в глубине, над длинным узким языком, темный провал глотки и «язычок». Чётко и ясно, будто смотрел фильм, а не готовился умирать.

Рука соскользнула. Стало темно и нестерпимо противно, когда зловонная пасть вплотную приблизилась к лицу.

«Нет же, нет... Как я могу не вмешиваться? Как я могу просто отойти в сторону? Неправда, это всё неправда, то, что я вам наговорил. Вы же слышали меня? Ты слышал меня... Это не я... Я не понимаю, как я мог такое сказать. Мне не всё равно. Я не могу... Вся их боль отзывается у меня внутри. Меня разрывает изнутри. Я не могу...»

Каждый, каждый... Кого разрывали на части, каждый, кого жгли эти проклятущие Факельщики... Я умирал с каждым из них. Я выгорел изнутри. Вот отчего я мог сказать такое. Я просто умер внутри.

Сейчас я понимаю, что не вру. Но тогда я тоже не врал. Я был мёртвым, вот и говорил не как живой, не как человек... Я ожил? Надо было умереть, чтобы почувствовать себя живым?

А почему я говорил как чудовище? Почему временами вёл себя как чудовище? Всё просто. Я должен был убедить себя, что мне наплевать. Что мне абсолютно наплевать на чужую боль. Иначе я бы умер. От боли, от этого чудовищного дара, от сопереживания. Я бы не смог жить с болью всех этих людей. Я бы умер и больше никому не смог бы помочь. Мне пришлось стать тем, кем я стал. Пришлось, слышишь?... Это вы меня сделали таким, да?

И мне почти удалось. Но потом появилась она... Чёрт, я даже не могу здесь, в этом

проклятом каменном мешке, назвать её имя. Она пришла и расколотила вдребезги ту скорлупу, за которой я прятался от боли. Я так долго лепил этот панцирь... Старался. Пусть и из грязи. Но я думал, что за ним смогу сохранить внутри хоть что-то человеческое — на будущее... Я надеялся, что об эту грязную, шершавую, отвратительную скорлупу будут разбиваться все эти крики, стоны... Все эти человеческие страдания, которые мир швырял в меня, чтобы меня ослабить, сбить с ног, вывести из игры... Как вы играли мной? Чего вы хотели добиться? Вы дали мне сверх-эмпатию, так же, как Айви наградили сверх-обонянием. И что? Какова ваша цель?.. Проверить, сколько мы сможем выдержать, прежде чем сойти с ума?

А вот это уже интересно. Эорда защищались от вас, только впадая в безумие. И все те люди, которые умерли там, на поверхности... Которые убивали и потом были сами убиты охотниками... Они — провалившиеся эксперименты. А мы? Мы держались долго. Мы — победа вашей чёртовой, проклятой науки. Ты рад?..

Самое смешное, что... В конечном итоге всё закончилось тем, что я снова нарастил этот панцирь, и он стал ещё толще, ещё грязнее, ещё уродливее. Тебе нравится? И теперь я боюсь, что уже никто не сможет проломить его и добраться до того, кем я на самом деле являюсь. Даже я сам.

И что если внутри уже не осталось того, что нужно защищать?

Я так думал до последнего времени. Но потом... Морри. Точнее, даже не она, а её отец. Человеческие глаза на морде страшного чудовища. Он стал чудовищем для всех, убийцей, за которым тянулась река крови... Но остался отцом для своего ребёнка.

И снова мы возвращаемся к этому. Отец... Мы хотим верить, слышишь? И я, и Адам, и Айви... Анна, мы все хотим верить в то, что мы не просто биоматериал для вас. Слышишь? Ответ!.. Папа...

Под взглядом отца Морри скорлупа треснула, и девчушка пролезла в эту трещину. Я часто вспоминаю о ней — почему? Даже чаще, чем о Китти. Они похожи... Нет, не внешне. Они обе внутри полны жизни. Они хотели жить. И одну я спас. Надеюсь, что с ней всё хорошо. Потому что я обязан второй... Которая, может, звала меня перед смертью. Она меня любила...

А я не помог... А мог ли я помочь? Вот он, наш персональный ад — вечно думать об этом... Что я мог сделать? Да что угодно. Проверить печь. Сам её затопить. Забыть закрыть окно. Остаться ночевать и... Умереть вместе с ними? Что угодно. Что угодно. Чтобы не чувствовать себя подлым предателем и убийцей.

Что-то совсем незначительное... Одно слово, жест, поворот головы — и мир сворачивает на развилке на другой путь. И всю жизнь мы выбираем путь на миллионах развилочек... И ладно бы только для себя. Мы и судьбами других распоряжаемся... А что если нас ведут? Что если выбора-то у нас нет — и не было никогда? Кто ведёт? Вы? Ты?

Я даже думать об этом не хочу.

А вот знаешь... Думать о том, что всё, что я в жизни натворил, я натворил по собственному выбору, нисколько не приятнее, однако. И поэтому у человека, который вдруг осознал это, особенно за миг до смерти... Я ведь сейчас умру? Меня загрыз какой-то зверь, я умираю, и это моё предсмертное озарение, да?.. У человека за миг до смерти только один выход — сойти с ума.

Страшно умирать... Но знаешь, мне здесь, в Катакомбах, ни разу не было так страшно, как бывало наверху. Самое страшное — смотреть на знакомых тебе людей и

пытаться угадать: они ещё люди или уже монстры? Ты смотришь на соседа, который сегодня, как и вчера, с улыбкой здороваётся с тобой. Но сегодня он как-то странно смотрит поверх твоего плеча... Что он видит? Примеривается, как вцепиться тебе в горло? Или на соседнем доме примостился Идри? Или там просто ветер треплет вывешенное на просушку бельё и вот-вот сорвёт с верёвки?

Ты здороваешься с соседями, с товарищами по отряду. И постоянно, каждый день вглядываешься в их лица, пытаешься понять: это ещё они — или уже нет? И видишь, что они точно так же вглядываются в тебя...

А потом ты приходишь домой, смотришь в зеркало в ванной и думаешь то же самое. Я ли пришёл сегодня с патрулирования? Или уже не я? Каждый день задаёшь себе этот вопрос. И каждый день подозреваешь, что врёшь себе, отвечая на него...

Я никогда не боялся ни смерти, ни ранений, ни каких-то ещё физических мучений — я боялся навредить другим. Я хотел умереть раньше, чем стану монстром. Об этом я молился, хотя и не верил ни в кого из тех, кому принято молиться.

Кем мы стали? Почему вместо того чтобы объединиться — беда-то у людей на всех одна — мы принялись истреблять друг друга, помогать чуме уничтожить человечество? С эорда произошло то же самое? А вот я не верю. Мне кажется, что только люди изначально являются чудовищами. Только мы сами себе и друг другу — самые жуткие монстры.

Я прав? Ведь прав, я знаю...

А вот сейчас я вспомнил: я задавал себе вопрос — кто я? Тот ли я, кем я себя считаю? — ещё до того, как началась эпидемия. И задавал я его себе всегда. Всю свою жизнь. И сейчас я понимаю: да, я не зря сомневался. Я не тот... Я не знаю, кто я... Айви... Я хочу, чтобы ты пришла. Ты одна умеешь прогонять кошмары, так уж вышло. Даже если тебе самой страшно, от нас ты страх как-то отводила. Ты так нужна мне сейчас. Я хочу умереть без страха...»

---

* Поймём ли мы когда-нибудь, что есть жизнь?

Можете ли вы сказать мне, что такое жизнь?

Быть может, всё, что знакомо и дорого вам,

Судьба однажды сметёт своей собственной рукой.

Мы братья по крови,

Мы братья по крови...

Iron Maiden — Blood Brothers

***

Это смертный сон?

Над ним склоняется лицо той, кого он только что звал в бреду, даже не думая, что кто-то его услышит.

Красно-серый туман. В глазах и в ушах. Шумит, перекачивается волнами прибора.

— Пауль? Пауль... — руки прикасаются к плечам, к лицу... Приподнимают веко. Режущий свет. Но как-то не больно режущий. Как будто и он лишь мерещится угасающему сознанию.

Тот самый свет в конце тоннеля?

Пауль всем существом тянется к нему, но не может пошевелиться, и свет отдаляется, отдаляется... Гаснет.

Не уходи...

Дневник Роальда Ругге (выдержки)

11 октября 1993

Сегодня почти весь день сидели на одном месте. Утром Дрейка скрутило — судороги, пена изо рта, похоже на эпилепсию. Вольф поставил транк., но, похоже, он не подействовал. Отпустило минут через пятнадцать. До сих пор сам идти не может. Ещё и голову о камень рассёк, пока бился в приступе.

Вольф решил выслать вперёд разведотряд. Я вызвался идти с Праттом и Лестер. Прошли полтора километра, нашли спуск на пятый слой. На обратном пути Лестер начала орать и размахивать руками. Вдвоём не без труда зафиксировали её. Успокоилась минут через десять. Плакала и повторяла «Реджи, Реджи».

Пратт ничего не видел, я — тоже. Договорились, что если кто-то видит что-то странное, немедленно называет вслух то, что видит. Может, так удастся отличать галлюцинации от реальных врагов.

К слову, на нас до сих пор никто не напал. Кроме своих же товарищей. Это начинает пугать.

12 октября 1993

Напросился, называется. Выдвинулись к спуску на 5 и наткнулись на засаду. С потолка прямо на голову Пратту свалилось нечто вроде кучи перегноя, но с множеством конечностей. Я внимательно осматривал свод! Там ничего не было! Они так хорошо мимикрируют?

Пратт мёртв. Я даже подходить к телу побоялся.

Вольф застрелил монстра, но у Пратта уже была оторвана голова.

Меня тошнит. Дрейка тоже тошнит. Пратта вскрывает Вольф, ему ассистирует Лестер. Я её недооценивал.

Апрель 2008

В сознание привела резкая боль. Вначале Пауль осознал, что лежит на животе, уткнувшись лицом в кучу острых черепков, и один из них впивается в кончик носа. Потом,

при попытке приподнять голову, пришла и боль из остальных частей тела — от пальцев рук и ног устремилась к центру, как огонь по сухой траве, и захлестнула всё его существо, выдавив из лёгких воздух вместе с хриплым криком.

Кричать тоже было больно. И глубоко дышать. И просто лежать, ощущая израненным телом каждую неровность пола. Тем не менее Пауль попытался расслабиться, насколько возможно. Надо чуть передохнуть и как-то попытаться перевернуться, что ли...

Об этом даже думать было страшно. Последним, что помнил лучевик, было видение устремляющейся к его лицу влажной фиолетовой пасти с тремя рядами острых зубов. Судя по всему, чудовище изодрало его в клочья. И почему он всё ещё жив, и где та тварь, и кто её прогнал — это вопросы пока тоже больно было обдумывать. Первоочередная задача всё-таки — понять, сможет ли он передвигаться.

Хотя бы определить, все ли конечности остались при нём... Пауль пока не ощущал ни рук, ни ног. Вот это было бы обидно... Сбравшись с духом, он послал волевой импульс в правую руку — и сквозь затопивший сознание кровавый туман ощутил, как где-то бесконечно далеко от головы, справа, пальцы слегка проскребли по шершавому камню.

Вторая рука... Ноги. Вроде бы всё на месте и даже работает. Сознание от боли не потерял — предположительно, кости целы. Ну что ж, надо как-то перевернуться. Пауль повозил головой по полу, царапая щёки и лоб об осколки, устроился поудобнее и принялся медленно вдыхать и выдыхать, настраиваясь на рывок.

Терять-то уже нечего... Даже если от боли он отключится, чтотакого — очнётся на том же месте через некоторое время. А если просто лежать — выздоровление быстрее не пойдёт. Надо хотя бы воды попить, не говоря уж о том, чтобы принять антибиотик — мало ли что за инфекцию мог занести в раны этот монстр...

Так Пауль уговаривал себя в течение примерно двухсот вдохов и выдохов — пока невдалеке не послышались чьи-то шаги.

Тут уж стало не до того, чтобы жалеть себя. Опершись на немеющие руки, Пауль рывком приподнял голову и верхнюю часть туловища и напряг зрение. Адреналиновая волна заглушила боль, хотя и не прогнала совсем, но дала возможность встретить опасность лицом к лицу.

По коридору, странно вихляясь и переламываясь, словно конечности и туловище изгибались в произвольных местах, в сторону Пауля быстро двигалась фигура, замотанная в лохмотья фиолетовых полотнищ с алтарей. Края одеяния волочились по полу, цеплялись за крупные обломки камней и обрывались клочьями. Оружия в руках существа не было, но среди болтающихся лоскутов легко могли скрываться ножны, и не одни. Пауль напрягся, пытаясь заставить онемевшее и буквально горящее от боли тело подняться с пола, но только бессильно хрипло зарычал, наблюдая, как враг танцующей походкой приближается к нему.

В паре шагов от Пауля визитёр вдруг остановился, будто бы сложился втрое и сел-упал на пол, так что голова его оказалась почти вровень с лицом лучевика. Из лохмотьев вынырнули худые белые кисти, взметнулись вверх и на мгновение замерли у краёв скрывающего лицо капюшона. Пауль, оцепенев и судорожно смаргивая мутную пелену, смотрел на светлые пятна на фоне серо-фиолетовой ткани. Пятипалые человеческие руки...

Пришелец наконец откинул капюшон. С иссохшего бледного лица на Пауля уставились горящие лихорадочным блеском *человеческие* глаза. Такие знакомые глаза...

Откуда они так хорошо, так страшно и болезненно знакомы?

Паулю вдруг захотелось заплакать.

Неправда, это неправда...

Нет!

Зеркало в ванной.

— Здравствуй, сынок, — Арнольд Ланге улыбнулся беззубым ртом и провёл ладонью по испещрённому шрамами лысому черепу.

Пауль уронил голову на острые черепки и заскулил, захныкал, как ребёнок.

Затылка что-то коснулось, и по позвоночнику прокатилась волна ментоловой обезболивающей прохлады. Пауль судорожно вздохнул и, боясь доверять своим ощущениям, медленно напряг мышцы рук и снова приподнял голову — чтобы встретиться взглядами с копией своих глаз.

Точнее, посмотреть в глаза, копией которых являлись его собственные.

— Как... — вопрос рванулся из груди и застрял в горле, сдавленный новым приступом боли. Арнольд сильнее надавил на затылок Пауля, прогоняя жгучее пламя прохладой ладони.

— Сложно сказать, — голос его звучал спокойно и устало, так по-человечески, *по-домашнему*, что контраст между ним и невообразимой, ни на что не похожей внешностью говорящего был почти нестерпимым. — Я и сам не очень-то понимаю, как я выжил. А иногда всерьёз сомневаюсь, что на самом деле выжил... Тебе полегче? Ты сильно ранен. Я помогу чем смогу, но, к сожалению, здесь и сейчас я могу очень мало, — Арнольд так отчётливо выделил интонацией эти «здесь и сейчас», что у Пауля тут же возникло множество новых вопросов. Видимо, они не требовали произнесения вслух и безошибочно читались на его лице, потому что Арнольд тепло и понимающе улыбнулся. Убрав ладонь с затылка Пауля, он отодвинулся чуть дальше и уселся поудобнее, скрестив ноги. — Я расскажу тебе всё, что смогу, — сказал он. — Но не могу обещать, что ты всё поймёшь — и даже что всё запомнишь. Таковы правила этого места. Мы сами до сих пор не научились отличать галлюцинации от реальности во всех случаях. А ведь я здесь уже пятнадцать лет...

— Мы?.. — выдохнул Пауль, поднимая голову.

— Да, мы. Я здесь не один, конечно. Мы живём небольшой изолированной общиной — те, кто продолжает эксперименты на свой страх и риск.

— Л-люди?

— Не только. В нашем поселении шестеро людей и пятнадцать эорда. И иногда к нам присоединяется один Незримый, но появляется он очень редко, и я так и не понял, с какой целью. Но это неважно. Мы обосновались в заброшенной лаборатории на седьмом слое — туда даже сами эорда забираются нечасто — и продолжаем серию экспериментов по созданию гибрида, устойчивого к проклятию... У вас там, наверху, его называют нейрочумой. Мы пользуемся той терминологией, которая привычнее для наших коллег. Ты ведь знаешь, какова причина появления вируса?

Пауль отрицательно помотал головой.

— Знаешь, — Арнольд снисходительно улыбнулся, — просто не можешь поверить сам себе — в то, что знание, полученное таким образом, есть настоящее знание, а не выдумка и не галлюцинация измученного страхом рассудка. Так? — он пытливо уставился в глаза Паулю, и тот вынужден был кивнуть. — Вот видишь... Проблема заключается в том, что кто-то когда-то решил нарушить естественный порядок вещей. Вмешаться в жизнь и развитие целого биологического вида. Усовершенствовать его, подогнать под свои стандарты. — Арнольд скривился. — И что из этого вышло? Раса эорда вымирает, Незримые теряют влияние и ищут нового симбионта... Люди сопротивляются и создают некую вакцину,

которая может защитить их разум от вторжения. Но времени на тестирование у них мало, и в результате побочный эффект от вакцины оказывается едва ли не опаснее, чем сама инвазия...

— Люди... создают?

— Да, ты удивлён? Там, наверху, — Арнольд с усмешкой помахал рукой потолку, — среди так называемых «бунтовщиков»-антицерковников распространено мнение, что Милфорд заключил союз с Незримыми, чтобы получить некую панацею от всех болезней, под видом которой ему как раз и подсунули вирус нейрочумы — в виде ребакта. На самом деле всё было не так. Наша экспедиция нашла доказательство того, что Незримые уже давно — может, пару веков — пытаются найти способ воздействия на человеческий разум. Но пока все их попытки заканчивались неудачей. Возможно, у людей изначально более слабая психика, и мы не годимся для того, чтобы быть носителями разума Незримых, кто знает... Но после визита группы Милфорда в Катакомбы у обеих сторон появились новые сведения друг о друге, скажем так... Кто-то из Незримых — тех, кого я с нашей, человеческой точки зрения мог бы назвать *нормальными* — передал Милфорду некий артефакт — можешь считать его установкой для синтеза препарата, повышающего устойчивость к ментальному воздействию. Вам он известен под названием Священного Сосуда. Милфорд, который видел здесь результаты экспериментов Незримых над людьми, был, мягко говоря, в шоке и немедленно приступил к изготовлению и распространению этого препарата. А побочные эффекты проявились позже. Впервые случаи заболевания нейрочумой были выявлены ещё в середине семидесятых. А в 1993 году, как раз за полгода до спуска нашей экспедиции в Катакомбы, вспышки участились. Возникла угроза эпидемии. И скрывать правду становилось всё труднее. Теперь понимаешь?

Пауль только молча кивнул. Руки, на которые он опирался, затекли, и он неуклюже перевернулся на бок и сел. Боль отступила, но он понимал, что это временно: тело ощущалось как наполненный ледяной водой мешок.

— Нас отправили на встречу с Незримыми, — продолжил Арнольд. — На переговоры. Но нас не хотели видеть, не хотели слушать. И... Закончилось всё плохо, — он отвернулся и глянул куда-то в сторону.

— А мы? — спросил Пауль. Что-то тут было не так, что-то не стыковалось в рассказе этого человека — предположительно, его отца... Или наведённого Незримыми морока? Или собственной галлюцинации? — Мы — тоже результаты каких-то экспериментов. Каких? Кто их проводил и с какой целью?

— А вот это самое сложное, — Арнольд строго посмотрел на него. — Мы девятеро — все члены экспедиции, за исключением Лестер — были служащими предприятия по производству вакцины. И мы первыми узнавали о её побочных эффектах. В конце концов, именно на нас и наших коллег она тестировалась в первую очередь... Лаборатория в Берроуэне — это закрытый город, в котором расположен завод, ты ведь знаешь? — работала над проблемой устойчивости к проклятию и к ментальному воздействию Незримых одновременно. Они пробовали разные сочетания факторов — вакцинировали и не вакцинировали детей ребактом, вносили генные модификации — наверняка у кого-то из вас есть некие обострённые или наоборот, притуплённые способности, верно?.. В общем, узнай общественность об этих экспериментах, шуму было бы много, сам понимаешь. Поэтому — да, я признаю, мы отдали на лабораторный стол собственных детей. А что нам ещё оставалось? Ты поступил бы иначе, сын? На одной чаше весов — одно дитя, на другой —

миллионы детей, которые или станут рабами монстров, или сами превратятся в чудовищ...

— Э-э, — протянул Пауль, — что-то мне это напоминает...

— Знаю, знаю, что тебе это напоминает, — отмахнулся Арнольд. — Я и не пытаюсь примерять белые одежды, так сказать. Что сделано, то сделано. И в конце-то концов, — он вскинул руки в жесте торжества, — у нас всё получилось!

Пауль, не скрывая скепсиса, покосился на отца.

— Что именно у вас получилось? Убить всех троих детей разом?

— Ну, во-первых, не троих, — довольно отозвался Арнольд. — Вас не трое, а намного больше. Ну... Намного — это громко сказано. Человек пятнадцать, в возрасте от десяти до тридцати лет. Во-вторых, вы все пока ещё живы. И мы приложим все усилия к тому, чтобы так и оставалось. Мы выведем вас на поверхность, чтобы вы послужили человечеству.

— С ума сойти, — вырвалось у Пауля.

— Нет уж, — хмыкнул Арнольд, — и сойти с ума мы вам не позволим. Да вы и не сможете. Уж к психическим расстройствам устойчивость у вас максимальная.

— Прекрасно, — с чувством сказал Пауль. — Даже свихнуться и перестать понимать, что за дрянь кругом творится, нам и то не дозволено. Сволочи вы... Папа.

— Это сложно понять, не спорю, — согласно кивнул Арнольд, не обращая внимания на ругательство и горькую интонацию сына, — но всё же вас наверняка не раз приятно удивлял тот факт, что вы постоянно крутитесь среди такого количества заражённых, а вас нейрочума обходит стороной. Так вот, неужели ты предпочёл бы заразиться, напасть на кого-то из близких, убить — и быть самому убитым охотниками?

— Не знаю, — буркнул Пауль, отворачиваясь. В словах Арнольда ему послышались отголоски его собственного недавнего бреда, и ему очень не понравилось это подозрительное созвучие: либо Арнольд в чём-то прав... Но как же противно с этим соглашаться! Либо Пауль галлюцинирует, воплощая собственный бред в образе своего давно умершего отца.

И что из этих двух вариантов приятнее осознавать — большой вопрос...

— Я думаю, ты был рад оставаться безопасным и даже полезным для окружающих, — уверенно заявил Арнольд. — Я неплохо знаю тебя. Я всегда следил за твоей жизнью, хоть ты об этом и не знал. Всё-таки... — он помолчал. — Что бы ты по этому поводу ни думал, вы никогда не были для нас просто объектами экспериментов. Мы... Всё равно любили вас. Нам было больно за вас. Мы делали всё, что могли, чтобы как-то помочь вам. Но могли мы немного, это правда...

Пауль молча смотрел на отца. Голый череп. Ни бровей, ни ресниц. Синеватые росчерки старых шрамов на белой коже. Болезненная худоба, ни капли жира под кожей. Глубокие морщины. Сколько ему лет? Пятьдесят с небольшим, наверно. А выглядит как глубокий старик. Да ещё и страдающий неизлечимой болезнью. А что это за болезнь — в мире, где любая хворь мгновенно излечивается чудодейственным препаратом Незримых?

Один лишь недуг не вылечить ребактом — тоску.

И чувство вины. Гложущее желание изменить прошлое — и раздирающее осознание невозможности этого. И внутренний безмолвный безутешный плач по настоящему и будущему.

Отец... Что ты сделал с нами?

У Пауля предательски защипало в носу. Ещё чего не хватало... Жалеть этого монстра? Ни за что.

Дыхание перехватило.

Да что это такое?..

Мальчик Полли спрятал лицо в ладонях и тихо заплакал. Руки отца, которого он никогда в жизни не видел, гладили его по голове, незнакомый — и такой родной — голос шептал какие-то глупые и бессвязные слова утешения, которых Пауль не понимал — возможно, они были на эордианском? Но сердце безошибочно улавливало смысл через интонации.

«Всё будет хорошо, сынок. Я с тобой. Не бойся. Всё пройдёт. Я с тобой. Всё хорошо».

Успокоившись, Пауль отстранился, сел прямо и уставился в пол. Ему было до ужаса неловко смотреть в лицо отцу после этой тихой истерики.

— Что сделано, то сделано, — тихо повторил Арнольд. — Я не прошу у тебя прощения, сынок. И никто из наших не стал бы. Я пришёл просить помощи.

Пауль вскинул на него взгляд.

— Эксперимент необходимо завершить, — медленно произнёс Арнольд, глядя Паулю прямо в глаза. — Иначе Незримые не отстанут от людей, будут выдумывать всё новые способы заставить их... Нас подчиниться. Они — враждебная нам сила не потому, что они злые, коварные или что-то в таком роде. Они просто совсем, совсем другие. Мы для них не более чем биологические объекты, которые можно использовать ради своего удобства. Если ты делаешь из дерева табурет, чтобы на нём сидеть, ты ведь не задумываешься о том, как к этому отнесётся само дерево и его сородичи? Есть гипотеза, что растения могут испытывать эмоции. Но проверить её невозможно, потому что нам не дано понять образ мышления настолько отличающихся от нас существ — если предположить, что растения и в самом деле обладают чем-то вроде разума. Так и Незримые — они знают, что мы живые организмы, что мы обладаем разумом, но для них этот разум всё равно непостижим и непонятен, как для нас предположения о ходе мыслей табурета. Поэтому в нашем с ними взаимодействии не надо искать морально-этического подтекста — надо просто защищаться.

— А как же Идри?.. — вырвалось у Пауля.

— Идри... — Арнольд поморщился. — Незримый — отступник, еретик, как его назвали бы у нас. Он как раз и занимался тем, что пытался понять образ мышления людей. Возможно, ему это удалось, не знаю... Сородичи провозгласили его ненормальным и изгнали. По правде говоря, я не знаю, что у него на уме. Я-то не пытался их понять. Я слишком сильно их боюсь.

От последней фразы на Пауля словно дохнуло холодом.

— Боишься?

— Конечно. Больше всего на свете я боюсь стать чьей-то безвольной марионеткой.

— Вот, значит, как, — Пауль зло усмехнулся, — безвольных марионеток можно делать только из собственных детей...

— Да какие же вы марионетки?! — всплеснул руками Арнольд. — Вы всегда принимали решения самостоятельно. И даже тот факт, что вы услышали наш призыв и спустились сюда — всё-таки результат вашего собственного выбора. Вы легко могли его проигнорировать, но, видимо, в глубине души каждый из вас уже осознал и принял своё предназначение.

— Ох, только вот давай без этой фаталистической философии, — вздохнул Пауль. Ему снова стало сильно не по себе, боль возвращалась, туманя сознание. — Так что от нас... От меня требуется? Я не обещаю, что я это выполню, предупреждаю сразу... Но всё же —

озвучь.

— Что требуется, говоришь? — глаза Арнольда вдруг словно вспыхнули изнутри. Мужчина, выглядящий как дряхлый старик, выпрямился, расправил плечи — и Пауль невольно сделал то же самое: вытянулся как солдат перед генералом, хоть и сидел на полу, а не стоял. Взгляд Арнольда Ланге резал воздух, как лезвие эордианского меча. Сила, решимость... Безумие?..

— Что это? — Арнольд вдруг указал на серый матерчатый свёрток рядом со спальником Пауля. Тот недоуменно оглянулся и вздрогнул: он уже и думать забыл о странной кроваво-красной фигурке.

— Похоже, какая-то эордианская реликвия, — нерешительно проговорил он.

— Похоже, — передразнил его Арнольд. — Естественно, это эордианская реликвия. Не ожидал же ты найти здесь реликвию с острова Пасхи?.. Но значение этой фигурки тебе известно? — Пауль отрицательно покачал головой. — Это так называемый Сосуд Чистой Крови. Предмет, используемый в ритуалах Наполнения Жизнью.

— Очень понятно объяснил, — пробурчал Пауль.

— А ты дослушал бы сначала, балбес, — беззлобно проворчал отец. — Ритуал связан с воспроизводством потомства Незримых. Как ты, наверно, и сам догадался, рожать детенышей обычным способом они не в состоянии. Им и в этом деле приходилось полагаться на симбионтов. А проблема в том, что после всего того, что произошло с эорда, они, естественно, утратили способность не только размножаться сами, но и вынашивать детей Незримых. И одним из главных направлений экспериментов над людьми как раз и является поиск способа передать эту почётную функцию им.

— Ну, я так понимаю, этот эксперимент как раз оказался удачным, — Пауль с невесёлой усмешкой ткнул себя пальцем в грудь.

— Не совсем, — возразил Арнольд. — Вы — не дети Незримых... Точнее, так: вы полукровки. Удалось получить несколько детей от матерей из человеческой расы и отцов из Незримых — и только одного ребёнка в обратном сочетании. Но таких случаев, чтобы выжило дитя, зачатое *только* Незримыми и развившееся в теле человеческой женщины, ещё не было. Хотя и ваше существование — уже серьёзный прорыв.

— Опасаюсь следующим пунктом услышать, что мы должны скрещиваться между собой и производить подходящее для этой задачи потомство, — мрачно заметил Пауль.

— Нет, нет, — Арнольд с улыбкой потряс головой, — ваша задача не в этом. Так уж вышло, что двое из вас — дети человеческих женщин и кхм... самцов Незримых, а третий...

— Айви... — прохрипел Пауль. Он как-то разом всё понял. — И ты хочешь, чтобы я... Чтобы она... — он беспомощно переводил взгляд с Арнольда на прикрытую серой тканью фигурку. — Но она ведь... Тьфу, ну и пакость! — он потряс головой и провёл рукой по лицу.

— Понимаю, — сочувственно вздохнул Арнольд, — неприятно думать такое о сестре. Но поверь, это единственный выход. И для вас с братом, и для всего человечества, впрочем... И для вашей Айви.

— Что ещё за выход? — Паулю даже слушать это всё не хотелось. Но, похоже, деваться было некуда.

— Незримые не отстанут от людей, ты же понимаешь, — медленно проговорил Арнольд. Эксперименты будут продолжаться, на смену нейрочуме могут прийти новые, ещё более жуткие болезни... Это необходимо остановить. Айви — единственный выживший плод женщины-Незримой. Она способна выносить и произвести на свет *чистого* ребёнка

Незримых — так называемое Дитя Чистой Крови. Это уже установлено в теории, осталось только проверить на практике — и получить ожидаемый результат.

— То есть ты предлагаешь мне отдать сестру этим проклятушим вивисекторам, чтобы они приспособили её под инкубатор? — тихо спросил Пауль. Он просто не верил, что он только что услышал *это*. И что, осознав услышанное, до сих пор не убил своего так называемого *отца*. Ложного, фальшивого отца, как выяснилось.

Арнольд, похоже, почувствовал всколыхнувшуюся внутри Пауля волну ярости и ненависти. Он как будто съёжился, ещё сильнее усох и стал казаться ещё более старым и немощным.

— Сынок, — начал он и осёкся — Пауль вскинулся и сверкнул глазами в ответ на такое обращение. — Пауль... Пойми, прошу... У вас нет другого выхода. Поверь... Айви пока не вакцинирована ребактом. В ней нет заразы нейрочумы. Её кровь чиста! Понимаешь? Только существо с *чистой кровью* может выносить Дитя Чистой Крови! И тогда всё закончится...

— Что закончится? — звенящим от отчаяния голосом проговорил Пауль. — Для кого закончится? И как закончится?! — голос его сорвался. Как ни хотелось сопротивляться до последнего, Пауль откуда-то знал, что этот человек, называющий себя его отцом, говорит правду. Хоть кричи, хоть убей принесшего дурные вести, хоть убейся сам о ближайшую стену — ничего не изменить. Только так. Только один выход. — Чёртовы фашисты... — голос его дрогнул и затих.

— Она родит им Дитя. Станет их новой Белой Матерью. И они отзовут своих... лаборантов, — ответил Арнольд. — Что после этого станет с ней — я не знаю. Но могу предположить, что она как минимум останется в живых. И скорее всего, будет окружена заботой. Ей будут поклоняться как богине. Эорда поклоняются... всегда поклонялись Белой Матери. Ты сам видел.

Пауль обхватил себя руками и начал раскачиваться, тихонько постанывая.

Неужели... Так и есть... Неужели... Так и надо...

Айви... Неужели нет другого выхода?

Неужели придётся отдать её *им*?..

— А если она уже приняла ребакт? — спросил он, не поднимая головы.

— Тогда — всё, — просто сказал Арнольд. — Тогда человечество обречено на долгие годы безумия и вымирания. На десятилетия, как минимум.

— А если она умрёт...

— То же самое. Новый этап экспериментов. Поиски новой Белой Матери. Эпидемии, безумие, болезни и смерть.

— Фашисты... — простонал Пауль, кусая кулак. — Зачем они так с нами?..

— Зачем, зачем... Просто они тоже хотят выжить, — сурово ответил Арнольд. — Спросила бы тебя лабораторная мышь, на чьих сородичах тестировали антибиотики: «За что вы так с нами?». И что бы ты ответил?

— Мышь, значит, — Пауль внезапно успокоился, убрал руки от лица и выпрямился. — Ну хорошо. Мышь так мышь. Что от нас, мышей, требуется?

— Что-то ты быстро согласился, — Арнольд недоверчиво взгляделся в лицо Пауля. — Что ты задумал?

— Ничего особенного. Просто я пойду к Айви и всё ей расскажу. И пусть самая ценная лабораторная мышь сама принимает решение.

— Ну что ж, много я от тебя и не ожидал, — Арнольд почему-то обрадовался. — Я же

говорил — никакие вы не марионетки! Так вот, слушай. В этом артефакте — кровь Белой Матери. Её надо перелить Айви, и она понесёт Дитя Чистой Крови.

— Как именно перелить?

— Неважно. Можно ввести внутривенно. Можно рассечь кожу и вылить кровь на рану. Только вот пить не стоит, пожалуй, — Арнольд слегка усмехнулся.

— И то хорошо, — Пауль ответил такой же кривой усмешкой. — И как быстро развивается плод?

— Насколько мне известно, довольно быстро. Не как у людей уж точно. Может, дней десять.

— Что-о?..

— Ну, это же не обычный ребёнок, который в утробе матери проходит все стадии эволюции, — улыбнулся Арнольд. — Дитя Незримого — по сути сгусток энергии. До рождения он просто должен вырасти до жизнеспособного объёма, питаясь силой суррогатной матери. А форму Незримые принимают уже после появления на свет. Можно сказать, они сознательно выбирают её в соответствии с тем, чем планируют заниматься в жизни.

— Ничего себе!..

— Да, с людьми у них мало общего. Точнее, пожалуй, вообще ничего. Кроме того, что они так же, как и мы, хотят выжить — и так же любят своих детей.

Пауль, прищурившись, посмотрел на собеседника и отвернулся. Протянул руку к серым складкам футболки, нащупал фигурку, сжал в кулаке. Никаких необычных ощущений. Просто прохладный шелковистый камень.

— Ты так спокоен, — заметил Арнольд. — Не кричишь, не ругаешься. Не возражаешь. И я понимаю, почему. Ты мне так и не поверил.

— Нет, — устало вздохнул Пауль. — Не так. Я не поверил *в тебя*. Понимаешь, в чём разница? Я не поверил себе. Своим органам чувств. Мне гораздо приятнее думать, что всё это мне примерещилось.

— Понимаю тебя, — не менее устало отозвался Арнольд. — Знаешь, мы уже пятнадцать лет надеемся, что... — он с тоской огляделся по сторонам. — Что всё это нам мерещится. Что мы сами себе мерещимся. Но морок всё никак не рассеивается... Может, хоть тебе удастся наконец его прогнать?

Дневник Роальда Ругге (выдержки)

13 октября 1993

Нас осталось семеро. Сегодня утром Юнг разбил себе голову о камень. Меня снова тошнит. Не думал, что я такой слабонервный.

Вольф распорядился разбиться на пары и тройку и спать по очереди, чтобы если кого-то потянет причинить себе вред, второй мог его зафиксировать. А толку? Неизвестно ведь, на кого из пары подействует ГГ, может, как раз на бодрствующего, он примет спящего за монстра и прирежет. Все стали сторониться друг друга. Это плохо кончится.

Тем не менее, сегодня мы спустились на 5 слой. Здесь просто пещера сокровищ! Буквально через километр нашли святилище с 55 колоннами. Я в восторге. Я нашёл там словарь! Толковый словарь эорда. У нас в лаборатории есть два подобных, но гораздо меньше по объёму.

Кстати, расшифровка книг продвигается достаточно быстро. И то, что я там нашёл,

требует особого пристального внимания. Похоже, мы недооценили наших партнёров. Точнее, переоценили. Но я ещё не уверен на 100 %, поэтому воздержусь от голословных обвинений.

14 октября 1993

Похоже, сегодня я глотнул ГГ, но эффект меня скорее радует. Я в таком блаженстве! Я ушёл от места стоянки и целый час бродил по тоннелям и святилищам в одиночестве, собирал образцы, делал снимки и испытывал истинное наслаждение.

Архитектура зорда не отличается разнообразием, но теряющиеся в темноте куполообразные своды святилищ, поддерживаемые такими хрупкими с виду колоннами, кажутся настоящим чудом. А эти статуи? Каждая складка одеяния, да что там — каждая нить ткани грубого переплетения вырезана с непонятной, чрезмерной, излишней точностью. Завитки волос, выбивающихся из-под капюшонов, заусенцы на пальцах у оснований ногтей. Зачем они изображали своих святых такими живыми?

А эти белые скульптуры. Кажется, они дышат. Смотрят. Следят за тобой взглядом, куда бы ты ни пошёл. Говорят с тобой.

Вот тут мне приходится признать, что я оказался не в состоянии отличить галлюцинацию от реальности. Я слышал голос. Он пел, выводил какую-то невыносимо прекрасную мелодию, от которой я заплакал, как на могиле близкого человека, и долго ещё не мог унять сердцебиение. И до сих пор я испытываю тоску по этим прекрасным и печальным звукам. Они куда-то позвали меня. Но не объяснили, как добраться. И теперь я жду продолжения песни, чтобы уточнить направление.

Вернулся в лагерь, рассказал об этой галлюцинации. Лестер призналась, что с ней уже несколько раз бывало такое. Вольф жутко разозлился и заорал на неё. Сказал, что если впредь узнает, что кто-то скрыл важную информацию, лично пристрелит. Угроза прозвучала нелепо, но мы почему-то поверили.

***

— Пауль... Ответь! Пожалуйста...

— А-а-а... Айви...

— Сейчас, сейчас... Адам, дай обезболивающее! У меня в рюкзаке...

— Н-нет, не...

— Молчи! Тихо! Не разговаривай. Сейчас...

— Не на-до... Не... Ай...

Туман. Морок. Небытие. Навсегда?

Не надейся...

Дневник Анны Лестер

Запись 3. Апрель 2008

Адам сказал, что ночью я пела. Вот это новости.

Пела я ту самую мелодию, которая звучала в коридоре, где мы встретили Танцовщика. Наверно, её же я слышала в святилище Матери. Хотелось бы вспомнить наяву, но не получается.

Пауль вернулся! Я так обрадовалась. Хоть и непонятно, как он вернулся. Просто появился ночью в коридоре. А идти сам он не смог бы. И смотрит он на нас с Адамом как-то странно... Да и пусть смотрит. Главное, что он жив. Сильно ранен, но не смертельно.

Он принёс интересный артефакт. Фигурка ребёнка, пропитанная красной кровью. Просто белый камень, который стал ярко-красным. Адам отобрал её и зашвырнул подальше. Пауль долго ругался, но он не может встать.

Ночью я украдкой пошла поискать её, но не нашла. Кто-то забрал.

Что это за фигурки? Они изображают человеческих младенцев, не эордианских. Судя по тому, что я уже видела и слышала, они как-то связаны с воспроизводством потомства. После того как эорда утратили способность размножаться естественным образом, они стали искать способы продлить своё существование за счёт другой расы? Мы (то есть люди) должны были вынашивать их детей?

Что-то такое вроде бы писал в отчёте Ругге. Но точно не помню.

Дневник Роальда Ругге (выдержки)

15 октября 1993

Остаёмся на 5 слое. Нашли место захоронения эорда. Ни одна предыдущая экспедиция кладбищ не находила, поэтому думаю, здесь мы задержимся надолго. Развернули лагерь и начали раскопки.

Это настоящая сокровищница. Столько новых образцов!

Захоронения в каменных сосудах — в книгах я видел их изображения и описание погребальных обрядов, а теперь получил возможность увидеть всё это собственными глазами! Судя по всему, эорда хоронили умерших спустя продолжительное время после наступления смерти. Мы пытались понять, с какой целью они сохраняли трупы, но в книгах об этом не говорилось. Здесь же мы нашли несколько листов с записями и схемами — кажется, мы совершили открытие, которое перевернёт все представления о биологической природе эорда! Период от тридцати до шестидесяти суток после смерти отводился на то, чтобы убедиться в окончательной смерти особи. Попросту говоря, при определенных условиях эорда могли воскреснуть!

Я не могу спать. Разбираю тексты. Нашёл ещё удивительную деталь. В некоторых случаях обряд погребения производился немедленно — каковы предпосылки, я пока не разобрался, но, похоже, речь идёт о смерти от какого-то определённого заболевания. Возможно, эорда просто опасались возникновения эпидемий и торопились захоронить трупы, заражённые определённым вирусом?

Мы, конечно, работаем в защитных костюмах. Но что-то мне не по себе.

17 октября 1993

Похоже, я чёртов пророк. Сегодня мы лишились Темари. Его убил Штарк. Просто ни с того ни с сего воткнул тому в горло нож. Да ещё и провернул в ране. И засмеялся. Похоже, я долго не смогу нормально спать. Этот смех

Мы с Вольфом зафиксировали Штарка, а он начал кашлять, прямо как Вернер. Потом вроде бы отключился. Мы с Дрейком связали его и оттащили к лагерю. Я вернулся на раскопки. Через пятнадцать минут прибежал Дрейк, сам почти невменяемый. Рассказал, что снял с Штарка маску и увидел, что у него зубы удлиннились в два раза. Разжал челюсти шпателем и обнаружил, что зубов два ряда. Мутировал. Так быстро? Ещё вчера за завтраком зубы у него были обычные.

Дрейк сказал, что к Штарку больше не подойдёт. Вольф сходил к палатке фельдшера и вернулся минут через пятнадцать без маски и очень бледный. Велел Дрейку пойти заняться вскрытием.

Мы всё поняли.

18 октября 1993

Продолжаем раскопки на кладбище. Ланге вечерами молится. Вольф смотрит неодобрительно, но ничего не говорит. Интересно, кому молится Л.?

Лестер нашла групповое захоронение. В каменный сосуд яйцевидной формы поместили тело женщины в обычной для погребения позе: колени поджаты к животу, руки обхватывают их. Л. извлекла тело из сосуда и обнаружила, что справа и слева женщину как бы обнимают два маленьких тельца. Если проводить аналогию с человеческими детьми, им примерно пять и три года (примерная оценка на основании относительного размера тела женщины и степени развития костей скелета). Дети «стоят на ногах» и обнимают женщину (предположительно мать). Лестер пытается препарировать тело, чтобы определить, действительно ли это рожавшая особь. Дрейк помогает, но крайне неохотно.

Ланге сказал, что за это Незримые их проклянут. Лестер странно засмеялась и сказала, что она-то проклята с самого рождения, ей нечего бояться, а они с Дрейком пусть держатся подальше, если им страшно.

Апрель 2008

Айви всё меньше походила на себя. Исчезла, растворилась в багровой тьме лабиринта их железная дева-командир, резкая и взрывоопасная, как перезревший гриб-дождевик. Её сменила испуганная, печальная девушка, не поднимавшая взгляда от миски за обедом и молчащая по многу часов подряд.

Адам боялся за неё. Он видел, как в ней что-то надломилось, и даже мог предполагать, что послужило причиной. Она только сейчас начинала понимать, зачем она на самом деле пришла в Катакомбы. Что именно её тут ждали. И что от неё в конечном итоге потребуют того, к чему она совершенно не готова.

Адам давно это знал. И был почти уверен в том, что она не справится сама. Он знал, что её надлом уже не срастётся. И всё больше склонялся к тому, чтобы помешать неизбежному случиться. Он чувствовал, что способен на это. Вопрос — какой ценой?..

Во время привалов, лёжа с закрытыми глазами и вслушиваясь в шепчущую тишину подземелий, Адам звал отца. Хотел поговорить, спросить совета. Покаяться... Он ведь

понимал, что выполнение Анной её миссии будет означать спасение для расы сородичей Идри. Но он не мог смириться с мыслью о том, через что ей, обычной девушке, придётся пройти ради этого...

Ну хорошо, пусть и не совсем обычной. Она тоже родня им. И тоже не в восторге от этого родства. Она точно так же чувствует себя обманутой, преданной теми, кого любила, кого считала своими родителями. И поэтому для Адама — для обеих его личностей — она стала самым близким на земле существом.

Адам-Незримый горевал вместе со своим народом, но не мог отделаться от чувства обиды за отца: того провозгласили преступником и изгнали всего лишь за то, что он предложил привнести в ход экспериментов чуть больше «гуманизма» — что бы это ни означало в понимании негуманоидной расы. Идри просто хотел дать людям чуть больше информации — он был уверен, что сможет найти добровольцев для участия в исследованиях, что нет необходимости ставить под угрозу жизнь целой расы...

Нашёл бы он добровольцев? Кто знает...

Наверняка нашёл бы. Адам не сомневался в этом. Пока на свете существуют такие люди, как Айви — недостатка в добровольцах не было бы.

Адам-человек с горечью думал о своей матери, которая согласилась на эксперимент над собственным ребёнком, и о своём «человеческом» отце, главе экспедиции 1993 года Питере Вольфе, который покинул Катакомбы живым, в отличие от матери Айви и отца Пауля. Да, Айви в моменты «просветлений» понемногу пересказывала Адаму содержание дневника Роальда Ругге, одного из вернувшихся членов той экспедиции. Ругге покончил с собой через два месяца после возвращения на поверхность. В записке, найденной рядом с телом, были перечислены — и перечёркнуты — имена всех тех, кто спускался вместе с ним и не вернулся. И приписка: «Я иду к вам»...

А о дальнейшей судьбе Вольфа Айви ничего не знала. Возможно, он ещё жив. Вот бы разыскать его, поговорить, посмотреть в глаза...

Хотя зачем? Что он, Адам, мог бы ему сказать? Что надеялся услышать? Предложение помощи? Раскаяние?..

Ну нет. На это рассчитывать не приходится. У них троих есть только они трое. Ни на кого больше во всём свете полагаться нельзя.

Хотя... Как раз в отношении Айви-Анны это, возможно, не совсем верно.

Сейчас Айви замкнулась в себе, оставшись один на один со своим чёрным отчаянием, со своими страхом и раскаянием. Она уже осознала, в какую грязную игру оказался втянутым её отец. Он вынужден был согласиться над эксперимент над своим ещё не рождённым ребёнком, а потом — все двадцать шесть лет жизни Анны — ему приходилось выбирать между двумя кошмарными исходами для неё: либо риск заражения нейрочумой, либо превращение в живой инкубатор для Незримых.

Айви только сейчас начинала осознавать, в каком аду жил все эти годы Патриарх Реджинальд Лестер. И теперь вся многолетняя концентрированная ненависть, которую она изливала на отца, давила ей на совесть, выжигала душу, как кислота. И, возможно, одним из мощнейших стимулов для того, чтобы удержаться по эту сторону безумия и выжить, для неё являлась потребность вернуться к отцу и попросить прощения.

Что ж, в таком деле все средства хороши... Адам даже готов был со всей возможной жестокостью поддерживать в ней это мучительное жжение раскаяния, чтобы она ни на миг не забывала о необходимости снова увидеть над головой голубое небо, а не кирпично-

красный каменный свод...

«Идри... Отец. Почему ты не приходишь? Нам нужно поговорить».

Когда пропал Пауль, Айви надломилась ещё сильнее. Адам с трудом уговаривал её есть и пить; пару раз пришлось даже прибегнуть к ментальному воздействию. Осторожно, в пару касаний, чтобы она ничего не заметила. Но она пребывала в столь глубокой прострации, что, скорее всего, не почувствовала бы и более сильного «давления».

Потом Пауля «вернули». Израненным до полусмерти, плохо соображающим — и ненадолго. Судя по всему, от него требовалось только одно: доставить в лагерь этот проклятуший артефакт.

Адам, не обращая внимания на слабые протесты Айви, отобрал у беспомощного, бессвязно ругающегося лучевика фигурку и зашвырнул подальше, надеясь, что она разобьётся, и Чистая Кровь — Проклятая Кровь — выльется и впитается в буро-красные камни.

Да, отец приходил поговорить, как Адам просил. И предупредил его.

— Адам... Проснись.

— Отец? О, наконец-то. Я так долго тебя звал...

— Прости, я был далеко, не слышал, а потом долго добирался.

— С тобой всё в порядке?.. Я слышу в твоих интонациях что-то странное.

— Со мной? Не беспокойся, сын. Что со мной может случиться? Всё плохое уже случилось — очень давно. Но мне приятна твоя забота.

— Всё-таки что-то не так...

— Да, на самом деле есть кое-что, что меня беспокоит. Скоро к вам пожалуют гости. Точнее, они уже приходили — к Паулю, во всяком случае. И я боюсь, что вас могут ввести в заблуждение. В конце концов, я — представитель другой расы, я бесконечно далёк от тебя во всём, а те двое — всё-таки люди. И человеку проще поверить своему соплеменнику, ведь так?

— О чём ты? Ты меня пугаешь...

— Приходится, сын, ничего не поделаешь. Дело в том, что каждого из вас троих здесь, в Катакомбах, ведёт один из родителей. За тобой присматриваю я, у Пауля и Айви здесь — соответственно отец и мать. И у нас троих — у родителей — цели не совпадают. Я поясню тебе, в чём суть конфликта. А выбор придётся делать тебе самому.

— Кому из вас верить?

— В том числе, но не только. Ты знаешь о нескольких возможных путях развития событий и их исходах. И должен будешь решить — что для тебя ценнее и важнее.

— Слушаю тебя.

— О сути экспериментов я рассказывать не буду — ты достаточно осведомлён. Сейчас мы все стоим на пороге, за которым ждёт либо разрешение конфликта, либо новый виток его развития. Смотри. Незримым нужно Дитя Чистой Крови, и они не остановятся ни перед чем чтобы его получить. И я их понимаю... Точнее, нас. Людям — человечеству — нужно избавление от нейрочумы. А вам троим нужно просто выжить, верно? И при этом весь остаток жизни не мучиться осознанием того, что вы поступили подло и обрекли кого-то на страдания и смерть.

— Ну... Можно, наверно, сказать и так. Выжить, но не ценой нечистой совести. В этом мы все трое сходимся, думаю.

— И каждому из вас родители предоставят свою версию правды, понимаешь? И то, что скажу тебе я, тоже вполне может оказаться ложью — ложью во спасение *моей* расы. Не твоей, а *моей*! Ты осознаёшь это?

— Конечно. Продолжай. Надеюсь, я всё-таки достаточно разумное существо, чтобы сделать правильный выбор на основе достаточной информации.

— А вот тут и скрыта угроза! Информация у тебя — от меня, от лица заинтересованного!

— Не только. Айви многое мне рассказала. У меня есть как минимум точка зрения ещё одной стороны.

— Отлично. Это упрощает задачу. Итак, слушай. Если Чистая Кровь попадёт в вены Айви, Незримые будут торжествовать, прекратят свои эксперименты с ребаком... Вроде бы всё должно закончиться хорошо. Но на самом деле ничего не закончится — во всяком случае, для Айви. Понимаешь?

— Они не остановятся... Им нужно не одно Дитя...

— Именно. Дети Айви, сотни и тысячи её детей... Бесконечный поток. Бесконечный ритуал. Не думаю, что для неё это будет болезненно или мучительно — скорее всего, она ничего не будет чувствовать. Совсем ничего. Понимаешь?..

— Она перестанет быть собой, только и всего.

— Верно. Она перестанет быть человеком, но не станет Незримой. Она будет вечно пребывать в состоянии перехода. Пустота. Вот это, наверно, будет самым точным определением. Пустота и ожидание.

— Я понимаю... Одна Айви — и все люди на Земле... Хорошенькие условия для принятия решения...

— Об этом я и говорил. Тебе придётся нелегко.

— Отец, но неужели нет каких-то других способов обуздать нейрочуму? Кроме... такого вот радикального. Я не верю. Вы же... Почти боги. Неужели?..

— Сынок, мне жаль, но если и существуют такие способы, то мне они неизвестны. Я уже много лет ищу их — и обещаю, что продолжу искать. Но пока... Нас, отступников, слишком мало, мы не обладаем достаточным могуществом, чтобы как-то соперничать с лабораториями Старейших. Поверь, мы делаем всё, что можем. Пока у меня только один совет — строгий карантинный режим.

— Ветоши!.. Да!

— Вижу, у тебя уже есть идеи. Это хорошо. Действуй так, как сочтёшь нужным.

— Но... Папа! Это как-то дико звучит: ты подсказываешь мне способ, как помешать твоей расе выжить!

— Не помешать выжить, а всего лишь помешать творить отвратительные вещи ради выживания. Я не хочу, чтобы моя раса выживала таким путём. Пусть продолжают искать. В конце концов, я уверен, что можно найти добровольцев... Кстати, а ты уверен, что Айви не согласится на это по своей воле?

— Знаешь... Я бы не удивился. Поэтому, возможно, твои предостережения напрасны.

— В любом случае, сынок, как именно поступить, решать тебе. Ты можешь применить ментальное давление, если она решит согласиться, но как ты будешь потом с этим жить — думай сам.

— Я понимаю... Я буду думать. Спасибо тебе.

— Ты мне веришь?

— Честно? Не знаю. Но знаю, что хочу верить. Очень хочу.

— Спасибо и на этом...

Дневник Анны Лестер (дата и время не указаны)

Что происходит? Я проснулась от криков Адама. Пауля нет. Я подумала, что он опять ушёл. Но Адам сказал, что Пауль просто исчез — он сам видел. Вот он лежал у стены — а вот там никого нет. И всё его снаряжение на месте. Что творится?

Адам плачет и ругается по-эордиански. Я понимаю всё, что он говорит. Хотя язык никогда специально не учила.

Не могу больше. Давит, давит, давит.

Я одна, хоть Адам и сидит в двух метрах. Я его не вижу, не слышу, не чувствую. Как это страшно — когда ты один, когда ты на самом деле не один.

А теперь я понимаю — со мной так всегда было. Я всегда старалась отогнать от себя всех. Остаться одна. И не то чтобы мне это нравилось. Зачем? Я думаю, я всегда знала о себе то, что сейчас понимаю так ясно. Только не хотела сама себе признаваться. Я сумасшедшая. Я опасна. Со мной противно иметь дело.

Адам опять кричит. Расцарапал себе руки, говорит, под кожей у него черви. Поставила ему последнюю ампулу транк-ра. Всё. Больше надеяться не на что.

Неужели я на самом деле сделала всё, что сделала? Неужели я вправду сумасшедшая? Такая же, как мама?

Почему я решила, что верить нужно ей, а не отцу? Сейчас я понимаю, что все мои тщательно хранимые воспоминания — это десять процентов фактов, а остальное — моё воображение. И звуки борьбы, и крики. И мамины сны, кошмары — я считала их более правдивыми, чем папины слова. Почему?

Почему я убила себя собственными руками?

Папа знал про ребакт. Он глава Церкви и не мог не знать про ребакт.

Незримые контролировали эорда.

Эорда вымерли. Или заболели и стали непригодны для использования. Единственным способом вырваться из-под контроля стало безумие.

А может, дело как раз в этом? Мама была безумна, я тоже безумна. И отец видел, что мы в любом случае не поддадимся порабощению, а значит, мы — особенно ценные образцы. Он хотел нас уберечь.

Да, верно: он не дал привить меня террумом, меня никогда не лечили ребактом. Но он и не отдал меня Незримым! Он не мог бороться со своими хозяевами в открытую, но попытался спрятать хотя бы меня. А я так отвечала ему.

Как же мне плохо, папа. Как мне стыдно.

Ты защищал меня. А я плюнула тебе в лицо. Ты рисковал из-за меня. А я играла своей жизнью, чтобы сделать тебе больно. И я умираю здесь сейчас, потому что я глупая и неблагодарная сволочь.

Адам. Его отец тоже защищал своё дитя. Я поняла! Идри не зря показался сыну на поверхности. Он хотел показать, что Адам не один, что хотя он и плод противоестественного эксперимента, но он всё равно сын своего отца. Не знаю, как там у Незримых с эмоциями, можно ли сказать, что Идри любил сына, но для нас, людей, это выглядит именно так.

А Адам, получается, мудрее меня. И namного. Он не возненавидел ни отца, ни мать, которая дала согласие на этот эксперимент. Он наверняка просто радовался возможности жить. И он заслуживает жить. Идри, ты ему поможешь?

А Идри, получается, тоже пошёл против своих. Я не думаю, что те, кто передал Милфорду Сосуд, рассчитывали, что кто-то из них по-настоящему привяжется к подопытным. Так что Идри со своими неуместными отцовскими чувствами должен был представлять угрозу и для бунтовщиков. Но они ничего с ним не сделали? Я надеюсь.

Проснулась и увидела, что Адама нет. Снаряжение на месте. Значит, он меня не бросил. Его забрали. Братик, я буду скучать.

***

Пауль больше не появлялся. Айви становилось всё хуже. Адам уже не пытался заговаривать с ней — только ловил отблески интереса во взгляде, когда садился перебирать образцы и листать составленный ею каталог. Есть она прекратила совершенно, при попытке осторожно заставить её результат оказался неутешительным — девушку просто-напросто стошнило. Так что Адам только следил, чтобы она пила воду да хоть иногда спала, хотя во сне она чаще всего судорожно вздыхала, вскрикивала и тихонько плакала.

Время от времени на привалах она с криком вскакивала с места, принималась звать Пауля, маму, отца... Иногда начинала судорожно рыться в аптечке, приговаривая «Сейчас, сейчас, потерпи», доставала ампулу транквилизатора и вдруг застывала, с недоумением глядя на неё, словно не узнавая или не понимая, что это за штука и зачем она нужна. Адам осторожно забирал у неё ампулу и клал на место. Она не сопротивлялась, только быстро и вопросительно взглядывала на него. И молчала.

Ещё она что-то иногда записывала в потрёпанной тетради, которую всегда носила за пазухой и дёргалась и едва не рычала, когда Адам пытался подсмотреть, что же она пишет. Во время ведения этих записей лицо её немного прояснялось, растерянное выражение сменялось сосредоточенным — Айви хоть немного начинала напоминать себя прежнюю. Это радовало Адама, но не подолгу: закончив писать, девушка, судорожно озираясь, быстро прятала тетрадь за пазуху и обхватывала себя руками, будто опасалась, что кто-то отберёт её драгоценный дневник. От этого зрелища у Адама сердце кровью обливалось: он видел, как самый близкий ему человек стремительно утрачивает рассудок, и не понимал, как остановить этот процесс.

Скорее бы всё закончилось... Так или иначе.

И когда однажды, проснувшись, он обнаружил, что Айви поблизости нет, а сам он лежит на полу в центре пустого круглого зала, он встал на колени, поднял лицо к потолку и завыл. Отчаянно и безутешно, как на могиле родного человека. Она осталась одна. И теперь они придут за ней. И принесут Чистую Кровь. И некому будет предотвратить неизбежное.

— Папа! Идри!.. Помоги...

Дневник Роальда Ругге (выдержки)

19 октября 1993

Ночью начало сбываться пророчество Ланге. Всех разбудил дикий крик. Оказалось, что это Дрейк, который отбивался от кого-то невидимого. Когда удалось его зафиксировать, и

приступ прошёл, Д. рассказал, что на него напала эрдианская женщина с вскрытым животом, из которого на пуповине свисала плацента с недоразвитым плодом внутри. Теперь Д. лихорадит и тошнит, и мне поручили остаться с ним в лагере. Продолжаю расшифровывать тексты.

Похоже, моя догадка верна, и от того, что я узнал, мне стало не просто страшно или тоскливо — мне захотелось немедленно разбить себе голову о стену, как это сделал несчастный Юнг. Незримые вовсе не хотели нас облагодетельствовать! Я нашёл несколько дневников наблюдения за экспериментами. То, что мы называем ребактом и террумом и считаем священной панацеей, дарованной нам милосердными божествами, на деле оказалось экспериментальной сывороткой, которую Незримые тестировали сначала на своей расе-симбионте, а когда эксперимент зашёл в тупик, решили найти новую группу подопытных!

Поделился информацией с Вольфом и остальными. Лестер сильно разволновалась, но ничего толком не сказала. Похоже, она что-то знает. Но молчит, и я, кажется, понимаю, почему.

Теперь я совсем иначе смотрю на эти статуи, сосуды, колонны. Я не знал, как относиться к эорда — мы были просто чужими друг другу, существами, которые делили одну территорию на карте, хоть и на разной высоте относительно центра планеты. Но мы были совершенно чужими. А теперь я чувствую с ними странное сродство. Будто это моих близких друзей или родных подвергали жестоким экспериментам и замучили до смерти. Наверно, так чувствовали себя родные узников фашистских концлагерей, когда оказывались на месте, где десятилетия назад не люди творили такое с людьми.

Мне хочется что-то сделать. Но я не понимаю, что и как. И зачем. Ничего уже не исправить. С эорда — точно не исправить. С человечеством — не знаю. Попробую.

20 октября 1993

Сегодня на нас напало жуткое существо. Я до сих пор не могу нормально писать — руки трясутся. Это было похоже на зверя из семейства кошачьих, но сколько у него лап — я так и не сосчитал. Минимум восемь. Хотя может, это и не лапы. В общем, оно убежало, хотя Вольф высадил в него обойму двадцатизарядника. И как минимум несколько раз попал в голову. Ну и живучесть. А может, он механический? Точнее, скорее магический — учитывая, где мы находимся.

Ланге серьёзно ранен. Дрейк накладывает швы, молчит, но я уже прекрасно понимаю интонации его молчания.

Ланге умер через два часа. Попросил передать жене и детям, что любит их. А никто из нас и не знал, что у Ланге есть семья.

Нет, Вольф, похоже, знал — судя по тому, как его перекосило. Мы с Дрейком насели на начальника и не отставали, пока он не рассказал. Оказывается, когда Л. поступил на службу в лабораторию при Церкви, он подписал обязательство порвать все связи с семьёй. Церковь перечисляет семьям содержание из жалованья служащих, но какие-либо контакты запрещены.

При этих словах Лестер тоже перекосило. Дрейк попытался что-то у неё спросить, но она устроила такую истерику, что мы сочли за лучшее отстать — ещё не хватало, чтобы

её вопли снова привлекли то чудище или его родственничков.

Дрейк не стал проводить вскрытие тела Ланге. Сказал, что отказывается копать в трупах друзей, и если Вольфу надо, пусть сам проводит вскрытие. Вольф промолчал. Просто похоронили Ланге в пустом погребальном сосуде эорда. А что нам ещё оставалось?

***

Пауль наслаждался своим новым состоянием. Он будто бы стал частью Лабиринтов, одним из миллионов камней кладки, негаснущей свечой, полотнищем или чашей на алтаре. Он стал своим здесь. И подземелья дарили ему, как посвящённому, свои восхитительные тайны.

Каждый раз после пробуждения Пауль оказывался в новом месте. Он побывал в великолепных подземных садах, где среди лиловой травы сияли таинственным лунным светом пятиконечные звёздочки цветов, а по стенам сбегали каскады вьющихся растений с пышными голубыми соцветиями, напоминающими сирень; его пригласили отведать воды из подземного источника — он знал, что источник этот находится на одиннадцатом слое лабиринтов; выше — на десятом и девятом слоях — он посетил церемониальные залы, посвящённые первым поселенцам Эо, и убедился, что у эорда и людей и в самом деле общие предки. Он узнал множество заклинаний и составов эликсиров, прочитал и запомнил множество древних эордианских текстов. Он понимал, что эти знания дарованы ему лишь на время, и выйти с ними на поверхность он не сможет, но сейчас он был готов остаться под землёй навсегда, только бы ему позволили бесконечно путешествовать по хранилищам тайн древней цивилизации.

Он видел много ужасных вещей, которые в обычном состоянии напугали бы его до полусмерти: через стены, которые становились прозрачными в нужных местах, он наблюдал причудливых монстров, полчища крыс, хищные растения и страшно мутировавших эорда. Отстранённо отмечал: вот это диковина, и тут же забывал, отвлёкшись на какое-то более приятное зрелище.

Он почти забыл о своих спутниках, и только время от времени едва ощутимый укол беспокойства возвращал к мысли: «Что я здесь делаю? Что вообще происходит?». Краткие вспышки озарения сменялись часами блаженного погружения в потоки новых знаний. И совсем редко случалось уловить едва слышно шуршащую где-то на задворках сознания мысль: «Галлюцинация?».

Даже в краткие моменты прояснения Пауль не мог вырваться из плена морока. Он просто ждал, куда его вынесет эта тягучая сиропно-сладкая волна. Подземелья играли с ним, показывая картины, которые могли бы пробудить сознание, вернуть память... И, подразнив, снова отнимали обрывки воспоминаний.

Но однажды потрясение всё же оказалось достаточно сильным, чтобы наваждение рассеялось. Пауль лежал у стены и наблюдал сквозь ставшие прозрачными камни, как в соседнем коридоре какая-то смутно знакомая девушка раскачивается, обхватив себя руками, и что-то неслышно бормочет, а потом вдруг вскакивает и, размахнувшись, швыряет что-то о стену.

Пауль ахнул, резко садясь и непроизвольно подаваясь к стене.

Конденсер!

Айви? Что она делает?!

Стена стала самой обычной стеной: красный шершавый камень, редкие свечи на выступающих блоках.

Но Айви... Пауль был уверен, что на самом деле видел её, что она и вправду сейчас там, по ту сторону стены. И с ней явно что-то не в порядке! Зачем она разбила конденсер? В кого она его швырнула? И где Адам, чёрт бы его побрал?

Он бессильно ударил кулаком по рыжим шершавым камням.

Как пройти на ту сторону? Вот она, в паре метров... Но до неё много километров пути. И в какую сторону — неизвестно.

Пауль сел, привалившись спиной к стене, и уставился в потолок.

— Наигрались? — сказал он негромко. — Может, отпустите наконец? Я же должен сделать... То, что должен.

Он прикрыл глаза — казалось, буквально на мгновение. Но когда снова их открыл, над ним возвышался Адам. Усталый и потрёпанный, но живой и, похоже, настоящий.

— Привет, — сказал он. — Ты виделся с отцом?

***

Дневник Роальда Ругге (выдержки)

21 октября 1993

Вольф о чём-то долго беседовал с Лестер. После этого она была странно тихой, и, когда сняла маску за обедом, я увидел, что глаза у неё красные. Попробовал осторожно расспросить. Отмахнулась, только буркнула, что если бы у Вольфа была семья, он бы лучше понимал их с Ланге.

Вот чудачка. У Вольфа есть семья. И он точно так же не видел сына с момента рождения. А сыну уже лет пять, наверно. Просто у нас не принято говорить о таком. Это не просто личное. Это похоже сразу и на разглашение военной тайны, и на признание в собственной уязвимости.

Да, я знаю, что у Лестер есть муж и дочь. И я знаю, кто её муж. Думаю, даже Вольф этого не знает. Это уж совсем засекреченная информация. Фамилию её мужа знают немногие. Это и к лучшему. Одного понять не могу — как он отпустил её сюда? На верную смерть — мать своей дочери... Она для него — тоже подопытная, что ли?

Конечно, об этом я спрашивать не буду. Уже понимаю, что Лестер может просто прибить за лишние вопросы. А нас и так осталось всего четверо.

22 октября 1993

Ночью произошло что-то вообще за гранью моего понимания. Мы с Вольфом одновременно проснулись и обнаружили, что лежим на полу в незнакомом коридоре — ни вещей, ни Дрейка и Лестер поблизости нет. При попытке встать у обоих помутилось сознание, приступ головокружения, тошноты. Пришли в себя снова в лагере, но теперь исчезли Д. и Л. До утра не могли подняться на ноги. Вольф сказал, что сворачивает экспедицию. Найдём Д. и Л. и будем выбираться на поверхность.

Когда смогли подняться, Вольф велел мне сворачивать лагерь и паковать образцы, а сам пошёл искать Д. и Л. Вернулся через четыре часа. Никаких следов. Что за чертовщина?

23 октября 1993

Вернулся Дрейк. Невменяем, непрерывно кричит. Не понимаю, как он вообще нашёл

дорогу назад. Штанины комбинезона разорваны, в крови. Хромает и не даёт себя осмотреть. Вколол ему последнюю дозу транквилизатора. Едва подпустил к себе со шприцом. Сильная тошнота, сухие позывы. От воды отказался. Транк. подействовал через 15 мин. Отключился.

Очнулся через час, рассказал, что произошло. Теперь я понимаю, почему его тошнило. На них с Лестер напали крысы. Он отбил, а её загрызли. Они её просто съели у него на глазах. Прости, Джунипер. Покойся с миром. Хотя о чём я? Какой мир?

Ещё Д. рассказал: они так же, как и мы с В., очнулись где-то в незнакомом месте. Попытались подняться, свалились от головокружения. Потом очнулись в святилище с 55 колоннами. Там был эорда — видимо, жрец или священник. Он проводил ритуал с белой фигуркой ребёнка — наливал в чашу из белого камня кровь — эордианскую, фиолетовую — и совершал омовения. Д. сказал, что самым страшным было то, что кровь не оставляла на фигурке следов, не приставала к белоснежному камню, не пачкала его. Потом жрец заметил их с Л. и бросился к ним с ножом. Тут уж они кое-как собрали себя с пола и рванули на выход. Бежали долго, пока не выдохлись. Остановились передохнуть и поняли, что не представляют, где находятся и как вернуться в лагерь. Потом пошли наугад и наткнулись на логово крыс. Л. шла первой и попала первой. Д. смог убежать. Он пытался помочь, но крыс были сотни, и крупных, по словам Д., размером с собаку.

Д. упал в обморок, а когда очнулся, увидел, что лежит уже в другом коридоре. Пошёл по нему и через четверть часа увидел лагерь и меня.

Кто-то его вытащил. Кто? Кто здесь на нашей стороне?

24 октября 1993

Свернули лагерь, весь день шли назад по составленной мною карте. Пару раз натыкались на завалы на пути. Пока удавалось перебраться, но что будет, когда не удастся? Нам ни за что не выбраться отсюда, если мы не сможем двигаться по своим же следам.

Вольф вообще не разговаривает. Изъясняется жестами. Мы с Д. сначала подумали, что у него что-то с зубами или с глоткой, но во время привала, за обедом, он снял повязку, и я рассмотрел его рот — вроде бы всё в порядке. Наверно, он просто совершенно подавлен. Неудивительно. Нас осталось трое из 10. И впереди ещё путь назад — не менее опасный, чем путь сюда.

Дрейк оправился после крысиных укусов. Подозрительно быстро оправился. И тоже всё время молчит. Чувствую опасность.

Кем они оба стали? А может, это со мной самим что-то не так?

Числа не знаю, времени не знаю, всё пошло в преисподнюю. Происходит что-то совершенно невообразимое. Во время привала пропал Вольф. Мы с Д. ждали его 24 часа, как было обговорено, но он так и не появился. Посоветовавшись, мы решили двигаться дальше. И только свернули лагерь и тронулись в путь, как всё вокруг потемнело, завертелось, и я очутился в незнакомом коридоре со стенами, сплошь задрапированными фиолетовыми полотнищами. Новыми и чистыми! Я пошёл по коридору и нашёл святилище с 66 колоннами. Потрясающе красиво. Белый камень, фиолетовые драпировки, голубые огни свечей. И музыка. Это та самая мелодия, которую я так хотел дослушать. Она рассказала мне всё,

что я хотел знать. Всё, что я не успел разобрать в книгах и свитках эорда. Всю правду! Теперь я знаю всё. Эорда — наши братья во страдании. Но и Незримые — тоже несчастны и заслуживают снисхождения. Оказывается, эта могущественная, богоподобная раса на деле беспомощна перед лицом неумолимого Времени. Когда-то они и вправду были практически всемогущи, а потом... Во всём виновата жадность до новых знаний. Они ставили эксперименты над собой. Они хотели научиться обходиться без симбионтов. Они не желали издеваться над более примитивными расами, используя их как инкубаторы и манипуляторы! Но увы! — ничего у них не вышло. И столетия спустя они не только не нашли выход, но и почти потеряли всё, что имели.

Со мной говорил их Старейший — приблизительно его имя звучит как «Ноари», хотя слова этого певучего языка почти невозможно транскрибировать нашими звуко-символами. Он просил помощи для своего народа. Не знаю, что делать с этой просьбой. Наш народ и народ эорда — против расы Незримых. Почему я должен ему верить?

«Верить нужно сердцу». Так он мне ответил. Но что такое сердце в представлении существ, у которых нет ничего общего с людьми — ни в плане эмоций, ни даже в плане анатомии? Как мы можем понять их? Как мы можем поверить им?

«Иногда не верить опаснее, чем довериться». Я знаю. Понимаю. Но страх... Самое надёжное, внушающее больше всего доверия человеческое чувство — это страх. Ему я верю. И я боюсь вас. Мой страх не ошибается.

Я не могу стать одним из вас. Я не пойму вас. Простите.

***

Дневник Анны Лестер (дата и время не указаны)

Иду по тоннелям. Просто куда-то иду и тащу снаряжение. Своё и Адама. Перестала отмечать путь. Сейчас это уже бессмысленно. Я давно потеряла направление. Теперь мне не выбраться.

Сегодня я видела солнце. Лежала, смотрела в красный потолок и видела синее небо и ослепительно белое солнце. Я смотрела на него и не моргала. На настоящее солнце так не посмотришь. Можно понять, что это была галлюцинация. А если я забуду, что на настоящее солнце смотреть нельзя? Что тогда?

Я мало знаю о том, как устроены органы чувств. В кратком курсе анатомии, который нам давали в ордене, чтобы мы могли лечить раненых, об этом не говорилось. Я привыкла, что органы чувств, особенно глаза и уши — это и есть мой мир. То, каким он для меня является. А обоняние — мой ад. Ему я рада была бы не верить. Мой мир омерзительно воняет. Я не хочу жить в таком. Меня тошнит.

Сегодня был жуткий визг, как будто кто-то пилил заживо дисковой пилой кого-то, кто лежал на мраморной плите. И продолжалось это примерно полчаса. Если чувство времени меня тоже не обмануло.

А потом мне приснилось, что это пилили Армана. Я видела, как кровь разбрызгивалась во все стороны, растекалась по белому мраморному столу. Так красиво — красное на белом. Тот самый мрамор, из которого эорда делали свои священные статуи. Не надо было трогать ту фигурку. Дитя не должно покидать чрево матери до срока.

А может, оно всё поэтому такое белое, что на нём так красиво смотрится кровь?

Сегодня проснулась от жуткой боли в животе. Орала и каталась по полу. Просила, чтобы дали умереть, или хотя бы сознание потерять, не допросилась. Разбила обо что-то лоб и заметила уже после.

Снова роды?

Кого я должна вам родить? Отстаньте от меня! Я бесплодна!

Сегодня с утра проснулась в крови — сильное маточное кровотечение, как тогда у мамы. Теперь слабость. Я думала — всё. Никогда не видела такое количество крови, тем более своей собственной. Потом почему-то стало весело. Я смотрела на эту красную лужу и хохотала. А от смеха ослабела совсем и долго не могла подняться. И лежала почти лицом в этой луже. Как мерзко воняет кровь.

Сегодня видела Идри. То ли видела, то ли нет. Я не верю. Я не понимаю. Как же это мерзко — не доверять своим органам чувств! То ли я вижу, то ли мне кажется. То ли воняет, то ли мне мерещится. А может, я и не ем, и не пью, а только думаю, что ем и пью! Тогда я скоро умру от голода и жажды, потому что мне только мерещится, что я их не испытываю.

Как так можно жить?

Как же мы привыкли полагаться на свои органы чувств! Наша жизнь зависит от того, насколько мы можем им доверять. И насколько они в самом деле нам не врут. Например, подвыпивший человек легко замёрзнет насмерть зимой на улице, потому что он притупил спиртным своё ощущение температуры окружающей среды. Человек может неверно оценить расстояние до движущего автомобиля, броситься через дорогу — и его собьют насмерть. А эти эксперименты по помещению людей в комнату без света и звуков, с имитацией невесомости? Через некоторое время человек перестаёт быть человеком. Можно и так сказать. Разрушается его связь с миром.

Я хочу увидеть Адама и Пауля. Пусть они мне хотя бы померещатся.

Сегодня ко мне приходила крыса. Я сказала ей «Убирайся», и она ушла. Отпустите меня, я больше не могу.

Где-то потеряла один конденсер. Крыса утащила?

Сегодня у меня прямо день визитов. Уже знакомая крыса — на этот раз утащила последний белковый брикет. Да я и есть-то не хотела, забирай. Потом пришёл Танцовщик. Просил вернуть меч. Не отдала. Он мне нравится.

Пока спала, приходил Адам и поцеловал меня в щёку. Брат, я скучаю.

А я — на шестом слое! Тут не ступала нога человека! Я счастлива. Анна Лестер — первооткрыватель шестого слоя эордианских катакомб! Вернусь — папа мне точно выпишет премию.

Тут очень красиво. Всё такое белое. Снежно-белые стены. Искрятся в свете фонаря. Какая красота. Можно я тут умру? Какой красивый склеп. Тут всё чистое, чистое, и когда у меня пошла носом кровь, я постаралась всё стереть, всё до последней капельки, с этого белоснежного пола. Простите, я не хотела осквернять ваше святилище.

Синие огоньки свечей на фоне белых стен. Это прекрасно. Это стоит того, чтобы прийти сюда и умереть. Надо будет рассказать маме. Почему она не пошла со мной?

А вот вспомни, я тебе предлагала. Ты сказала, что папа будет ругаться. Но мы ведь быстро вернёмся. Сходим к твоему брату в гости и вернёмся.

Ну хорошо, позже.

Я не могу спать. Боюсь, что мне приснится папа. Или мама. И как тогда просыпаться?

Я всё думаю — как же так, как я стала такой? Сейчас я вижу, понимаю: я последовательно и целенаправленно разрушала всё хорошее вокруг себя. И даже до эпидемии я уже была заражена. Какой-то гадостью, которая не давала мне быть человеком.

Зачем я отгораживалась от тех, кто мне хоть как-то, хоть чем-то был приятен? Зачем старалась произвести самое мерзкое впечатление на тех, кто интересовался мной? Я хотела изоляции — но не просто скрыться от мира, не просто показать окружающим, что они мне не нужны (а они были не нужны???), а сделать так, чтобы они сами отшатнулись с отвращением, с брезгливостью... С опаской?

А может, я просто всегда чувствовала, что я такое? Может, я и правда была опасна для людей?

Я уже писала об этом. Да, наверно, так и есть.

А может, я просто ненормальная. Как и дал мне понять отец.

Папа, знаешь, тебе бы не мешало поучиться находить общий язык с подростками. Ты мог мне всё объяснить. Думаю, мог. Я ведь хотела верить! Ты был мне нужен не меньше, чем мама. Я бы поверила.

Или не поверила бы.

Кого я пытаюсь обмануть? Я сама виновата. Только я сама. Я могла начать анализировать и найти несостыковки. Как с этим маминым говорением во сне. Только здесь, когда я испытала на себе действие галлюциногенных газов, я поняла: себе доверять нельзя. А другим — и подавно.

И зачем в таком случае я пишу всё это? Опять вру — сама себе, потому что больше никому? Люди не могут без вранья? А эорда? Они были такими же? Те, кто выпутывался из вранья, кто узнавал правду — просто сходили с ума. Правда не нужна. Она опасна. Она убивает?

А может, мы просто придумали себе этих Незримых, чтобы оправдать перед самими собой своё сумасшествие? Просто мы все трое — психи? Я так больше не могу. Я бы хотела сойти с ума окончательно — чтобы перестать понимать, что я схожу с ума.

Ночью мне кто-то пел. Приятный женский голос. Но не мамин.

Пытаюсь работать. Собираю образцы, составляю каталог. Нашла несколько новых ритуальных сосудов. Здесь всё немного проще, что ли. Нет такого изящества, тонкой резьбы, как на предыдущих слоях. Функциональность. Кажется, святилища закончились, и начались лаборатории. Скоро я доберусь до тех, кто здесь ещё остался и продолжает эксперименты.

Сегодня опять приходила мама. Сказала, что мне уже много раз пытались объяснить, что происходит, и указать, куда двигаться, но я не понимаю их языка. Поэтому только пугаюсь и плачу. А чтобы услышать и понять, надо стать одной из них. Она сказала — я знаю, что надо сделать.

Час сидела с ампулой ребакта в руке. Не могу. Прости, мама, я трусиха. Не смогла.

Прошла сегодня несколько километров. Направление давно потеряно, но насколько мне известно, границы Эо более-менее равны границам Блэккейва, поэтому рано или поздно я выберусь, если не буду ходить кругами. Плохо, что еда заканчивается. Невесело думать, что придётся жрать крыс. Хотя уж лучше я их, чем они меня. Ох чёрт. Надеюсь, что за 15 лет поколение крыс сменилось не один раз.

Что-то затошнило.

Сегодня снился Арман. Зачем он врал мне? Зачем сказал, что я была хорошим командиром? Почему они все жалели меня? Считали ненормальной? Боялись спровоцировать припадок? Идите вы к чёрту!

Арман, если выберусь живой, скажу тебе, что ты уже давно мне

Ни хрена не скажу. Не дождёшься.

Прости. Ни к чему связываться с ненормальной. Забудь. Похорони. Лучше скромная могилка и добрая память, чем чокнутая и опасная для окружающих живая Анна.

Кому я вообще в жизни сделала хоть что-то хорошее? Перед смертью как-то хотелось бы взвесить хорошее и плохое. Ну да, я привела на базу Святых, в лечебницу многих незаражённых. Предположим, что это было благое деяние. Но вот что перевешивает — и с большим запасом — все мои добрые дела: я никому не рассказала о ребакте! Хотя бы новорождённых можно было защитить!

Хотя не факт. Это, кстати, тема для исследования. Выберусь — надо будет найти надёжных людей среди медиков и заняться. Передаётся ли эта пакость ребёнку через кровь привитой матери? Если да, то человечество обречено. Таких, как я — наверняка единицы.

А в Ветошах, кстати, могут быть и ещё «чистые». Там беднота, у них нет денег на прививки и дорогостоящее лечение! Господи! Хоть бы догадка оказалась верной!

Я хочу выбраться. Я хочу жить!

Сегодня снились Адам с Паулем. Осматривали мое мёртвое тело. Были расстроены.

Ну же, ребята, бодрее. Анна просто бесполезный и опасный псих, вдвоём у вас больше шансов выжить. Проснулась и обнаружила, что у меня пропали карта и два из трёх конденсеров. Так вы и вправду приходили? Это вы украли? Нет, так нельзя. Адам и Пауль не могли тут появиться.

Кто стащил карту??? Верните!!!

А если последний конденсер выйдет из строя? Не хочу так умирать!

Нашла свои карту и конденсеры в полчаса ходьбы от места ночёвки. Как это понимать???

Сегодня приснился отец и сказал, чтобы я не грызла себя за то, что никому не рассказала про ребакт. Там, наверху, я только догадывалась о том, что эпидемия напрямую связана с ним. Чтобы понять это окончательно, мне надо было оказаться здесь. А значит, я зря себя ругаю. Я должна выбраться. Теперь уж точно — просто обязана.

Забавно, как под землёй проясняется в голове. Видишь одновременно и собственное безумие, и объективные причины для его развития. Наверху такого не будет. Или будет? Может, я и без ребакта теперь своя?

Сегодня приснилась Белая Мать — та, из святилища. Она рассказала, что меня позвали сюда не просто так: я должна родить Белое Дитя, то самое, которое нашёл Адам там в колыбельке. А я не способна выносить ребёнка, у меня выкидыш за выкидышем. Белая Мать плачет, её дети все мертворождённые. Раса эорда исчезла. И я не могу помочь.

А проснулась-то от страшной боли в животе. От крика горло саднит. Пила воду — сразу же вылетает обратно. Чёрт, только воду зря потратила. Да отстаньте вы уже от этого тела, не могу я вам никого родить!

Адам, скажи им! Мне больно! Защити сестру!

Целый день лежу. Смешно, какой тут день в вечной темноте под километрами камня? В общем, уже очень долго лежу. Последние штаны все в кровище. Неприятно. И теперь всегда будет вонять кровью.

Не хочу писать. Не о чем писать. Прошло уже несколько дней, наверное. А может,

много дней. Я не ем. Еды нет, крыс нет. В теле такая лёгкость, скоро я смогу ходить по потолку. Или даже летать. Вот вам новый вид подопытного — Человек летающий.

Мне уже даже не страшно. Я уже умерла. Я уже освободилась. Мама не приходит. Папа не приходит. И Адам тоже. Забыли Анну.

Анна хочет спать.

Я написала что-то на эордианском.

Вырвала лист, а он снова появился.

Или я только хотела вырвать, но не выр

Хочу умереть. Почему я не могу просто пустить пулю в висок? Дурацкий мотив — пули могут пригодиться. Кому? Моему трупу?

А эорда могли воскреснуть, ты не забыла?

Нет, но я-то не эорда.

Ты уверена?

Отстань. Не пугай. Тебе со мной ещё долго вместе идти.

О-ла-ла! Анна не просто разговаривает сама с собой, она сама себе пишет. Приятно. Спасибо, дорогая. За поддержку. Нас все бросили, хоть сама с собой поговорим. Подбодрим себя.

Проснулась сегодня, перечитала последние записи, и мне стало по-настоящему страшно. Не похоже, чтобы я находилась под воздействием местных газов или какого-то поля. Просто я схожу с ума от одиночества и страха. Надо всё-таки попробовать выбраться. Пойду побыстрее, уж насколько смогу. Человек может обходиться без еды достаточно долго, но я понятия не имею, сколько времени я уже без неё обхожусь, поэтому надо поторопиться.

Нашла подъём на пятый слой, потом почти сразу же — на четвёртый. Это порадовало, хотя ненамного приблизило к спасению. Поднималась я явно не там, где спускалась, и представления не имею, в какую сторону двигаться к Шлюзу.

Ха, подумалось тут: а что если я выползу из-под земли на базе Факельщиков, и меня просто застрелит охрана? Вот будет глупая смерть... Вот это будет весело! Пауль оценил бы.

Сегодня плохой день. У меня лихорадка, а в конденсерах набирается мало воды. Как будто влажность воздуха понизилась. Очень хочется пить.

Сижусь на месте, каталогизирую образцы.

Задремала, а когда проснулась, увидела на развороте тетради надпись на эордианском. «Пройди вперёд». Собралась и пошла, медленно, сил-то нет. Через пару километров наткнулась на спуск в затопленное святилище. Влажность воздуха тут явно выше. Спасибо... кому-то.

Отдыхаю. Пью воду. Думаю, что же дальше.

Опять усомнилась в том, что я всё ещё в здравом уме. Произошла совершенно дикая вещь. До сих пор не могу прийти в себя.

Проснулась от того, что кто-то тряс меня за плечо. Обрадовалась — думала, что вернулись Пауль или Адам. И увидела рядом с собой существо, замотанное в фиолетовые эордианские тряпки. Оно заговорило со мной. Знакомым женским голосом. Потом скинуло

капюшон, и я увидела... Сейчас вам будет интересно.

Джун Лестер собственной персоной.

Да, я уже пару раз разговаривала с мамой во сне или в бреду. Но то были только голоса, и вдруг вот она — сидит передо мной, гладит по плечу. Я даже засмеялась. А она так удивилась и спросила, что смешного я увидела — неужели она так забавно выглядит без волос?

Да, она совершенно лысая, у неё нет ни бровей, ни ресниц. Кожа белая, вся в шрамах. Кажется намного старше, чем должна была быть... Если бы не умерла.

Попробую записать наш разговор, пока помню.

Д.: Доченька, я рада тебя видеть.

Я: А я тебя — нет. Это означает, что я всё-таки окончательно спятила. А я-то надеялась... (истерически хихикаю).

Д.: Нет, ты, конечно, наверняка немного спятила, это у нас наследственное (тоже хихикнула), но я — не галлюцинация. Не знаю, удастся ли мне тебя убедить, но... В этих подземельях нет ничего страшнее нас самих, поверь. И не надо думать, что любое видение, явление, звук, слово обязательно несут в себе какую-то реальную или потенциальную опасность.

Я: Ни черта не поняла.

Д.: Неудивительно. Смотри: все вы сталкивались здесь с галлюцинациями. Но у каждого тематика «страшилок» была своя, верно? Никого не пугали чужие ночные кошмары и тайные фобии, так? И какой отсюда вывод? Мы сами себя пугаем. Мы сами себе преподносим в виде мороков самые страшные вещи из нашего подсознания — зачем? Чтобы испытать себя на прочность, возможно. Как считаешь?

Я: Э-э...

Д.: Полагаю, ты об этом не задумывалась. Так вот, поразмысли на досуге. Катакомбы — это подземелья нашей собственной психики, тут прячутся и все наши страхи, и потаенные желания. Здесь мы узнаём о себе главное: хотим ли мы жить и кем мы хотим быть в жизни. Катакомбы устроены так, что каждый незваный гость хотя бы раз оказывается на пороге смерти. И вот тогда-то человек делает выбор: куда всё-таки шагнуть. Понимаешь, доченька: умереть намного проще, чем жить, когда жизнь превращается в ежедневный подвиг. Ты ведь уже не раз думала о том, что самым логичным для тебя действием было бы пустить себе пулю в лоб? Но ты эту логику не принимаешь. Вот и ответ — зачем ты здесь? Чтобы понять, что значит для тебя твоя жизнь.

Я: Чушь какая-то... Ты хочешь сказать, что все, кто тут умер — и ты сама — умерли, потому что просто боялись жить?

Д.: Не в буквальном смысле так, но в целом верно. Все они могли бы выжить. Но они убедили себя в том, что Катакомбы — это жуткое и опасное место, где положено умирать (презрительно усмехается). И да, я-то жива.

Я: Не может этого быть. В дневнике Ругге написано, что тебя сожрали крысы.

Д.: Ругге, дурачок... (снисходительно смеётся). Он просто записал то, что рассказал Верн. А тот увидел, что меня рвут полсотни огромных крыс — и сделал закономерный вывод.

Я: Так что, выходит, он мог тебя спасти, но сбежал?! (кричу)

Д.: Мог, наверное. Но этого и не требовалось. Крысы сделали ровно столько, сколько нужно было, чтобы во мне запустилась собственная программа выживания. Я поверила в то,

что моя жизнь ценна — и отбилась сама.

Я: Бред! Полный бред! (начинаю плакать)

Д.: (равнодушно): Думай как хочешь. Но помни: здешняя реальность внимательнейшим образом прислушивается к твоим мыслям. Какой ты её попросишь стать — такой она и станет. Хочешь, чтобы это оказалось бредом? Так и будет.

Я: (угрюмо): Не верю.

Д, Дело твоё. Я дала тебе всю информацию, распоряжайся ею по своему усмотрению. Лепи из неё или кирпичи, или пирожки, как знаешь. Ты всё равно выживешь, так что по сути вопрос только в том, кем ты выйдешь на поверхность.

Я: Почему ты уверена, что я выживу? А если я...

Д, (перебивает): Нет, ты не выстрелишь в себя из пистолета. Я знаю тебя. В конце концов, ты — итог наиболее тщательно просчитанного эксперимента.

Я: Кстати. Ну-ка, мамочка...

Д, (перебивает): Да, да, я ждала этих вопросов. Думаю, ты и так уже многое поняла, особенно если читала дневник Ругте. И как тебя до него допустили, интересно? Реджи, как всегда, чересчур мягкосердечен по отношению к своей маленькой дочурке?.. Нет, вижу, дело не в этом. Выкрала?.. Молодец. Иного я от тебя и не ожидала. Что ж, ты достойна знать всё о себе — до конца.

Итак, Церковь, Катакомбы, ребакт и Незримые. Мы всегда сочувствовали эорда, но на самом деле их вымирание было лишь следствием вымирания гораздо более древней, удивительной расы Незримых. Эти существа живут и дышат знаниями. Они — воплощение моего идеала разумного создания, понимаешь? Они не мыслят своего существования без поисков истины. И вот к чему эти поиски привели: Незримые заигрались с экспериментами над самими собой и окончательно утратили способность жить и размножаться как обычный биологический вид. Они стали полностью искусственными, если можно так выразиться. И что им оставалось делать? Они, как и любые живые существа, хотят выжить. И они нашли способ продолжать воспроизводиться, хотя бы и при помощи иного биологического вида. Но с тем видом случилось то же самое, что и когда-то с ними. Ну а потом дошла очередь до людей.

Я: (с отвращением). Ну и гады. Мерзкие фашисты. Хороший же у тебя идеал разумного существа... мамочка.

Д, (строго): Ты не на их месте, не суди!..

Я: (перебиваю): Какого чёрта?! Буду судить! Мы-то чем виноваты, что они такие маньяки науки? Мы и эорда, две расы разумных существ! Почему мы должны были по их прихоти превратиться в каких-то... лабораторных мышей?!

Д, Отличное сравнение. Да, лабораторные мыши. Но наши мыши никуда не исчезли как вид. И размножаются как и раньше, если им предоставить свободу. Они выполнили свою задачу — погибло какое-то количество особей, а виду в целом наши опыты не угрожали. Так и с людьми...

Я: (перебиваю): А эорда?!

Д.: (спокойно и снисходительно): А что эорда? Что ты вообще знаешь о них? Эо — только одно из тысяч поселений в толще земной коры. Есть и другие, процветающие, здоровые...

Я: (начинаю психовать): Я тебе не верю. Вот после этого заявления — уж точно не поверю. Выходит, Эо — что-то вроде карантинной зоны. И именно тут, под нашим

захолустным городишком, развернулась драма — схлестнулись интересы трёх цивилизаций. Ну бред же, мама. Ты сама послушай, что ты несёшь... Ох, чёрт. Или это я сама несу... Уйди, а... Оставь меня. Пожалуйста. Сгинь.

Д.: Да, я вижу, что чем дальше, тем хуже ты воспринимаешь мои слова. Сейчас я тебя покину. Но сначала — уж прости, ещё немного шокирующей информации. Первое: я не твоя мать.

Я: Я в курсе.

Д.: (шипит): Откуда?.. Реджи проболтался?!

Я: Нет, просто... Не одна ты решила совершить этаким информационный вброс. У нас есть и другие источники.

Д.: (шипит на эордианском): Идри... Я до тебя доберусь...

Я: (на эордианском): Не тронь отца моего брата.

Д.: (удивлённо, на обычном языке): Анни! Какая же ты всё-таки умничка! Говоришь...

Я: (перебиваю): Я жду информацию.

Д.: Ох, какие интонации. Ну ладно, железная Анна, слушай. Твоя мать — Незримая по имени Улиол, если встретишь — будешь знать, как к ней обращаться, хе-хе... Ты создавалась как замена Белой Матери — о том, что это значит, думаю, вам тоже поведал этот... (шипит). Ты — первый удачный результат эксперимента...

Я: (перебиваю): Позволь узнать: а сколько было неудачных?

Д.: (пожимает плечами). Мне известно о двух десятках. Но не все велись при мне, понимаешь...

Я: И что стало с детьми?

Д.: Зачем тебе это знать? Мало тех кошмаров, которые уже и так к тебе приходят? Не скажу.

Я: Ладно, продолжай и... Проваливай уже.

Д.: Так вот. Чтобы завершить начатое нами, тебе необходимо провести ритуал Наполнения Жизнью. Найти сосуд с Чистой Кровью и провести переливание.

Я: Что за сосуд?

Д.: Видела здесь, в святилищах, белые фигурки младенцев? Вот, тебе нужно найти такую же, только красную. Она содержит Чистую Кровь последней Белой Матери. Введи её себе шприцом или просто разрежь кожу и полей на рану — неважно. Достаточно нескольких миллилитров.

Я: И что дальше?

Д.: (патетически воздев руки вверх): А дальше — ты станешь праматерью обновлённой расы Незримых! Верховным божеством. Тебе будут поклоняться, приносить жертвы, изваяют твои изображения в белоснежном камне и будут жечь перед ними благовония...

Я: (молча стучу пальцем по лбу).

Д.: (усмехается). Да. Попросту говоря — тебя ждут почёт и уважение. Ты ни в чём не будешь нуждаться. Да, и эта гадкая эпидемия прекратится. Не сразу — всё-таки слишком много уже носителей вируса на поверхности. Но через пару поколений о ней будут вспоминать как о страшном сне.

Я: Через... пару поколений?..

Д.: Ты удивлена? Почти все из ныне живущих вакцинированы ребактом. Так что даже если удастся взять распространение вируса под контроль, вероятность вспышек заболевания останется высокой, пока, грубо говоря, все вакцинированные не вымрут.

Я: Да, кстати, я хотела выяснить... А если мать вакцинирована, ребакт передаётся ребёнку через кровь?

Д.: Нет, иначе не пришлось бы разрабатывать ещё и террум. Могла бы и сама сообразить, что ж ты так...

Я: (кривляюсь): Прошу простить, ваше мерзопакостное высочество, что недостойная пробирочная тварь разочаровала вас!

Д.: Не паясничай, тебе это не идёт. Итак, ты поняла задачу?

Я: (продолжая паясничать): О да. Слушаю и повинуюсь. Всю жизнь мечтала рожать шестиглазых детей с рогами и щупальцами. И делать это непременно у подножия собственной белоснежной статуи.

Д.: (неожиданно становится печальной): Я знаю, о чём ты всю жизнь мечтала, Анни... Всё-таки я родила и вырастила тебя. Я любила тебя, как бы это ни выглядело со стороны... И что бы ты сейчас обо мне ни думала. Так вот, ты всегда хотела одного — помогать другим. Ты вся в своего ненормального отца... Настоящего отца. Реджи. Вы оба чокнутые. Я никогда не понимала, как можно быть настолько озабоченным чужими бедами и так мало думать о себе... Ты точно такая же. Поэтому ты сделаешь то, для чего ты предназначена, потому что это — единственный способ остановить эпидемию хотя бы через два поколения. Если ты не завершишь ритуал, Незримые начнут поиски новой Белой Матери — а я уже не смогу стать посредником, моё тело больше не годится для того, чтобы выносить дитя... Поэтому поиски могут продлиться многие десятилетия, а то и века. И человечество всё-таки вымрет. В отличие от мышей. Так что выбор за тобой. Твой страх, отвращение — и да, обида на меня, конечно! — или спасение человечества. Почему-то я уже знаю, каким будет твоё решение. Не забывай, что кандидатов в отцы для этого эксперимента тоже тщательно отбирали...

Я: (вскакиваю и швыряю в Д. конденсер).

После этого я потеряла сознание и пришла в себя неизвестно через сколько времени неизвестно где. Рядом валялся конденсер (не разбился!) — и ни малейшего следа моих вещей.

Ну спасибо... Мамочка.

Да, кстати. Мамочка. Улиол! Я помню это имя! Откуда я его знаю?

Долго ломала голову. Кажется, вот-вот ухвачу мысль за кончик хвоста... Нет, не получается вспомнить. Ничего, мы ещё встретимся, я уверена.

Я вспомнила! Песня! Та самая песня в святилище. Там говорилось о том, что Улиол потеряла своё дитя. Она плакала, это было так грустно. Я нашла! Мама, я здесь!

Она приходила ко мне. Или я сама её придумала? Красивые бледно-голубые ленты. Она похожа и на бабочку, и на кальмара сразу. Плавает по воздуху, ленты развеваются, как будто водоросли в реке. Это так прекрасно.

Даже если и придумала, это самое красивое, что я придумывала в своей жизни. Я хочу быть дочерью такого прекрасного существа!

Она сказала, что я не должна жертвовать собой, если я не готова. Что если я введу себе ребакт, это ведь не означает, что я обязательно заражусь нейрочумой. Можно остаться в лабиринтах — тут нет заразы. А они с родичами дадут мне убежище.

Кстати, мы с Адамом и вправду брат и сестра: моя мать и его отец — близкие

родственники! Вот это новость!

Кажется, я всё-таки сошла с ума. Прости, папа. Я не вернусь. Я не знаю, куда идти. У меня погас фонарь. И еды не осталось. И сил тоже не осталось. Я сейчас лягу у стены и буду ждать их. Они придут и принесут Чистую Кровь. Я готова. Пусть забирают меня. Я больше не могу. Анна хочет отдохнуть.

Я падаю. Давно уже падаю, хоть и медленно. Я уже почти долетела до дна. Скоро будет удар.

Не надо меня поддерживать! Дайте разбиться! Пусть всё случится быстро. Прошу!

А вот и они. Мои будущие служители, да? Я ведь стану вашей богиней? Вы будете мне поклоняться? Это так забавно.

Давайте. Давайте свою Кровь. Вот. Я разрежу руку.

За стеной — Адам с Паулем. Они что-то кричат мне. Почему стена прозрачная? Так не может быть. Просто я очень хочу их увидеть напоследок, вот они мне и примерещились.

Какая яркая кровь. Какая красивая фигурка... У меня будет такой же красивый ребёнок?

Братья идут ко мне сквозь стену. Кричат что-то. «Айви, нет! Айви, не надо!».

Что — не надо? И я не Айви. Я — Анна. Анна Лестер. Вы ведь поставите надгробие на монастырском дворе? Напишите правильно.

Не надо так кричать. Не трогайте меня. Я же знаю, что вас здесь нет. Прощайте. Я забуду вас, когда...

— Нет, Айви! Стой! Держи её!

— Айви! Нет!..

Больше книг на сайте — Knigoed.net